Объединение Реалистов
Долг и Мужество
1 Харбинского
ГРУ
№2
Сборник памяти
1го
Харбинского
Русского Реального
Училища.
1-ое Харбинское Русское
Реальное Училище
Издан Объединением Реалистов
1.Х.Р.Р.У.
Сидней, Австралия.

СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Дорогие реалисты!

Поздравляю Вас всех с нашим Училищным Праздником, посвященным памяти Св. Николая Чудотворца Мирликийского, и с восьмилетней годовщиной основания в Австралии нашего Объединения Реалистов Окончивших 1-е Харбинское Русское Реальное Училище, и выпуском второго номера «Сборника Памяти Реального Училища».

После выпуска первого сборника прошло два года. Как только первый номер сборника был издан наше Правление и Редакционная Комиссия поняли, как дорого всем нам реалистам наше Реальное Училище. Сколько дорогих воспоминаний о лучших, молодых годах нашей жизни, о наших соучениках, преподавателях, о наших русских старых традициях и истории русского народа, всколыхнул этот Сборник.

Первое издание сборника быстро разошлось и в настоящее время на складе Объединения осталось только несколько номеров, хранящиеся для передачи в русские зарубежные архивы, как историческая ценность высокой культуры воспитания молодого русского поколения за рубежом.

Отклики и потребность в сборнике оказались значительно больше, чем мы ожидали. Особенно большой спрос оказался в Австралии и Америке, где проживает много наших реалистов и для которых лозунги нашего Училища: «ДОЛГ и МУЖЕСТВО» и «РОДНАЯ РОССИЯ ТЕБЕ НАШ СЫНОВНЫЙ ПРИВЕТ» являются руководящими до конца наших жизней, несмотря на сильные неблагоприятные условия окружающие нас.

В связи с таким большим интересом к первому сборнику, этот второй номер сборника был выпущен в большем количестве экземпляров, чтобы удовлетворить потребность не только реалистов, но и более широкий круг русских читателей.

После выпуска первого сборника мы получили много писем и телефонных звонков и узнали, как живут и работают и каких успехов достигли многие реалисты на своем жизненном пути. По некоторым наблюдениям можно заметить, что многие реалисты, кроме своих личных и семейных успехов, принимают большое участие в русской общественной и церковной жизни, что является прямым доказательством того целеустремленного и патриотического воспитания, которое мы все получили учась в Реальном Училище. Нас так воспитали. «ДОЛГ ПЕРЕД РОДИНОЙ ПРЕЖДЕ ВСЕГО» так говорит одно изречение из нашего знаменитого школьного дневника.

Большой успех первого «Сборника Памяти Реального Училища» и обращение в нем о возможности выпуска еще одного сборника, а может быть и больше, вызвало широкий отклик среди реалистов и Правление и Ред. Комиссия получили обширный и интересный материал, который мы и поместили в этом втором номере Сборника.

Содержание этого второго номера Сборника несколько иное, чем Сборника № 1. В этом номере также отражена жизнь Реального Училища с фотографиями, а также достижения реалистов в различных областях жизни. Кроме того добавочно помещена жизнь и других учебных заведений г. Харбина. В нем Вы найдете интересные сообщения о спортивной деятельности, так как многие лучшие спортсмены г. Харбина были выпускники Реального Училища. В этом сборнике есть отзывы читателей о нашем сборнике, от известиых лиц нашего Русского Общества г. Сиднея, а также много другого интересного и ценного материала о Русской жизни в г. Харбине и в других странах.

В заключении, разрешите поблагодарить всех наших сотрудников-реалистов и друзей реалистов приславших нам свой материал для Сборника, всех членов Редакционной Комиссии и всех членов нашего Правления за их любовь и преданность нашему Реальному Училищу, всех читателей за поддержку Сборника своим вниманием, а также весь Дамскнй Комитет во главе с Председательницей Ниной Церцвадзе за всегда чудную организацию всех наших семейных торжеств.

Редакционная Комиссия и Правление Объединения надеется в будущем выпустить еще третий «Сборник Памяти Реального Училища» и просит всех Реалистов, разбросанных по всем частям света присылать свой материал о себе и о других Реалистах и о самом Реальном Училище.

Инж. А. А. Логунов

Выпуск второго номера «Сборника»

Выпуск первого номера «Сборника реалистов» в первой половине декабря 1985 года, прошел успешно. Отпечатанный тираж — разошелся довольно быстро и ужс в марте 1986 года правление Объединения абитуриентов I.X.P.P.У. получали требования на журнал, как в местном объеме, так и из заграницы. У правления и редакционной комиссии создалось представление, что если бы тираж был двойной, то и это дополнительное количество разошлось бы. Первый выпуск потребовал много работы. Второй выпуск требует не меньших усилий. Если первый выпуск был посвящен краткому освещению истории Училища, и возникновению нашего Объединения, то второй выпуск предъявляет новые требования. Вот об этом и следует поделиться с читателем.

На эту тему редакционная комиссия имеет как и общее мнение, так и индивидуальные мнения каждого члена. Общее мнение можно ссумировать так: второй выпуск, в какой-то части своего содержания, будет дополнением к первому. Это касается, как истории Училища так и Объединения. Дополнительные сведения по этим двум направлениям имеются и заслуживают того, чтобы быть опубликованными. Но это не все. Новые отделы «Сборника» тоже представляют интерес, и не только для самих реалистов, но также и для многих русских, получивших свое образование в Харбине. И тут пришлось продумать основную линию издания, в которой затрагиваемые факты жизни отвечали бы плану более детального освещения истории Училища и важнейших сфер общей русской жизни в Харбине. Конечно, можно пойти по пути превращения «Сборника» в бюллетень-отчетник, который будет только новой формой корреспонденции между друзьями и знакомыми, личными повествованиями о личных событиях, имеющих место во всех семьях не только реалистов, но и вообще всех наших русских поселенцев в самых различных странах. Такой план в данный период не является нашей целью.

В предварительных обсуждениях членов редакционной комиссии этот вопрос штудировался. Превалировало мнение, что наш второй выпуск журнала, в дополнение к материалам по истории Училища и Объединения, должен затронуть и самую жизнь. Жизнь творческую, жизнь деятельную, в которой реалисты шли к каким-то достижениям, затрачивали продуктивно свою энергию, приобретали опыт в самых различных областях, и теперь делятся этим опытом. Многие из наших реалистов принимают участие в скромной и большой общественной работе, в научной, профессиональной и мн. др. областях. Тут следует еще раз, как и в первом выпуске, заметить, что политически-идеологические мотивы, несмотря на всю их важность в развитии нашего общества, не являются нашей целью. Объясняется это просто: многие из нас живут в самых различных условиях различных конституций и законов, которые мы приняли, и спорить об идеологиях на страницах этого издания вряд ли будет уместно.

Но есть один сильный мотив, который установил связь между нами больше, чем многое другое — это наша русская культура, в условиях которой мы были воспитаны и которая остается всегда постоянной величиной и против которой никто возражать не будет,

Из такого положения вытекает и план подготовки материала для нашего второго выпуска. Этот дополнительный материал, давая картины жизни в новых условиях, знакомит нас с опытом наших абитуриентов в других странах, позволяя нам расширить и свои горизонты и быть с уважением принятыми в наших новых расселениях.

Включение новых отделов в содержание второго выпуска нашего Сборника с практической точки зрения объясняется еще и следующими соображениями. Город Харбин в сев. Маньчжурии был главным центром расселения русских людей прибывших туда после революции в России. В этом городе наши отцы позаботились о своих семьях. Образовательный аспект этих забот, благодаря отзывчивости китайской администрации, оказался нетрудным. В городе скоро возникли, как городские и начальные школы, так и частные средние Училища. О деятельности этих училищ мы все знаем довольно много, но прочли не так много. Исключение составляет Союз окончивших ХСМЛ, который оказался наиболее активным, создал свою организацию и вот уже много лет издает свою «Листовку». Наши реалистьы с прошлого года, с появлением «Сборника» создали свою коммуникационную возможность узнавать друг о друге. Но в Харбине было и много других гимназий и училищ, абитуриенты которых до сих пор не имеют организованной связи между собой. Вот этим-то училищам наш второй выпуск и предоставляет место рассказать о себе, вспомнить свою историю образования, и может быть при таком посредстве сборника они обретут контакты со своими школьными друзьями, проживающими на других континентах.

Наше внимание к церковной жизни Харбина объясняется также просто. Такова наша культура, которая развивалась с испокон веков, и в этом процессе русской культуры наша православная церковь играла весьма важную роль. Среди многочисленных высказываний по поводу деятельности представителей нашей церкви, мне часто вспоминаются пушкинские строчки из «Бориса Годунова», всложенные в летопись Пимена. Помните, как он говорит: «Своих царей великих вспоминают, за их труды, за славу за добро, а за грехи, за темные деянья — Спасителя смиренно умаляют...» По поводу содержания этих четырех строчек можно размышлять очень много, как с исторических позиций, так и с позиций эмоционального свойства.

Введен и спортивный отдел, который позволит вспомнить о многих замечательных достижениях русской молодежи Харбина, отдававшей своей досуг полезной физической культуре, и в некоторых случаях строивших свое личное благополучие на основе своих результатов в спорте.

Что касается отдела, который отводится нами для сообщений о различных крупных достижениях в жизни отдельных абитуриентов I.X.P.P.У., то будет уместным сказать следующее. Мы совершенно не склонны приписывать такие успехи отдельных бывших реалистов только тому факту, что они закончили Реальное Училище. Нет, мы далеки от таких выводов. Мы отлично сознаем, что каждый отдельный успех бывших реалистов является успехом, и результатом, их общего полного образования, стремясь к которому они полагались на ценности, которые были вложены в программу I.X.P.P.У., и этот-то

момеит рождает у нас в сердцах радость за их последовавшие в жизни успехи. И мы приветствуем их воспоминания в этом разрезе и с большим удовольствием предоставляем им место. Мало того, мы полагаем, что их жизнеиный опыт может оказаться цеиным и для тех, кто составляет наше поколение и вырабатывает в себе серьезные требования к своему образованию.

И наконец, мы не можем пройти мимо такого жизненного факта, который затрагивает ту общественную деятельность русских людей, в которой принимали и принимают участие наши друзья и соученики по реальному училищу. В этойц области у многих из наших реалистов имеется немало интересного опыта и тут есть чем поделиться.

Все эти пять отделов, помимо истории Училища и образования Объединения здесь в Сиднее создают благоприятную почву для развития дружбы и уважения не только к самим себе, но и ко всем остальным русским людям, которым волею судьбы пришлось жить, учиться и строить свои жизненные планы в далеком и неузнаваемом сейчас, как пишет инж. ХПИ и воспитанник нашего училища, проживающий в США К. М. Гордеев.

Такова идея, или вернее — таков план нашего второго выпуска — и пусть читатель, прочтя его, выносит свое мнение о том, насколько нам удалось справиться с таким планом, и какие нужны коррективы в будущем.

Редакционная Комисссия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

А. А. Логунов

А. Д. Иванцов

Н. А. Церцвадзе

И. В. Иевлев

В. Н. Ерофеев

Д. Д. Киреевский

А. Г. Панченко

4-ый выпуск абитуриентов I-го Х.Р.Р.У. в 1924 году

Фотография, помещенная ниже, для реалистов вообще может представлять большой интерес, но для редакционной комиссии, и в особенности для секретаря нашего Объединения реалистов в Сиднее, Д. Д. (Мити) Киреевского, эта фотография — чрезвычайно важная. Она для него — как награда за многолетние труды. И вот почему: —

Как уже читатели первого «Сборника» могут знать — наши виньетки, т.е. групповые снимки по выпускам, охватили деятельность Училища начиная с 1925 года, т.е. с пятого выпуска и до последнего.

Фотографии первых четырех выпусков, инициаторы «Сборника» достать не могли. И вот, когда мы говорим об инициаторах — то смысл этого слова оказывается куда сложнее в этом плане, чем об этом можно было бы думать. Дело в том, что Объединение реалистов в Сиднее организовавшееся в конце 1979 года, фактически представляло из себя группу исключительных энтузиастов, преданных своему Реальному Училищу, или приравниваясь ко времени следует сказать — преданных светлой памяти о своем Училище. И дальше можно сказать, что если в тот и в последующий год еще и не было плана о выпуске «Сборника», то мечта об этом определенно лелеялась отдельными лицами. И вот среди них был и есть Д. Д. (Митя) Киреевский, секретарь нашего Объединения, который уже тогда начал кропотливую работу по сбору виньеток всех выпусков. Зачем он это делал, сколько личного времени он тратил для осуществления этого задания, почти никто не знал, а если и знали — то очень немногие. И если принять во внимание, что отдельные копии виньеток были получены из разных концов мира (да, да буквально так, почти со всех стран русского рассеяния), то можно себе представить — сколько было переписки, сколько было поисков местонахождения виньеток, как их копии можно было получить, не лишая обладателя виньетки его наиболее, может быть приятной и важной фотографии — это было куда сложнее, чем вся эта длинная фраза. И затем, можно представить себе настроение наших энтузиастов, когда были собраны 17 последних виньеток, а первых четырех так и не оказалось. Ну, что ж, выпустили в свет в первом номере Сборника — 17 виньеток. И вот теперь, Митя Киреевский сдает в редакционную комиссию фотографию, на которой запечатлены почти половина выпускного класса 1924 года. Не полная виньетка — да, согласны, но это почти половина, и опубликование ее может быть поможет получить или устано-

вить местонахождение общих снимков первых четырех выпусков. У Мити Киреевского, а вместе с ним и у нас, появилась надежда, может быть чуть тлеющая, но не потухшая.

Помещенная на странице 4-ой фотография, была получена от Игоря Каменева, проживающего в настоящее время в Сан-Франциско, США с такими приписками:-

Задний ряд: (слева направо). Стоят пять человек — Борис Чернявский, в черной рубашке, Виктор Барышников, Борис Спасский, Игорь Каменев, Николай Майшев.

Средний ряд — пять человек: Николай Шешуков (в белой рубашке), Н. Соколовская, Томашевский, Н. Гаврилова, В. Муратов.

Передний ряд — сидят: Зоя Каффка, учитель русского языка Г. А. Носков, Антонина Топоркова.

Некоторые окончившие не снимались, как, например, Ю. Галицкий, Г. Бобровский, В. Ильинский, Н. Панченко, Д. Чердынцев.

Дальше в приписке продолжается:

Несколько человек из указанных в «Сборнике» (первый выпуск, как окончивших в 1924 году — у нас в седьмом классе не учились. Один, я помню, сдавал с нами экзамены «экстерном» — С. Заневский. О других — не знаю, но нашими одноклассниками — они не были: (Слова «не были» подчеркнуты двойной чертой.) и фраза продолжается:

Анисиков, Бредихин, Гроссман, Иващенко, Лагунов, Олесов, Погодин, Сычев, был один только Томашевский.

Спросите Юру Галицкого, он это, уверен, подтвердит. Они не учились с нами даже ни в шестом, ни в пятом классе.

ВОСПОМИНАНИЯ О НАШЕМ УЧИЛИЩЕ

Все мы знаем, что здание нашего Реального Училища уже не существует и вместо него построены служебные помещения большого многоквартирного дома, фасад которого выходит на Таможенную улицу. Ворота во двор дома находятся на том же самом месте, где раньше был вход к зданию училища. Теперь, более чем когда-либо, нам всем понятно, что не здание, а та атмосфера русской школы с ее преданными делу воспитания, учителями, оставила в нас незабываемые воспоминания о тех годах и стараниях, которые приближали нас к порогу самостоятельности. Мы выросли, возмужали, имеем своих детей и внуков, и теперь нам стало понятно, сколько сил и энергии было вложено нашими наставниками и учителями в дело нашего воспитания. Преподавание велось по широкой и полной программе русских школ, которая не только подготавляла своих учеников к жизни, но давала достаточные знания и даже очень облегчала держать конкурсные экзамены для поступления в высшие учебные заведения. Очень большое внимание уделялось воспитанию учеников. В каждом классе был классный наставник, который следил за успехами и поведением своего класса, и за их сердечные отношения, ученики их любили и старались исполнить почти все их наставления. В помощь классному наставнику, и для воспитания в учениках ответственности в каждом классе назначалось по два «старших ученика», которые старались уладить все мелкие неполадки в классе. Кроме того каждый день назначались два дежурных по классу, которые следили за чистотой в классе. Они на переменках проветривали класс и приготовляли мел и классную доску к следующему уроку. Перед началом урока дежурный стоял перед раскрытой дверью класса в ожидании учителя и командовал классу «встать», когда учитель уже входил в класс, и после разрешения учителя ученики садились. Для ответов учителю на заданные вопросы ученик должен был встать и вести разговор стоя и садился только с разрешения учителя. Каждое утро перед началом занятий ученики строились в две шеренги в коридорах перед своими классами, а затем поочередно направлялись парами в главный зал на общую молитву. Службу общей молитвы, перед большой, в полный пост, иконой Святителя Николая Чудотворца-Мирликийского, совершал священник, а молитвы все ученики пели хором. В училище были ученики и не православного вероисповедания, и они на молитву не ходили, а оставались в классах. Уроки шли по 40 минут с переменками по 15 минут каждая, за исключением большой перемены в 12 часов дня, когда ученики имели полчаса времени и могли позавтракать, подготовиться к следующим урокам или поиграть в общие игры, как то лапту или волейбол. В 1924-25 году, когда я поступил в первый класс Реального Училища, мы приносили завтраки с собой, а в столовой можно было купить за пять копеек большой бутерброд с чайной или краковской колбасой, или пирожок с кружкой чая. Позднее были введены горячие завтраки для всех учеников. Число уроков в день чередовалось: по понедельникам, средам и пятницам было шесть уроков и мы кончали в три часа дня, по вторникам и четвергам было пять уроков и в два часа дня мы были уже свободны, что давало нам возможность поиграть в любимую лапту. Необходимо заметить, что в Харбин прибывали много-

численные беженцы, которые испытывали финансовые затруднения и не могли достаточно платить за образование своих детей. Вот поэтому все русские школы имели очень скромный бюджет для оплаты учителей и своих расходов. Несмотря на это подбор учителей был очень хороший и они, больше по призванию, чем по необходимости иметь работу, принимались в педагогический состав. Все ученики и ученицы носили установленную форму одежды. Ученики носили черные гимнастерки с высоким воротником, на конец которого пришивался белый кантик, о чистоте которого заботились родители, талию гимнастерки опоясывал широкий ремень с большой медной пряжкой, на которой красовалась эмблема училища. Длинные черные брюки с хорошо проглаженной складкой заканчивали форму одежды. Поверх этой формы, в стенах училища, надевался темно-зеленый, из простого матерьяла, халат, чтоб сохранить форму чистой. Ученицы носили зеленого цвета форменное платье с белым воротником и черным фартуком и они также надевали в стенах училища зеленые халаты, чтобы сохранить свои форменные платья. Головным убором для мальчиков была черная фуражка с зеленым околышем и желтым кантом и медным значком училища. Девочкам разрешалось носить береты — также со значком, или скромного вида шляпы. Зимой, нужно заметить, ученики ходили в шубах, такие — какие каждая семья могла себе позволить по своим финансам — желающие ученики могли иметь форменные шинели — с желтыми петлицами на воротнике и золотыми пуговицами в два ряда. Девочкам не разрешалось красить ногти или губы и делать какие-нибудь пышные прически; большинство из них носили косы, что доставляло большое удовольствие мальчишкам незаметно подобраться и дернуть девочку за косу. Хулиганства, как такового, не было и шутки с девочками были дружественного характера, причем девочки ловко отбивались от таких атак, награждая нападавших хорошими подзатыльниками. Раз в году, в училищный праздник в день Святителя Николая Чудотворца-Мирликийского, 19-го декабря устраивалось торжество. Днем был торжественный молебен архиерейским служением с причтом Кафедрального Собора, после чего, всегда бывал парадный спектакль-концерт силами учащихся. На торжестве присутствовали представители Правления Училища, ДНП и общественных организаций и коммерческих кругов. Вечером бывал праздничный бал, на который можно было приглашать учеников из других школ. В училище был собственный хороший оркестр, из которого, в последствии, вырастали немало профессиональных музыкантов. Был так же организован спортивный гимнастический кружок, который привлекал многих аппаратных гимнастов города. Раз в году устраивался показательный Бал в Коммерческом Собрании на Пристани. Прибыль с этого Бала шла на устройство летнего ученического лагеря за Сунгари в Зотовской протоке и на постройку и содержание своей собственной яхты «РУСЬ». Драматический кружок училища устраивал вечера, на которых разыгрывались небольшие сценки из произведений русских классиков и выступал хор с репертуаром русских песен. Такие вечера, проходили очень успешно и оживленно, и родители с трудом уводили своих ребят по домам. Воспитательное направление, училища было ярко, выражено в изречениях, помещавшихся на верху каждой страницы нашего дневника для записи уроков, и в девизе Реального Училища «Долг и Мужество». Многие эти изречения прошли со мной всю жизнь и действительно оправдали свое значение, и только теперь я сознаю, как много пользы они принесли мне в моей жизни. Все прошедшее в стенах нашего Училища заставило нас опять объединиться и издать «Сборник памяти 1-го Харбинского Русского Реального Училища», всколыхнув у многих незабываемые воспоминания. Вот несколько выдержек из писем полученных мною от соучеников:

«...Спешу тебе сообщить, что журнал твой, на днях получен. Большое спасибо тебе за заботу и внимание. Журнал мне доставил много радости и еще больше воспоминаний. Какие хорошие ребята взялись за это дело и провернули его. Особенно много дум и впечатлений оставила фотография с Анной Сергеевной 1926 года, я всех вспомнила по фамилии. Видимо в Австралии много наших и очень приятно, что все они так помнят и чтут наше Училище. Здесь только двое. Приятно было посмотреть на Н. Борисову, она до сих пор сохранила свою красоту.»

«...Спешу сообщить, что журнал Реалистов, посланный тобой я получила. Была у меня из Уфы одна землячка, кончившая Реалку уже в последний выпуск, просмотрела весь журнал, нашла себя на виньетке, все радовались фотографиям. Я, когда смотрела его, даже всплакнула, ведь с 1928-го года я постоянно была связана с Реалкой. Как вспомню духовой оркестр, даже сердце сжимается...»

«... Добрый день дорогой Константин Михайлович, приехал домой на побывку и был обрадован вашим письмом и Сборником памяти Реального Училища...»

«... Спешу сообщить вам, что вчера я получила Сборник памяти Харбинского Русского Реального Училища, за что вам искренне благодарна. Прочла его от корки до корки и сразу нахлынули воспоминания, потому что встретила много знакомых фамилий, как из числа преподавателей так и из числа выпускников. Горько сознавать, что как в песне поется, «и сколько нет уже в живых, тогда веселых-молодых». Сборник перечитаю еще раз и тогда отправлю Ире почитать, после пошлю, тоже почитать, трем бывшим реалистам. Еще раз большое спасибо...»

•

Вот только, хотя бы из за многих, такого рода, воспоминаний следовало выпустить наш журнал, уже не говоря, что со временем он будет историческим матерьялом, где занитересованные люди, в будущем, смогут понять и оценить воспитательную работу, произведенную частными русскими школами на чужой земле, в тяжелых матерьяльных условиях. Мы были счастливыми, что в Харбине нам удалось пройти курс обучения в Русском Училище, где нас воспитывали в русском духе и познакомили с историей нашей родины и с произведениями наших классиков по литературной и музыкальной линиям. Благодаря этому мы сохранили свою русскость, и мы видим теперь, что для нас уже гораздо труднее передать это все нашим детям и внукам. Выражаю глубокую благодарность Правлению Объединения Реалистов 1-го Харбинского Русского Реального Училища за идею издания «Сборника» и Редакционной Комиссии, принявшей на себя такой большой труд, и успешно справившихся с взятой на себя задачей.

К. М. Гордеев

День Русской Культуры и I-ое Х. Р. Р. Р. Училище

В первом номере «Сборника», посвященного памяти Училища, была опубликована статья о той почетной роли, которую наше училище выполняло в отношении русской культуры. Прошло несколько месяцев и в нашу редакционную комиссию поступили интересные материалы, ярко дополняющие тему влияния русской культуры на жизнь и деятельность I-го Х.Р.Р. Училища. Нашим корреспондентом оказался все тот же полезно-неутомимый инж. К. М. Гордеев, приславший два материала о праздновании Дня Русской Культуры нашим училищем в 1926 и в 1929 годах.

Оставляя свои заключения по поводу обоих материалов (для конца обзора), мы повторим факты празднования Дня Русской Культуры в те два года.

1926 год, 6-ое Июня
ПРОГРАММА
Празднование Дня Русской Культуры
в I-ом Харбинском Смешанном Реальном Училище

День
I

а) молебен в час дня.
б) «I Х.С.Р.У. в 1925-26 г.» — речь Директора училища пофессора А. И. Андогского.
в) Приветственное слово Архиепископа Мефодия.
г) Приветствие председателя Родительского комитета Е. В. Даниэль.
д) Благодарность училищу окончивших учащихся 7-ой класс — М. Бакич, 6-ой класс — Н. Гальфтер
е) Приветствие почетных гостей.
ж) Выдача аттестатов и наград.

II

Осмотр школьной выставки за 1925-26 уч. год.

III

Общая чашка чая педагогического персонала с почетными гостями, родителями учащихся и окончившими 7-ой класс.

Вечер
I

а) «Коль славен» — гимн исполнит хор учащихся.
б) Слово — маг. В. И. Павловского: «Значение дня русской культуры».
в) Речь преподавателя И. А. Пуцято: «Вехи русской культуры».

II

а) «Родной язык», стих. Вяземского, прочтет воспит. IV кл. Олег Дудин.
б) «А. С. Пушкину», стих. прочт. автор восп. VII кл. А. Веригин
в) «Киев», стих. А. С. Хомякова — прочтет восп. V кл. Калугина
г) «Москва» стих Ф. Глинки — прочт. восп. II класса Авенариус.
д) «Петербург» стих А. С. Пушкина — прочт. восп VI кл. З. Сергеева
е) «Русь», стих. И. С Никитина — прочт. восп. III кл. Чернобровин
ж) «Россия и Зап. Европ. народы» стих. Майкова — прочт. восп. VII кл. А. Соловьев.

III

а) «Пир Петра Великого»,
б) «Два Великана»,
в) «Сторона ль сторонушка» из оп. «Нижегородцы» муз. Направника — исполнит хор учащихся.

IV

а) «Сигнал» — марш,
б) «Жизнь за царя» оп. Глинки — исполнит оркестр учащихся.

V

Русские танцы. Начало в 6 часов вечера.

Из доклада маг. В. И. Павловского мы узнаем, что русская интеллигенция, ушедшая из России после революции, провела большую организационную работу по объединению культурных сил, и постановила в день рождения «солнца русской культуры» А. С. Пушкина — 26-го мая по ст. ст., 8-го июня по нов. ст. считать эту дату «Днем русской культуры» и устраивать собрания в этот день с целью:
а) выяснять все своеобразие и самобытность русской культуры,
б) понять пути к ее сохранению и развитию,
в) объединить все созидательные силы русского народа для блага России.

В дальнейших пунктах своего слова докладчик подчеркнул, что в культурном прогрессе участвуют все нации мира, что русский народ высказал высшие принципы мировой цивилизации, что промышленно-технический прогресс Запада должен объединиться с идеальным развитием духовных основ Востока, и что средствами для развития таких идеалов является религиозно-нравственное возрождение и каждого русского человека и всех людей вообще. В заключении докладчик призывал помнить, что русский человек, сын Великой России, должен верить в Бога, нравственно совершенствоваться, уничтожать страдания России и следовать призыву — «Все за одного и один за всех.»

Следующий докладчик И. А. Пуцято в «Вехах русской культуры» провел исторический обзор государственного развития русских славян, и их прогресс за более чем тысячелетний период.

Первый тезис доклада сразу напоминает слушателю и читателю:

«Русская культура явление очень сложное. Претворив в себе множество разнородных элементов, испытав влияние норманского Севера и греческого Юга, европейского Запада и азиатского Востока, она приобрела удивительное своеобразие и многогранность, но осталась в то же время самобытной...»

Процесс поглощения и усвоения постороннего влияния в мировоззрении наших предков находит свой куль-

минационный момент в том факте, что имя Русь, принесенное варягами славянам, растворилось в славянстве, как и сами варяги. Духовное влияние из Византии, с принятием в греческой форме христианства, приняло новые формы развития, выразившись в алкании правды, которое првращается с этого времени в отличительную особенность русского народа и русской культуры. Драматические страницы русской истории, связанные с монгольским нашествием, остановившим развитие руской культуры, вскрывают истоки славянской жизнеспособности, рождают патриотизм и постепенно приводят к свержению Ига.

В дальнейшей части доклада И. А. Пуцято отражает процесс собирания российского государства и отмечает, что только изредка в этом периоде отсутствовали внешние угрозы. 16-ый век — великий век в истории русской культуры. Появляется первая типография. Развивается светская живопись. Строятся величественные соборы. Начинается впервые борьба с иноземным влиянием. Символ этой эпохи — Домострой, и, как живой тип, Юлиания Лазаревская. В период между сменами двух династий — Даниловичей и Романовых — смутное время, которое несмотря на все страдания и тяжести, зарождает и укрепляет чувства национального и религиозного единства, и порождает сознание необходимости созидательной работы. Государство начинает медленно обновляться.

Период царствования Алексея Михайловича характеризуется пониманием необходимости сближения с Западом, но на этой почве происходят разногласия и расколы, поражающие собой не только религиозную деятельность, но и общественную. Появление в истории России царя Петра Великого, его реформы и деятельность, его покровительство и заботы о массовой созидательной деятельности и творчества — являются блестящей частью доклада.

После смерти Петра наступает сумрачный период. Дворянство, на которое Петр смотрел как на рабочую силу в государстве, старается теперь «полегчить себе». Оно превращается в привилегированный класс, отходит от массы народной. Усиливается крепостное право. Культура становится подражательной, отходит от народных основ и носителями ее становятся дворяне. Расцвет подражательной культуры достигает своего апогея в Екатерининскую эпоху. Франция влияет на русскую литературу. Развиваются ложноклассические принципы. Живопись, литература, музыка — подпадают западным образцам. Простой народ появляется на сцене как «пейзане». Но в литературе поднимается обличительное движение и его первые представители — Новиков и Радищев.

Лишь в 19-ом веке, когда Россия достигла своих естественных границ, русская культура начинает черпать силы из глубин народного духа. 19-ый век, золотой век русской культуры, век признания русской культуры окружающим миром. Автор заканчивает свой доклад, фиксируя падение в развитии культуры в послереволюционный период, и заканчивает свои выводы такими словами: «...и уже скоро настанет время, когда Россия, обновленная, омытая страданием, восстанет и возродится к новой, еще высшей культуре»

Список лиц, принимавших участие в устройстве первого в Харбине в 1926 году «Дня Русской Культуры»:

А. И. Андогский, директор Училища, А. Г. Аргунов, С. А. Александрова, М. К. Борисов, Н. Н. Бухалов, Н. С. Буйлов, Н. А. Вьюнов, Л. И. Владимирова, Н. Л. Горячев, П. Т. Гордеев, Н. С. Диковский, Ю. К. Евгеньев, И. Г. Круглик, Т. Я. Коссова, А. А. Кудрявая, В. Д. Малявин, К. П. Наумов, прот. о. Н. Вознесенский, Е. П. Пожарская, И. А. Пуцято, В. В. Пономарев, А. И. Сулоцкий, И. Ф. Сулима-Самойло, В. Г. Уласевич и О. Г. Штумпф. Это были преподаватели Училища.

Родительский Комитет принимал участие в этой работе в своем полном составе:

Е. В. Даниэль, председатель, А. В. Бабинцев — товарищ председателя, Г. Ф. Радоман — секретарь, Б. К. Зезюкевич, — казначей, В. А. Вараксина, В. А. Варгасова, Е. С. Вержбовская, В. М. Виталисов, Г. К. Гинс, Л. В. Даниэль, М. Г. Котякова, П. А. Лазарев, В. С. Малиновский, Г. А. Новицкий, Е. В. Новицкий, Б. В. Остроумов, А. Ф. Полубинский, от. И. Петелин, И. И. Сморчевский, Л. Ф. Сакун.

Абитуриенты 1 Х.С.Р.Училища в 1926 год были:

В. Бабкин, М. Бакич, Л. Бржозовский, И. Волокитин, В. Валюженич, П. Войцехович, Г. Вяткин, А. Гаршин, Ю. Григорьев, А. Гурвич, Л. Зезюкевич, Е. Зюльманов, В. Каппель, А. Китлиц, А. Каффка, М. Качан, Н. Коссов, В. Лунегов, Г. Сакун, А. Соколов, О. Топорков, Х. Халиков, К. Шарапов, В. Баландин, К. Васильев, В. Варгасов, А. Веригин, Б. Второв, Н. Гардасевич, В. Доброхотов, В. Дробышев, В. Запрудин, Н. Кичий, Н. Колесник-Феретти, Ю. Круглова, Д. Скоблин, В. Твелькмейер, И. Шульгин и Б. Яковлев.

В этот день первого празднования Дня русской культуры следующие четыре лозунга из творчества русских поэтов и писателей были приготовлены для общего внимания:

Пушкин: «Я очень горжусь Россией, я горжусь тем, что она произвела такого своеобразного гения, такого великого патриота, который никогда не усумнился в будущности своей родины, в ее силах, в ее способностях, который всегда верил в нее и перед Полтавской битвой сказал своим войскам: «Думайте не о Петре, но о России».

Гоголь: ...«Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудесного прекрасного далека тебя вижу...» пусть же стоит на вечные времена Православная Русская земля, и будет ей вечная честь. Пусть же пропадут все враги и ликует на вечные века Русская земля.»

Никитин: ...Уж и есть за что, Русь могучая, полюбить тебя, назвать матерью»...

Тургенев: ...Космополитизм — нуль. Вне народности — ни художества, ни истины, ни жизни, — ничего нет...

Материалы о праздновании Дня русской культуры в нашем училище в Харбине в 1927 и в 1928 годах нами не были получены. К сожалению!

Программа празднования Дня русской культуры в 1929 году была составлена наставником выпускного седьмого класса В. В. Пономаревым. Эту программу мы воспроизводим в оригинале, и читатель может заметить перемену названия училища, и текст по старому правописанию, включая «ять».

ПРОГРАММА

актоваго дня в 1-м Харбинском Русском Реальном Училищѣ, посвященнаго „Дню Русской Культуры".

16 Іюня 1929 года.

ДЕНЬ.

I.

а) Молебен в 1 час. дня.
б) Китайскій гимн. „Коль Славен".
в) Привѣтствіе Предсѣдателя Правленія Училища А. В. БАБИНЦЕВА.
г) Привѣтствіе Инспектора Д. Н. П. П. И. ГРИБАНОВСКАГО.
д) Краткій отчет о 1-м Х. Р. Р. У. секретаря Совѣта В. В. ПОНОМАРЕВА.
е) Выдача аттестатов и Евангелій.
ж) Рѣчи окончивших училище А. Григорьевой и В. Огарева.

II.

Осмотр выставки ученических работ за 1928-1929 учебн. год.

III.

Общая чашка чая педагогическаго персонала с почетными гостями, родителями учащихся и окончившими училище.

ВЕЧЕР.

I отд.

1. „Коль Славен"..... в исполненіи хора и оркестра учащихся.
2. „Христіавская культура"-Слово прот. о. Л. ВИКТОРОВА.
3. „Пушкин—національный русскій геній"-рѣчь препод. И. А. ПУЦЯТО.
4. „Родная земля" стих. А. С. Пушкина; исп. учен. приг. класса М. ЧИЧАРОВА.
5. „Ученье-свѣт" стих. Боянова; исп. учен. приг. клас. Ю. РАДОМАН.
6. „Грустная пѣсенка" муз. П. Чайковскаго, исп. на скрипкѣ уч. приг. класса Д. КИРЬЕВСКІЙ.
7. „Буря мглою" (слова А. С. Пушкина) муз. Завадскаго и
8. „Радостно—весело" хор из „Пиковой Дамы" муз. Чайковскаго, испол. хор под управл. Д. Я. ПОПОВА.

II отд.

1. Арія Сусанина из оперы „Жизнь за Царя" муз. М. И. Глинки и
2. „Любовь к Родинѣ" Русская пѣсня, испол. М. Н. ТРОЩКІЙ
3. „НЕ ПСКУШАЙ" муз. М. И. Глинки; испол. уч. приг. кл. С. Таиров и I класса В. Таирова.
4. Арія Полины из „Пиковой Дамы" муз. П. Чайковскаго и
5. „Лихорадушка" русская пѣсня муз. Даргомыжскаго, исп. М. Е. ТОПОЛЬ.
6. Боярскій танец испол. абитур. Е. АВЕНАРІУС.
7. „Уж вечер, облаков померкнули края" дуэт из „Пиковой Дамы" испол. А. В. КОРОВІІНА и М. Е. ТОПОЛЬ.
8. „Ах ты свѣт Людмила" хор из оперы „Руслан и Людмила" (поэма А. С. ПУШКІНА) муз. М. И. ГЛИНКИ и
9. „Свѣтлой радостью горя" (актовая пѣснь) муз. В. И. Гловача, исполн. хор под управлен. Д. Я. ПОПОВА.

У рояля И. Н. МУХЛЫНІН (препод. Харб. Муз. курсов)
Оркестр учащихся под управ. Д. И. ТАИРОВА.

ТАНЦЫ

Начало в 8 час. 30 мин. вечера. Окончаніе в 3 час. ночи.

Слово протоиерея о. Л. Викторова приведено не в полном тексте, а только указанием тезисов, которые мы приводим полностью:

Христианская культура.

1. Истоки общечеловеческой культуры. 2. Культурная задача человечества. 3. Работники культуры. 4. Культура, как побеждение и подчинение сил природы; образование, как раскрытие талантов человеческого духа. 5. Христианство, как откровение благости и любви Божественной, благословляющей и освящающей культурно-просветительную миссию человека на земле. 6. Смысл празднования дня «Русской Культуры», как свидетельства участия русского человека в великой задаче, возложенной Творцом на человека, как на венец своего творения.

Далее следовала речь преподавателя И. А. Пуцято на тему «Пушкин — национальный русский гений».

Содержание речи приводится также в сжатой форме, и посвящается творчеству великого поэта и его влиянию на развитие русской литературы.

Далее программа содержит текст речи писателя Н. Чирикова, произнесенной им на праздновании Дня Русской Культуры в Праге в 1928 году. Тема этой речи была — уподобление судеб России, сказанию о граде Китеже.

Следующим в программе дня напечатано стихотворение за подписью Абитуриентка.

Вот как Абитуриентка отражала в выпускной день свои настроения:

Помни, друг мой, всегда о далекой отчизне!
Пусть желанье служить ей тебя к ней манит...
Ведь лишь тот знает смысл и значение жизни,
В ком стремление к цели высокой горит.
Только тот может сыном Росси назваться,
Кто держал знамя чести ее высоко;
Кто сумел и в страданьи ей верным остаться,
И любил ее, как свою мать, глубоко.
Верь в великую силу народа родного,
Только нация жизненным духом полна,
В ней — вся наша надежда и слава былого
И героев — борцов за отчизну слова.

(Примечание от члена редакционной комиссии: В нашем выпускном классе в 1929 году из семи девочек только две писали стихи — Елена Авенариус и Мария Попова. По стилю и содержанию и по выраженным настроениям я склонен думать, что автор была более замкнутая по характеру Мария Попова. А. Панченко).

На шестой странице программы приводятся известные нам мысли русских писателей. Вот некоторые из них:

Ф. М. Достоевский: «Я люблю Россию такою, какою она есть, и никогда не желал бы ей иной истории».

А. С. Пушкин: Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой: история ее требует другой мысли, другой формулы, чем смыслы и формулы, вывезенные из истории христианского Запада.»

И. С. Тургенев: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее обойтись не может.»

Ф. М. Достоевский: «Чем больше мы в угоду иностранцам презирали нашу национальность, тем больше они презирали нас самих. Нам нужно стать русскими прежде всего.»

А. Аргунов, председатель Комиссии по организации празднования «Д.Р.К.» произнес напутственное слово абитуриентам. В этом теплом по содержанию слове, А. Аргунов выражал свои заботы о русской молодежи, давал много прекрасных советов, подчеркивал значение русского происхождения абитуриентов и заканчивал так:

«...Для Родины — не жалейте ничего. «За други своя» — высшее в жизни.

Перед вами восходит солнце Вашей разумной взрослой деятельности. Будьте же смелыми, сильными, стойкими, чистыми душой и телом, верьте в себя и надейтесь на Всевышнего.

Смело вперед к свету жизни, к солнышку. Это оно встает перед Вами и шлет Вам свои лучи радости и счастья. Идите к нему, как синониму всего чистого и светлого в жизни. Не бойтесь жизни, она Вам дана для претворения Ваших сил во все прекрасное.

Будьте прежде всего Русскими, достойными сынами лучших дел наших предков и нашей многострадальной России.

Счастливый Вам путь, мои молодые друзья. Храни Вас Бог!

А. Аргунов

В программе приведены также составы руководящих органов I.Х.Р.Р.У.

Правление: А. В. Бабинцев — Председатель, З. А. Павленко — товарищ председателя, П. С. Первушин — казначей, Н. Д. Буяновский и Н. А. Павлов — члены правления.

Президиум Родительского Комитета: З. А. Павленко — Председатель, Н. А. Павлов — товарищ председателя, В. В. Павло — казначей, Г. Ф. Радоман — секретарь.

Председатель Педагогического Совета и вр. исп. должность Директора Училища — Александр Иванович Сулоцкий.

Список абитуриентов IX выпуска 1929 года:

П. И. Лихонин, Г. П. Санников, Е. М. Якимов, Н. А. Иванов, Г. В. Малиновский, С. А. Хампель, И. В. Арефьев, М. А. Попова, К. А. Алексеев, О. Н. Петухова, Е. Б. Авенариус, Е. И. Ильюшина, Н. А. Арбузов, А. Г. Панченко, В. Ф. Дмитриев, А. Ф. Дмитриев, О. Н. Дудин, Е. М. Якимова, А. П. Григорьева, В. Д. Огарев, С. Г. Голубева, Л. А. Дорофеева, В. В. Дроздов, К. Ф. Пикуль, А. И. Жаврид, Р. С. Никитин, В. А. Постовалов, Б. В. Дроздов, К. П. Лазарев, О. Г. Чекалин, Л. Н. Кононов, Л. Е. Червяков, С. В. Ефимов.

Чествование Н. В. Борзова

Вчерашиее торжество в Реальном училище

4-го декабря исполнилось 35 лет педагогической и 25 лет административной деятельности бывшего руководителя учебного отдела Китайского дороги, создателя и многолетнего директора железнодорожных Коммерческих училищ, а ныне — директора 1-го русского реального училища — Н. В. Борзова.

Этот день быть отмечен большим торжеством, организованным реальным училищем; общественные именины назначены на 11 января.

Вчерашнее торжество открылось молебном, который служили законоучители реалистов — митрофорн. прот. от. Николай Вознесенский и митрофорн. прот. от. Петр Рождественский.

Перед молебном прот. Вознесенский обратился к г. Борзову с приветственным словом, в котором на основании личного знакомства, нарисовал светлый образ его матери, во многом содействовавшей формированию духовного облика юбиляра и подробно остановился на качествах главы реального училища как человека, педагога и общественного деятеля:

— Прожив большую жизнь просто, по-русски, по-христиански вы тем не менее оставите глубокий след в окружающем, в памяти Дальнего Востока, в истории развития края!

По окончании молебна со словом выступил прот. Рождественский, который охарактеризовал жизненные достижения г. Борзова и степень выполнения им, стоящих перед каждым русским деятелем, задач:

— Воспитывать русское юношество — это одно из важнейших дел наших дней за рубежом!

Открывается торжественное заседание...

В большом зале сгруппированы по классам учащиеся со своими классными наставниками, отдельной группой стоят педагоги и многочисленные родители, представители общественности, прессы.

Места за большим длинным столом занимают председатель правления училища — А. В. Бабинцев, Н. В. Борзов, представители ДНП В. М. Анастасьев и В. Н. Шаренберг, председатель родительского комитета А. М. Васильев, духовенство, представители педагогического мира.

Г. Бабинцев объявляет заседание открытым и передает юбиляру ценный подарок руководителей училища — дорогой серебряный прибор и читает адрес правления училища, педагогического совета и родительского комитета.

Следующая речь — представитель Департамента народного просвещения — В. М. Анастасьев.

Он вспоминает свои встречи с Н. В. Борзовым в харбинском городском самоуправлении, отмечает его роль в создании местного Юридического факультета и говорит, что не только дорога, но и город много обязаны Н. В. Борзову: он ведь был в свое время также председателем школьной комиссии городского совета.

Конец речи, как и адреса — тонет в громких аплодисментах.

А. М. Васильев — председатель родительского комитета — краток:

— Русское спасибо за то, что вы делали и делаете, — говорит он, передавая серебряный подарок от родителей...

Дамский кружок родительского комитета преподносит юбиляру цветы.

Богородицко-Владимирская женская обитель — художественно исполненную подушку и Евангелие.

На очереди — приветствия учащихся...

Первой выходит маленькая девочка из младшего приготовительного класса и лепечет небольшую речь, вызывая всеобще восхищение.

За ней — девочка чуть-чуть постарше и карапуз с подарком.

Затем — представитель 1-го класса, 2-го и следующих, кончая 7-м: лестница юных годов становится выше, последним приветствует Н. В. Борзова юноша.

Каждый класс дарит директору свой подарок, каждое выступление вызывает всеобщие аплодисменты, оркестр устает играть бесчисленные туш за тушем.

От г. Гуань Хунь-и, в прошлом — ученика г. Борзова, передается прекрасное панно с вышитыми иероглифами.

Преподаватель училища И. И. Костючик зачитывает письменные приветствия — от архимандрита Ювеналия, от беженского комитета, от директора пушкинской гимназии Н. П. Покровского и его семьи, от педагогического комитета и директора 1-го общественного Коммерческого училища А. В. Бартышева, от русских скаутов маньчжурского отдела, О. В. Голубцовой, Г. Ларионова...

Ответное слово Н. В. Борзова. Он благодарит за дождь приветствий, и обращается к молодежи:

— Русский юноша должен быть всегда религиозен, никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах не забывать православной церкви, говорит он.

Сохраните русское лицо — вот мой завет, обращается он к старшим.

Далее он обращается к родителям, затем к преподавателям, к духовенству.

Он указывает на раздвоение между двумя семьями, одна из которых — его личная семья находится в Америке и зовет туда, а другая — общественная напоминает о долге общественного служения здесь.

Заключительное слово юбиляра — благодарность Департаменту народного просвещения и слова, посвященные России!

Гимназический хор поет в честь Н. В. Борзова — славу.

После заседания состоялась чашка чая, на которой — опять бесчисленные речи, отмечающие огромную роль юбиляра в краевой жизни.

Игорь Седов

«Заря» №334, ПЯТНИЦА, 5 декабря 1930 года

Глубокоуважаемый Николай Викторовичъ!

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ Вы вступили на педагогическое поприще, и знамя просвѣщенія, которое Вы несете такое продолжительное время, ни разу не поколебалось въ Вашей вѣрной рукѣ.

Не только лучшіе годы своей жизни, но, можно сказать, всю ее Вы отдали дѣлу воспитанія молодого поколѣнія.

Послѣ десятилѣтней работы въ г. Томскѣ въ качествѣ преподавателя, Вамъ поручается организація учебнаго дѣла на Кит. Вост. ж. д., и 25 лѣтъ Вашей работы здѣсь въ должности Начальника учебнаго отдѣла и Директора Коммерческихъ Училищъ были временемъ дѣйствительнаго посвященія всѣхъ Вашихъ силъ дѣлу образованія и воспитанія.

Вы создали образцовыя Коммерческія Училища—единственныя для всей Россіи по сочетанію въ нихъ элементовъ классическаго, реальнаго и коммерческаго образованія.

Здѣсь, подъ вашимъ руководствомъ, закончили среднее образованіе не сотни, а тысячи русскихъ юношей и дѣвушекъ, и въ настоящее время сотни инженеровъ, юристовъ и другихъ профессіональныхъ дѣятелей твердо и вѣрно идутъ по жизненному пути, благодаря заложеннымъ Вами въ нихъ основамъ прямого, честнаго и сознательнаго служенія обществу.

Отмѣчая вашъ тридцатипятилѣтній юбилей педагогической и двадцатипятилѣтній—административной дѣятельности, Правленіе училища, Педагогическій совѣтъ и Родительскій Комитетъ съ чувствомъ глубокаго почтенія отмѣчаютъ одну удивительную особенность въ Вашемъ отношеніи къ школѣ и къ учащимся: отдавая всю свою неистощимую энергію исполненію служебнаго долга—Вы всегда подчиняли свою личную жизнь и личные интересы общему благу и общему дѣлу.

При разныхъ потрясеніяхъ, волновавшихъ не разъ школьную жизнь, Вы непоколебимо и твердо стояли на избранномъ пути, не измѣняя ни одному принципу, который Вы считали истиннымъ и вѣрнымъ, никогда не заботясь о личныхъ послѣдствіяхъ для Васъ.

Однако, слѣдя за педагогической литературой, которая за послѣдніе 25 лѣтъ достигла большой широты въ своемъ развитіи, Вы не становились въ число защитниковъ только стараго, а все новое, полезное и правильное, что могло-бы способствовать болѣе успѣшному веденію дѣла—Вы сейчасъ-же примѣняли на практикѣ.

Такъ, Ваши любимыя, созданныя вами дѣтища—Коммерческія Училища—представляли собой лучшія учебныя заведенія съ образцовыми лабораторіями и кабинетами по разнымъ отраслямъ знанія.

Въ настоящее время Правленіе училища испытываетъ полное удовлетвореніе по поводу своего рѣшенія пригласить Васъ стать во главѣ Реальнаго Училища. Оно не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ, и Ваша плодотворная дѣятельность побуждаетъ насъ къ выраженію Вамъ самой полной и горячей нашей признательности и пожеланія Вамъ душевной бодрости, чтобы подъ Вашимъ руководствомъ продолжалось образованіе родныхъ намъ русскихъ дѣтей.

А въ насъ и въ нашихъ замѣстителяхъ Вы всегда найдете и сочувствіе и возможную поддержку.

Примите, дорогой Николай Викторовичъ, отъ насъ и нашихъ дѣтей чувства сердечной благодарности за Ваши труды и раздѣлите съ нами нашу радость, что на долю 1-го Харбинскаго Русскаго Реальнаго Училища выпала честь привѣтствовать Васъ въ такой знаменательный день и для Васъ лично и для исторіи русскаго образованія на Дальнемъ Востокѣ.

Предсѣдатель Правленія

Члены Правленія

Члены Педагогическаго Совѣта

Члены Родительскаго Комитета

Глубокоуважаемый
Николай Викторович!

Тридцать пять лет тому назад Вы вышли на широкую ниву народного просвещения. Ваши посевы дали хорошие всходы. Мы, старшие воспитанники 1 Харбинского Русского Реального Училища, искренне рады, что сегодня можем свидетельствовать Вам свои поздравления и сердечные пожелания.

Ваша педагогическая и общественная деятельность, направленная на благо школы и общества, всегда была служением добру и справедливости. Вы всегда заботились о нас, будущих гражданах Великой России. Мы видим в Вас Русского деятеля, дорогого директора и честного гражданина.

От всей души желаем Вам сил и здоровья для служения Русскому Обществу.

1930.

Мое раннее знакомство с «забастовками»!

В 1934 году, будучи в четвертом классе училища, я по какой-то прихоти судьбы, познакомился впервые с, так называемыми, «забастовками». Представление о таких событиях было у меня в то время менее чем поверхностное, и само это слово звучало загадочно волнующим, а тут сразу, «не ведая того» пришлось даже принять участие в ней. Причины, значение и результаты забастовки еще не укладывались в понимании, и это усиливало личные впечатления и переживания, и поделиться таким опытом с читателем я решил вот уже через много лет, когда, прожив в новой стране я имел возможность узнать о забастовках много больше.

И вот...

В один из морозных ноябрьских дней, шагая ранним утром с несколькими сверстниками в училище по Таможенной улице, мы были остановлены на углу Почтовой ул. учениками старших классов нашего училища. Нам было сказано, или вернее, приказано, в училище не приходить. Вместо этого мы должны были пройти вниз до большого дома на углу Таможенной ул. и Бульварного проспекта, где в то время проживал наш преподаватель русского языка – Иван Иванович Костючик, и оставаться там до следующих указаний.

Не понимая в чем дело, и не учитывая серьезности такого поступка, мы впали в панику. В наших головах никак не укладывалась мысль — как это можно всем не ходить в школу. Но старшие ученики 6-го и 7-го классов, пользовались у нас симпатиями и уважением, а некоторые из них имели у нас репутацию «героев» и «любимцев» за свои спортивные достижения и музыкальные выступления, и потому с их указаниями надо было считаться.

Потолкались мы на перекрестке до 3 часов дня. Голодные и холодные, «не солоно хлебавши», с разрешения наших «высоких руководителей» пошли мы по домам. На занятия мы, значит, не попали, свои спортивные и музыкальные интересы в школе — пропустили, и, самое главное, — с девочками не встретились.

На следующий день мы пришли в училище не без волнений, думали — а вдруг мы не попадем в наши классы. Но все было как будто нормально, ничто нам не напоминало, что вчера был странный день. И вот к концу дня, когда мы как будто успокоились и забыли о «вчерашнем», — наш классный наставник, Димитрий Димитриевич Киреевский, объявил нам, чтобы завтра мы принесли записки от наших родителей о причинах пропуска вчерашних занятий, и почему мы протолкались весь день на улице...

Только впоследствии, по прошествии нескольких недель, унали мы о том, что случилось.

А случилось вот что. — Два наших преподавателя — А. П. Пешков, классный наставник 6-го класса, преподававший гимнастику и спорт, и А. А. Федорович, классный наставник 1-го класса, преподававший выжигание и лепку, поссорились. Ссора произошла в частном доме, дошло будто бы до рукоприкладства, заметка о ссоре попала в газету, но уже после того, как директор училища В. И. Колокольников уволил без разбора дела А. П. Пешкова. Такое увольнение явилось слишком большим событием, особенно для учеников 6-го класса, где А. П. Пешков был наставником.

А. П. Пешков был любимцем всех учеников нашего Училища. Он, со своим ровным характером, всегда справедливый и добрый, развивающий в нас любовь к спорту, создававший наши сильные команды, выигрывавшие чемпионаты города на школьных состязаниях, он, не подозревавший того, — оказался вдохновителем небывалой «школьной забастовки». Именно по этому бурному протесту учеников — все событие вызвало возбуждение в городе.

Такое возбуждение и было причиной принятия мер для выяснения этого дела. И дело было выяснено. И справедливость была восстановлена. А. П. Пешков был полностью реабилитирован, вернулся к своей преподавательской деятельности, а А. А. Федорович был уволен как зачинщик. Директору Училища, В. И. Колокольникову, допустившему серьезную ошибку в административном управлении, было предложено Правлением училища — подать в отставку.

Этот первый опыт участия в «забастовке» остался в моей памяти на всю жизнь и не развил во мне энтузиазма к такому роду «занятий».

И. Иевлев

СПОРТ В РЕАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ

Спортивная жизнь в нашем Реальном училище всегда стояла на высоте, благодаря заботам талантливого и энергичного преподавателя спорта — Александра Петровича Пешкова. Спорт проводился по таким видам, как аппаратная гимнастика, партерная гимнастика, легкая атлетика, воллей-болл, баскет-болл, фехтование и др. виды.

Наши спортсмены выявляли себя в этих видах во время различных состязаний и олимпиад прекрасными участниками, а некоторые из них и после окончания училища, становились известными даже далеко за пределами Харбина. Вспоминаю фамилии таких первоклассных спортсменов как Л. Фу Ба-лу, все-китайский чемпион по прыжкам с шестом, Помпей Матулис — замечательный легко-атлет, воллейбольная команда «Черный Орел» — чемпионы Маньчжурии, игравшая в составе: братья С. и К. Хампели, Б. Рынзя, Н. Разумовский, Б. Рюмкин и еще несколько других бывших абитуриентов училища.

Будучи участником спортивной жизни нашего училища в период 1935-37 г.г. я хочу поделиться своими воспоминаниями об этом периоде, и главным образом в той сфере спорта, в которой я сам принимал участие. В это время я был уже в старших классах и принимал участие в старшей I-ой команде училища на легко-атлетических олимпиадах средне-учебных заведений Харбина, а также и Всешкольной Баскетболльной Лиге тех же школ.

Состязания в этой Лиге базировались на зимний спортивный зал ХСМЛ.

В это время наша школьная команда была одной из лучших команд харбинских школ и всегда занимала первое место.

Легко-атлетические олимпиады проводились на Стадионе НСО на Аптскарской улице на Пристани. Лично я в эти годы занимал первые места по спринтерскому бегу — 100 метров. В дистанциях 200 и 400 метров вегда первенствовал наш реалист П. Степанов. В толкании ядра подвизался В. Михневич, а по метанию копья и в прыжках на первое место выходил Е. Маргилевский.

В баскет-болле мы добивались лучших результатов среди всех школьных команд нашего города благодаря серьезной тренировки и предварительных состязаний. В летнее время мы занимались на прекрасной баскетбольной площадке во дворе училища, а в зимнее время — в нашем училищном зале, благодаря стараниям А. П. Пешкова. В зале происходили тренировки по броскам в корзинку, и разработка различных комбинаций. Состав нашей команды по баскет-боллу в тот период был: И. Иевлев — капитан, П. Степаков, Е. Маргилевский, Д. Топорков, Я. Смирнов, С: Ядыкин, И. Яо, Л. Варонский, В. Циклауров.

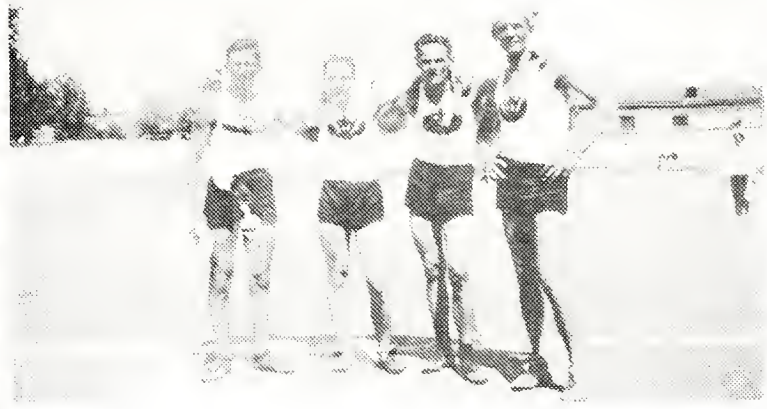
Благодаря достигнутых успехов, некоторые игроки из нашей команды после окончания училища попали в I-ую баскетбольную команду ХСМЛ — которая была гордостью Харбина и чемпионкой Маньчжурии. Попавшими в эту команду были — С. Ядыкин, Я. Смирнов и я. Баскетболл в нашем училище был популярен и до периода, затрагиваемого в этом очерке. Из наших предшественников вспоминаю: Б. Потапов, С. Фатеев, А. Бубелов, братья Р. и Д. Хартлинги, Д. Иевлев. Это были 1933 и 1934 гг. Баскет-болл только начинался у нас, но уже в то время эти ребята занимали 2-ое место в междушкольных состязаниях.

Успехи наших реалистов на спортивных полях были не случайными. Действительно — А. П. Пешков игравший самую инициативную роль в наших начинаниях, встречал большую поддержку со стороны и Администрации и педагогов училища. Особенную поддержку спортивным начинаниям в училище оказывал Инспектор училища — Валентин Васильевич Пономарев. При такой поддержке — успехи наших спортсменов не могли быть случайными.

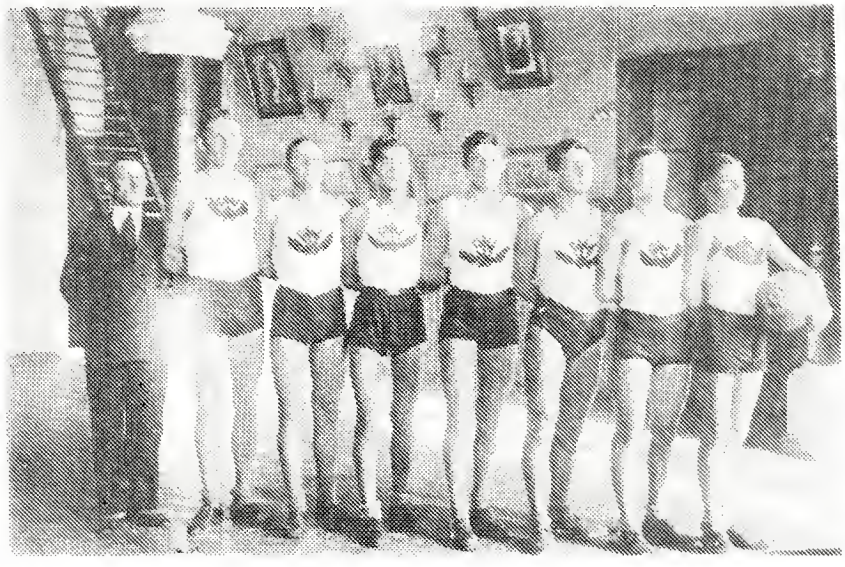
И. Иевлев

Спортсмены Училища в зале на вечерних занятнях по аппаратной гимнастике под руководством Олега Чекалина: (слева направо) А. Логунов, неизвестный, Д. Котельников, Г. Архангельский, М. Натаров, С. Сакун, П. Логунов, неизвестный, К. Пасечников, В. Щеголев, Ся Сюй. На брусьях — Б. Потапов. Впереди — Олег Чекалин.

**Первая баскетбольная команда I-го Х.Р.Р.У.
Слева-направо: верхний ряд: П. Степанов, Я. Смирнов,
Д. Топорков, И. Яо;
сидят: Е. Маргилевский, преподаватель спорта —
А. П. Пешков, и капитан — И. Иевлев; внизу: С. Ядыкин.**



**Эстафетная команда I-го ХРРУ 1937 г.: П. Степанов,
И. Иевлев, Н. Михневич и Е. Маргилевский.**



**Баскет-больная команда Реального училища (в зале
училища): слева-направо: Преподаватель А. П. Пешков,
Е. Маргилевский, Е. Топорков, И. Яо, Я. Смирнов,
П. Степанов, И. Иевлев, С. Ядыкин.**

«Кто знает конец?»

У меня осталось очень смутное воспоминание о школьном вечере в Реальном училище, и запомнился только зал, где мы танцевали вальсы и полечки. Это был единственный раз, когда я побывала в этом училище. Случилось это не то в 1934, не то в 1935 г.

Снова я попала в здание этого училища, спустя более чем 20 лет. За эти годы в жизни Харбина произошло много перемен.

До конца тридцатых годов в Маньчжурии было еще русское влияние, начавшееся со времени постройки КВжд. Оно было полностью утрачено только с приходом и водворением японцев. Затем 1945 год, конец Второй Мировой Войны, был годом резкого исторического поворота не только в Харбине, но и во всем мире.

Русское население города стойко переносило все эти перемены. В школах портреты Сун Ят-сена сменялись портретами императора Пу И, которые были всегда, кроме официальных церемоний, задернуты занавеской. А потом появились портреты «великого вождя». Дети же продолжали учиться.

Отдел Русского Народного Образования существовал при всех политических переменах. Помимо наблюдения за учебными программами и педагогическим штатом, у Отдела было право распоряжаться зданиями, в которых помещались русские школы. Таким образом дом Реального училища оказался тоже в его ведении. Частично этот дом был использован для квартир для учителей. Назвать их квартирами, в нашем сиднейском смысле слова, было большой натяжкой. Семье давались одна или две комнаты (бывшие классы), а там уже примащивались плита или «буржуйка» и ставились перегородки. Из таких квартир в дальнем конце здания, для того чтобы выйти на улицу, надо было прошагать весь длинный корридор и вестибюль. Летом этот вопрос решался просто — выходили на улицу прямо из окон. Окна были почти на уровне земли.

В правом крыле, куда вели ступеньки вниз, в одной из комнат жила бывшая учительница кройки, шитья и рукоделия — Матильда Марковна Миллер. Это была настоящая дама прошлого столетия. Жила она, по-видимому, продавая вещи, оставшиеся у нее от лучших времен. Комната ее была заставлена сверху донизу чемоданами, коробками и картонками. Постепенно русские из Харбина разъезжались в разные концы света, но Матильда Марковна с места не трогалась.

Наша семья уехала в Австралию в 1957 году. Из писем от Матильды Марковны я узнавала, что жизнь в Харбине становилась все труднее и труднее, особенно зимой, когда донимали холода. Когда стало особенно трудно, она выразила желание приехать в Австралию, но только не в дом для престарелых, а лично ко мне. Мотивировала она это тем, что в доме для престарелых она не сможет разместить свои вещи, а их у нее много и они ценные — скунсовые шкурки с пломбами, настоящие брюссельские кружева, рисунки для вышивания, которые она хотела пожертвовать руским женщинам в Сиднее, и многое другое в том же духе.

Напрасно я ее уговаривала и убеждала забыть о вещах, что в Доме для престарелых будет уход, тепло и внимание, и мы будем ее регулярно навещать. Мои доводы ее не переубеждали.

В 1965 году пришло ее последнее письмо.

Что случилось дальше, я могу только догадываться. Запросить о ней мне было некого. Может быть, кто-нибудь знает, как закончился ее жизненный путь в Харбине или если она куда-то уехала — сообщите пожалуйста в редакцию этого журнала. Моя связь с домом на Таможенной улице порвалась с ее последним письмом.

Галина Андреева

Примечание от Ред. Комиссии:

Редакционная Комиссия по выпуску Сборника №2 приносит глубокую благодарность г-же Г. Андреевой за предоставление нам своей статьи, поднимающей в нашем сознании ряд грустных воспоминаний. Спасибо Галя. Ред. Комиссия.

«В НАШЕМ ОБЪЕДИНЕНИИ»

В декабре 1985 г. исполнилась наша мечта, еще зародившаяся с первого дня основания «Объединения»: выпустить СБОРНИК, посвященный нашему дорогому Реальному Училищу.

СБОРНИК заинтересовал не только «реалистов», но и многих харбинцев, которые хорошо знали Реальное Училище, и быстро разошелся.

В выпуске и распространении СБОРНИКА потрудились МЫ ВСЕ, и очень довольны, что наши труды увенчались успехом.

Мы очень благодарны «реалистам», проживающим в С.Ш.А. и в частности К. Гордееву и Ю. Николаеву за их помощь и кооперацию в распространении СБОРНИКА и заинтересовавших некоторых «реалистов» присоединиться к списку членов «Объединения».

К превеликому сожалению много материала не было помещено в первом издании по различным причинам, и на заседании правления 3-го февраля 1986 г. был поднят вопрос о выпуске второго издания. Надо сказать, что наша семья РЕАЛИСТОВ довольно покладистая и дружная, и мы особых возражений на эту тему почти не слышали, и идею решили осуществить.

Здесь нельзя не упомянуть нашего энергичного Толю Панченко, который, благодаря своему многолетнему опыту журналиста, провел колоссальную работу в составлении и подготовке к печати двух СБОРНИКОВ, не говоря о его статьях. Благодарим тебя Толя.

Надеемся, что выпуск второго СБОРНИКА добавит все упущения и сведения, непомещенные в первом издании.

Жинь нашего «Объединения» течет своим руслом, и мы встречаемся 3 раза в год. I. По традиции отмечаем особо наш Училищный праздник Николин День 19-го декабря, начиная с молебна. Во время молебна хор состоит исключительно из РЕАЛИСТОВ, как это было на утренних молитвах в былое время. Затем мы все собираемся в Русском Клубе, где продолжается торжество за обильно приготовленным и парадно накрытым столом дамами-реалистками под руководством председательницы дамского кружка Н. А. Церцвадзе (Борисовой). На это торжество обычно приглашаются почетные гости: представители различных организаций.

2. Пасхальные взаимные поздравления всегда пользуются большой популярностью. В этом году, я и моя жена Лида к превеликому сожалению не смогли присутствовать на поздравлениях по состоянию здоровья, и получили большой сюрприз, когда нам позвонили по телефону, и поздравили с праздником и с пожеланием скорейшего и полного выздоровления наши «реалистки»: Надя Стилец, Шура Спехова и Оля Веревкина. Мы с Лидой от души благодарны таким вниманием. Также благодарим всех собравшихся за то, что нас вспоминали, а Нину Церцвадзе и Леру Таирову благодарим за присланный ассортимент угощений с Пасхального Стола.

Как мне рассказывали потом, встреча была очень интересной: многие выступали с речами, а Юра Галицкий, с присущим ему выражением, продекламировал патриотическое стихотворение, доставив большое удовольствие присутствующим.

Пасхальная встреча, как и всегда, прошла в дружной атмосфере и с неохотой все расходились по домам.

3. Общее Годовое Собрание обычно бывает в сентябре или октябре каждого года, и посещается большинством членов «Объединения». Открывается оно вступительным словом председателя, затем секретарь делает сообщение о состоявшихся заседаниях правления и знакомит присутствующих с корреспонденцией из заграницы. Далее доклад казначея о финансовой ситуации. Все слушают Володю Емельянова с большим интересом. По окончании сообщения собравшиеся награждают В. Емельянова аплодисментами, так как слово ДЕФИЦИТ у нашего казначея **непроизносимо**.

Следующий пункт на повестке дня: выборы правления. Сначала собрание выбирает секретаря на этот момент, и обычно Толя Панченко соглашается вести протокол. Собрание никогда не выражало неудовольствия о членах правления, а члены правления сами не снимали своей кандидатуры, и таким образом создается такое положение, что правление надо переизбрать в том же составе. Это повторялось ежегодно, за исключением двух случаев:

1. Это когда первый председатель «Объединения» В. Н. Ерофеев вышел в отставку по болезни и 2. За отсутствием вице-председателя, эту должность предложили А. Д. Иванцову, на что он любезно согласился, а также — с улучшением здоровья В. Н. Ерофеев согласился присоединиться к членам правления. Настоящий состав правления: председатель — А. А. Логунов вице-председатель — А. Д. Иванцов, секретарь — Д. Д. Киреевский, казначей — В. С. Емельянов и члены правления: Н. А. Церцвадзе (Борисова), Е. Г. Шеппард (Ражева), В. Н. Ерофеев. Годовое Собрание закрывается обменом мнений за чашкой чая с пирожками.

Связь между членами «Объединения» поддерживается не только встречами на собраниях, но и телефонными разговорами и корреспонденцией.

По постановлению нашего правления и редакционной Комиссии, мы включаем в этот отчет и дополнение к списку преподавателей Реального Училища, опубликованного в Сборнике №1.

Преподаватели, прослужившие до последнего дня существования Первого Харбинского Русского Реального Училища.

(Дополнение к списку в Сборнике №1)

Беляев В. Д. — директор.
Борзаковская Л. М.
Брусановская К. Н.
Викторов о. Л. Н. — протоиерей.
Гордеев Т. П.
Глухов Н. С.
Кириллов А. Л.
Костючик И. И.
Карпова М. В.
Кузнецов Н. И.
Межераупс И. Я.
Пешков А. П.
Пономарев В. В. — инспектор.
Пожарская Е. П.
Попов Д. Я.
Преучиль И. К. — капельмейстер.
Сулоцкий А. И.
Сулавко А. В.
Урзов И. Г. — школьный врач.
Успенский Н. Н. — школьный врач.
Храмов С. И.
Чернавин о. Г. П. — протоиерей.
Чистяков К. И.
Чумаков П. Д. — делопроизводитель
Шильникова Т. И.
Штумпф О. Г.
Шмидт С. Ф.
Юй — Ван — Хай.

Секретарь «Объединения» Д. Киреевский
Сидней, Австралия, 1987 г.

Празднование Николина Дня дек. мес. 1985 г.

Молебен в церкви
в Кройдоне

После молебна в церковной
ограде

Приветственное слово председателя «Объединения» А. А. Логунова на парадном обеде 15-го дек. 1985 г.

Председательница дамского кружка «Объединения» Н. А. Церцвадзе благодарит дам-реалисток за обильно накрытый стол

Слева сидит жена секретаря «Объединения» Л. А. Киреевская

Вице-председательница литературного общества имени А. с. Пушкина, О. С. Кореиева-Кулинич произносит приветственное слово

Вице-председатель А. Д. Иваицов поздравляет реалистов и гостей с училищным праздником Св. Николая Мир Ликийских Чудотворца

Старший член «Объединения» Юра Галицкий выпуска 1924 г. декламирует свое стихотворение

**Л. С. Аполлонов
зачитывает поздравление
от имени Союза
Окончивших учебные
заведения Х.С.М.Л.**

**Председатель инженеров
окончивших Х.П.И. и
С.М.У. — Д. А. Шамшурин
поздравляет реалистов с
праздником и выпуском
«Сборника памяти
I.Х.Р.Р.У.»**

Поездка в Америку

Я, с женой, всегда мечтали попутешествовать по свету и увидеть различные страны. И когда такая возможность пришла, то было решено поехать в Японию, Советский Союз, европейские страны, окунуться в их интересную историю и культуру. Позже, «заразившись» бродяжничеством, мы посетили Новую Зеландию и поездили по Австралии. Что касается Америки, то тут у нас были некоторые смущения в связи с бурным темпом жизни и некоторыми неверными представлениями о различных бытовых опасностях, вероятно, навеянных различными фильмами. Но в душе, как говорится, что-то «свербило» и мысль о поездке туда крепла. В нашей семье появились разговоры о родственниках жены — дядя и тетя — в США. Появились и материальные удачные «экспромты» и все сложилось так, что было принято решение поехать. План был составлен, и он включал Сан-Франциско и 11 штатов на западном побережьи, а срок такого тура, рассчитанный на пять недель, был очень подходящим.

Розыски родственников, друзей и знакомых были успешны.

Позаботились и об обогащении нашего представления о всей стране, что и произошло, как во время предварительной подготовки к поездке, так и во время путешествия. О всех этих впечатлениях можно, конечно, хоть целую книгу написать.

Но ограничимся более скромными масштабами. Сначала впечатления о внешней Америке. Богатая страна, масса роскошных магазинов, полно товаров и продуктов питания. Но самое главное — замечательная незабываемая природа, полная контрастов — озера, горы, пустыни, ущелья и прекрасные леса, заповедники с дикими зверями, с дикой природой, с водопадами и вековыми деревьями. Многоводные реки и тут же пустыни с искусственными водохранилищами.

Все предоставлено для публики свободно, все устроено удобно — можно остановиться и пожить среди девственной природы. В небольших городках встречаешь дружелюбных американцев. Поражало такое — у встречных почти всегда в руках или кока-кола, или мороженное или «хот-дог». Впечатление складывалось, что все там все время или жуют или пьют что-нибудь.

Проезжали по местам, где можно было видеть работу фермеров и сразу можно было заметить рациональность использования всех природных возможностей.

Но подойдем к главному. Все таки цель поездки включала и встречи с бывшими реалистами Харбина.

После трех недель путешествия по стране для ознакомления с ней, мы оказались в Сан-Франциско, где по рассчету мы должны были задержаться на два дня.

Наши друзья Л. и В. Нехоновы не позволили нам оставаться в отеле. Утром в воскресенье повезли нас в Собор на Богослужение. К моменту приезда в Собор ранняя служба там уже заканчивалась и некоторые прихожане расходились. Я стал приглядываться к лицам и в одном увидел что-то напоминающее. Все же, еще не будучи уверен, подошел к ней и спросил:

«— Не знаете ли Вы, в Сан Франциско, даму по фамилии Бандазян. Она замужем за моим однокурсником-коллегой Г. Кичижанц?, и вдруг мне в ответ:

— Шура, это ты? Как ты попал сюда? и тут же получил и адрес и телефон.

Она и оказалась Вардуи Бандазян!

К этому времени приехал архиерей служить обедню, и Вардуя поспешила обратиться к о. Иоанну Шачневу — настоятелю Собора, который шел с крестом встречать Архиерея: —

— От. Иоанн, Шура приехал!... и настоятель успел только сказать, что мы должны встретиться. С ним я разговаривал после обедни и условился о дальнейшей встрече.

В этот день В. Нехонов взял нас на концерт, где выступали и его внуки. Там мы убедились как много русских ребят учатся играть на музыкальных инструментах, выступают и поют русские песни. Здесь же я встретился с нашим реалистом Юрой Николаевым. С ним мы условились встретиться после моего скорого возвращения в Сан-Франциско, так-как сначала было необходимо закончить тур.

Таким образом контакт с бывшими харбинцами был установлен, и после возвращения в Сан-Франциско я обосновался там на... четыре недели. Мне очень хотелось встретить своего друга Бориса Иванова, одноклассника, который сразу после окончания училища уехал сначала в Шанхай, а потом в США.

Со слов Веры Качиной, — наша реалистка, Борис оказывается уже умер. Он достиг большого положения, читал лекции в Институте и написал труды по экономике. Было грустно услышать такое известие о нашем волевом, всегда добивавшемся своей цели, хорошего гимнаста, нашего медалиста Б. Иванова.

Вера Качина, по мужу В. Де-Павлова, живет в Файрфильде, в двух часах езды от Сан-Франциско. Мы посетили ее дом, и провели много часов в воспоминаниях прошлого.

Связался по телефону с Надей Моисеевой, по мужу Мак Кан. Она заехала за нами и пригласила в китайский ресторан. Она — очень деловая женщина, имеет свою контору, очень занята и, конечно, одного вечера нам не хватило. Через неделю мы были приглашены к ней в дом, вместе с нашими друзьями Нехоновыми. Там опять встретили многих русских друзей.

Конечно, теплые встречи состоялись и с Вардуей, которую я не сразу узнал в Соборе. Надо сказать, в наши школьные дни я часто посещал их дом в Харбине. Кроме того мы проводили много времени в Армянском Клубе, где также бывали тогда и наши реалисты Лев Аванесов и Костя Подгарецкий. Так что, было что вспоминать. Было грустно узнать, что муж Вардуи погиб в Америке в автокатастрофе, а Вардуи, со своей глубокой верой, перенесла все стойко, и сейчас не одинока — имеет около себя двух дочерей и внуков.

Встреча с Юрой и Машенькой Николаевыми была очень теплой. Они предлагали пожить у них с недельку. Но к этому времени мы нашли друзей и подруг моей жены по Тяньцзину, и родственников тоже надо было навестить, так что мы провели у Николаевых только одни сутки. На следующий день Юра свозил нас в русский ресто-

ран. У Юры и Маши — прекрасный дом, и Маша — хлебосольная хозяйка.

Других реалистов не встретил. Костя Гордеев был в это время у себя на даче. Было несколько встреч с коллегами по Институту. Среди них — встреча с П. Попковым, который является председателем окончивших ХПИ. У него в доме я встретил коллегу А. Князева, с которым нашлись воспоминания о работе среди скаутов. Так же, разглядывая альбом П. Попкова, я нашел много знакомых лиц на фотографиях. Это оказалось поводом для встречи с «опознанными» мною на карточках-коллегами. Встреча состоялась в китайском ресторане, где я всех встретил.

Писать о встречах в Америке можно много, но надо и подытоживать. Хочу в заключении сказать, что все наши друзья, соученики, коллеги живут там хорошо, отлично устроены, имеют прекрасные дома и дачи, но и осталось впечатление, что они прошли тяжелую школу пока добились успеха. Мы здесь, в Австралии, как то сразу устраивались по своим специальностям, и личную жизнь устраивать было легче. При встречах все интересуются жизнью своих друзей и знакомых в Австралии. Тепло вспоминают жизнь в Китае, школы, Институт. Встречают — радушно и тепло.

Было грустно расставаться с Америкой, где я встретил так много друзей, и надеюсь, что мой очерк будет прочитан с интересом.

А. Глувчинский

РУЧЕЕК

Ручеек вьется змейкой
с высокой горы
между травкой пахучей
и лесной красоты.
И журчит и бежит
через камни и пни,
солнца луч золотит
в эти ясные дни.
Красоты — не объять,
птицы в небе
летают, поют...
Божий дар! Благодать!
И кто может понять
тоску
по тому ручейку,
что с горы все бежит,
и журчит, и поет
и, как будто, к себе
мою душу зовет.
И в ночную пору,
в тишине той, лесной
серебрится луна
над высокой горой.

Нина Церцвадзе

Землякам из «Гринландии»

ЗВЕЗДА ГЕЛЬ-ГЬЮ

У каждого свой город на земле.
И землякам из Гель-Гью, в разных странах,
На все широтах и меридианах,
Своя звезда сопутствует во мгле.

В сердцах у нас с молитвой матерей
Запечатлелись дивные скрижали,
И сколько бы дорог ни проезжали,
К своей звезде спешим мы поскорей.

Нас, земляков из города Гель-Гью,
Воспоминанья греют дорогие.
Мы яростно болеем ностальгией,
Благословив «Гринландию» свою.

Но прошлое нам дорого не тем,
Что жизнь свою безоблачно прожили, —
Нет! Город наш был маленький и пыльный,
И многие в нем жили в нищете.

Но при нехватке материальных благ,
Богатствами иными обладали.
Нам матери в наследство их отдали:
«Знай, жизнь дана на добрые дела!»

Заветы матерей мы пронесли
Защитою от нравственных падений,
И строчками живых стихотворений
Своих детей мы вырастить смогли.

Спасибо вам, гель-гьюзцы, земляки,
Что сохранили в жизни душу чистой,
Не запятнали совести корыстью,
Не разменяли чувств на пятаки.

Звезда Гель-Гью, гори же и сияй,
И всех людей на всех меридианах
В больших и малых «гринландийских» странах
На добрые дела благословляй!

Елена Влади

Примечание: Гель-Гью — вымышленный город из повестей Александра Грина, писателя-фантаста и романтика, человека высокой души, в своих повестях создавшего образы честных, мужественных, добрых героев. «Гринландия» — это страна добрых романтиков всех повестей ГРИНА! Следовательно, к гель-гьюзцам принадлежат все те люди, для которых духовные богатства выше материальных, которые посвящают свои жизни, борьбе за подлинную духовную Красоту! Бог в помощь всем им!

САША

Ю. Николаев

Саша был славным русским парнем. Жил он в г. Харбине, прекрасно учился, имел много друзей, стараясь всем помочь и слыл за хорошего товарища. По окончании среднего учебного заведения он поступил в Харбинский Политехнический институт и блестяще закончив его со званием инженера — электрика.

Тут надо сказать, что, посещая ежедневно Политехнический институт, он обычно брал сокращенный путь через «Зеленый базар», имел там много знакомых «молодых людей», но не поддерживал с ними тесных взаимоотношений, ввиду того, что население этой части города не пользовалось особенно хорошей репутацией. В самом начале тридцатых годах там была создана «молодежная организация» ХОБА, что означало — Харбинское Общество Базарных Арестантов. Поскольку все споры и непонимания среди членов этого общества разрешались с помощью перочинных ножей, кастетов, а иногда и огнестрельного оружия, Саша старался со всеми ладить и никогда ни с кем не спорить. Но избежать этого нежелательного контакта он никак не мог, по территориальным признакам местожительства. Особенного влияния на него это знакомство не оказало, за исключением, правда, «эластичности» его русского языка в употреблении «сильных выражений» с «крепкими словечками».

Саша стал «крепко» выражаться, когда надо и не надо, тяжело болел этой неизлечимой болезнью, приводя в уныние своих благочестивых родителей, а потом уже и членов своей семьи.

Будучи как то, кооптированным в члены правления ХОТКС — Харбинское Общество Тенисного и Конькобежного Спорта, он выступил с речью на одном из заседаний и употреблял такие словечки, что люстра над головами присутствующих качалась, с потолка падали замертво пораженные мухи, а члены правления с трепетом переглядывались между собой, чувствуя ужасную неловкость.

Спустя некоторое время Саша подался на юг Китая. Шанхай, с его громким названием «Дальневосточный Вавилон», произвел на него большое впечатление. С помощью друзей он устроился на работу и стал знакомиться с разговорным английским языком, теоретические познания которого он получил в Харбине, вместе с практическими познаниями хорошо разбираться в алкогольных напитках. Будучи всегда в веселом настроении, он любил компанию и чувствовал себя превосходно. В его, как он выражался, «полезном кругу знакомых», был один индус, ходивший в чалме, с аккуратно подстриженной бородкой жгуче черного цвета. Индус имел необыкновенно пронизывающий взгляд и его большие томные глаза скрывали в себе тайны черной магии индусского факира. Он был с деньгами, Саша зарабатывал тоже ни плохо, и они весело и непринужденно проводили время, отдавая должное ночным клубам Шанхая. Это знакомство перешло в крепкую дружбу и индус, считая Сашу за близкого человека научил его двум премудростям: много пить и никогда не пьянеть, и спать сидя с открытыми глазами. Прошло еще несколько лет и судьба забросила Сашу с его семьей в один из крупных городов Западной Америки, где он, сразу же, устроился в большом промышленном предприятии. Несмотря на то, что Саша любил частенько «закладывать за воротник» и крепко выражать свои мысли, к работе он относился очень серьезно и добросовестно, отличаясь исключительной аккуратностью и знанием своего дела. Он был настоящий инженер в полном смысле этого слова. Харбинский Политехнический институт выпускал ни только инженеров с узкой специальностью электрика, механика, строителя или архитектора, но, вместе с этим, давал студентам всестороннее образование, делая из них высоко культурных людей с широким диапазоном знаний. Таких инженеров в Америке ценили, гонялись за ними и крупные фирмы даже переманивалм их друг у друга, предлагая лучшее вознаграждение и условия работы. И тут надо сказать, что у Саши, кроме боль-

Посвящаю памяти
Николая Васильевича Разумовского —
спутника жизни в Пекине и Тяньтзине.

«БЫЛОЕ»

Мы жили в далеком Китае,
Познавши его в Харбине.
Гуляли в садах богдыханов
И в Храме небес в Пекине.

Мы сопки Маньчжурии знали,
И Гоби в сыпучем песке,
И Сунгари волны нас звали
Купаться в той мутной реке.

И Желтой реки величавой,
Ряды бесконечных плотин.
Шанхай, где от зноя кричали,
И шерсти столицу — Тяньцзин.

Разве можно забыть это время?
Когда сердце пылало огнем
И жизни суровое бремя
Сгибало нас ночью и днем.

Лишь вера была утешеньем,
И спутницей наших надежд,
Движимые страстным стремленьем
Мы новый нашли здесь рубеж.

Австралии теплые воды,
И пеною бьющий прибой —
Несутся к нам новые годы
Под смех кукабары — порой.

Ю. Галицкий

ших познаний в своей области, была еще изумительная способность считать все в уме, и очень часто он решал, без карандаша и бумаги, такие сложные вычисления и алгебраические задачи, что приводил в неописуемый восторг своих сослуживцев, окружавших его с калькуляторами и другими счетными машинками. Но Саша был очень простым и отзывчивым человеком, всегда шел всем навстречу, ни в чем не отказывал с любой просьбой, и вскоре завоевал к себе большую любовь и уважение со стороны своих сослуживцев. Нередко бывали случаи, когда, служащие предприятия, где он работал, занимавшие высокие руководящие места, приходили к нему «для консультации», принося «сырые чертежи» и эскизы. Саша брал все это домой, пыхтел и потел над ними несколько вечеров, исправлял все на 50-60% и возвращал «довольному владельцу». Затем эти чертежи вычерчивались уже заново с Сашиными поправками, подписывались «довольным владельцем», и шли на утверждение к главному инженеру без упоминания, конечно, Сашиного имени. Начальство тоже любило консультироваться с Сашей, потому что тот мог давать очень толковые и полезные советы не только в узко электрической области, но также механической, экономической, топографических и земляных работ, и всевозможных деталей постройки той или иной силовой станции. Технический английский язык Саша знал превосходно, а разговорный в том объеме, в котором его научил международный Шанхай. И здесь, в Америке, Саша не обращал никакого внимания на грамматические правила, говорил по-английски, как ему приходило на душу, научился рассказывать на этом языке смешные истории и анекдоты, и никогда не чувствовал себя в затруднении, даже, в беседах с высоким начальством. О себе он никогда не заикался и ничего для себя не просил, всегда говоря, что начальству сверху виднее куда кого назначить и куда кого определить.

Наблюдая, как Алекс расправляется с чертежами, щелкая их, как орешки, администрация сделала его боссом, поручив ему группу чертежников в 25 человек. К этому времени из Шанхая приехал его закадычный дружок Аркаша. Благодаря своим связям, Саше удалось воткнуть Аркашу к себе в группу, несмотря на то, что тот имел довольно скудные познания в области электричества и черчения, занимаясь в Шанхае коммерцией. И действительно надо было признаться, что в знаниях электричества Аркаша был не очень силен, но он великолепно знал, что если, для примера, надо было осветить темную комнату электричеством, то необходимо было подойти к стенке, отыскать штепсель и повернуть его вверх или вниз или даже в стороны в зависимости от марки и системы. И, чтобы пополнить его недостаточные знания, Саша затолкал Аркашу в колледж на вечерние курсы. Аркаша ценил такую заботу своего друга и стал для Саши неизменным помощником и верным «вассалом».

А Саша шел все вперед и вперед по служебной линии и через несколько лет у него в подчинении было уже четыре группы в 96 человек. Вот тут-то и начались некоторые неприятности. Дело в том, что у Саши были не чертежные группы, а как он их называл, интернациональные бригады, состоящие из двух русских, американцев, немцев, мексиканцев, японцев, китайцев и одного норвежца. Знания у всей этой «кобылки», как называл их Саша, были разные. Разными были так же отношение к делу, аккуратность и исполнительность, и ему приходилось затрачивать не мало усилий и энергии, что бы держать всю работу в надлежащем порядке. Иногда его люди допускали халатность и невнимательность, делая в чертежах грубые ошибки, и тогда Алекс, как Сашу звали сослуживцы, не выдерживал и пользуясь привилегией «свободного слова» крыл их с верхней полки из обильного запаса «крепких словечек», который он привез еще из Харбина. Начальство великолепно знало его «слабость», но очень дипломатично не обращала на это внимания. Иногда Саша сам пробовал обращаться к известным докторам, но те только разводили руками, говоря, что такого рода болезнь пока еще не известна американской медицине, и что они не знают методов ее лечения.

Время шло. Саша построил уже две электростанции и приступил к сооружению третьей. Начальству приходилось мириться с его недостатками и при его очередных «взрывах», от которых, моментально, могли бы завянуть уши у людей понимающих великий русский язык в оригинале, старались общими усилиями сглаживать все шероховатости. Поскольку свободная печать и абсолютно нестрогая цензура в Америке и те не пропустили бы Сашины «крепкие словечки», я позволю себе в дальнейшем заменять их простым тра та та.

Последнее время Саша стал больше нервничать, и что бы держать себя в норме он в обеденный перерыв ходил на «вливание», в один из соседних баров, где и успокаивал расходившиеся нервы. Иногда он перебирал, чувствовал усталость, и вот здесь-то ему и приходило на помощь тонкое индусское искусство. Алекс нередко засыпал на работе на часок, сидя с открытыми глазами, при чем так умело вращал зрачками, что все чертежники были уверены, что их начальник строго за ними наблюдает. Получалось какое то парадоксальное явление, когда, при ослаблении контроля работа выполнялась быстрее и лучше. Сам Алекс был настолько большим специалистом в чертежном искусстве, что нередко устраивал нечто похожее на сеансы одновременной игры в шахматы. Встав со своего места он прохаживался между столами чертежников, и после беглого взгляда на чертеж сразу же отыскивал ту или иную ошибку, тыкал в нее пальцем. При этом, в зависимости от сделанной ошибки, он подбирал соответствующие выражения, начинающиеся с безвинных прибауток на английском языке и кончающиеся «крепкими словечками» на русском языке, от которых ломались концы чертежных карандашей ни только у провинившегося чертежника, но и его соседей.

Иногда Саша был в дурном настроении и «прочищал» свою «кобылку» сверху донизу:

«— Вот это, милый друг, тра та та никак уже не пойдет, тра та та. ты что мне — линии прóводишь или проселочные дороги рисуешь, тра та та.» —

«— А вот этих чертиков, тра та та, отсюда убери. Понимаешь, мне нужны предохранители, а не черти с рогами, тра та та.» —

«— Ишь ты какой художник отыскался, тра та та. Что это у тебя за жаба такая? Трансформатор! Ну знаешь голуба, тра та та. Если ты мне еще раз начертишь такой трансформатор, тра та та, то на следующий день получишь последний чек, тра та та». —

Но несмотря на этот словесный переизбыток у своего начальника, все чертежники любили и уважали Алекса. Все знали, что он честный и справедливый, никогда никому не делает поблажек и относится ко всем

одинаково. И сам Саша никогда не давал в обиду своих служащих, грызся из за них со своим непосредственным начальством и всегда выгораживал любого из них, даже если кто и был в чем-то виноват.

Однажды, когда Саша был в отпуску, администрация решила как то помочь делу и увеличила штат его отдела на одного человека, за счет молоденькой и миловидной чертежницы русской национальности. Расчет был простой. Алекс постесняется в присутствии своей соотечественницы произносить «крепкие словечки». Саша ничего об этом не знал и когда он вернулся на работу, его заместитель представил ему новую служащую, а девушка зная, что он русский отрекомендовалась на русском языке:

«— Здравствуйте, меня зовут Оля и я русская.» —

«— Как Оля, как русская, чуть не подскочил Саша. Постойте, как же так! Нет, нет не может быть, что бы вы были Оля?»

«— Нет истинная правда. Я, Оля и моя фамилия Орлова, повторила смущенно девушка и протянула руку.

Саша был джентлеменом и поднявшись со стула обменялся рукопожатием.

И сейчас же, вместо просмотра накопившейся корреспонденции за время отпуска, Саша занялся мыслями и думами, в связи с создавшейся для него, совершенно непредвиденной обстановкой. Действительно, ему было о чем сейчас подумать! Излечиться сразу, от своего «недуга», он не мог. Но он и не мог, так же, «крепко выразить» свои мысли в присутствии Оли, что было-бы для нее большим оскорблением. И первый раз в жизни, Саша встал в тупик перед таким сложным вопросом, который он должен сам разрешить без посторонней помощи, полагаясь на свои знания и житейский опыт. Да, он должен приучить себя сдерживаться, он должен взять себя в руки, и забыть о «крепких словечках»! И Саша стал все это претворять в жизнь!

В последующие три недели Алекс приводил всех в изумление. Он никого не ругал, говорил спокойно и без обычных «добавлений». Некоторые чертежники стали даже за него беспокоиться, опасаясь за здоровье своего начальника. Все шло, как нельзя лучше. Администрация потирала руки. В отделе Алекса В. — был мир и тишина. Но вдруг, как то неожиданно для всех, медовый месяц кончился, когда старший чертежник — мексиканец так присоединил подстанцию к главной питательной сети, что Саша рассвирепел и зарычал, как раненный зверь: — «Ты, ты что голуба, тра та та, хочешь мне подстанцию взорвать, тра та та. Да ты что милый человек, хочешь в тюрьму сесть и меня туда затощить, тра та та» — Тут он хотел сказать, что-то еще но заметил, как Оля вся в слезах выбежала из комнаты? Тогда Саша отошел от полуживого мексиканца и направился к своему начальнику.

«— Так что вот Билл, сказал разгоряченный Алекс; выбирай сам, или баба, или я!

И он рассказал все о случившемся. Поговорив еще немного, Билл попросил Алекса взять внеочередной отпуск на два, три дня и немного успокоиться.

И когда Саша, через два дня, вернувшись на работу, вошел в комнату, он сразу же обратил внимание, что Олин стол был пустой. Опыт не удался. Начальство решило мириться с недостатками Алекса и оставило его на своем месте.

И опять потекли трудовые дни. «Крепкие словечки» сыпались у Саши как из «рога изобилия», но работа выполнялась блестяще и отдел Алекса В. был дважды премирован. Получив еще два больших повышения, он дослужился до пенсии и сейчас отдыхает на юге солнечной Калифорнии.

Да. Незаурядный, замечательный и интересный был этот парень из Харбина Саша-Алекс, а нам реалистам так дорог и близок!

Саша был абитуриентом Первого Харбинского Русского Реального Училища.

Юрий Николаев

1987 год.
г. Сан-Франциско.

ОКНА

За чужими окнами —
золотистый свет,
и смеется женщина,
и трепещет смех.
И мужской, так ласково,
голос вторит ей...
Под чужими окнами
сердце обогрей.
Под моими окнами
праздник не таков,
за моими окнами —
шорохи стихов.
Там — печаль да книги,
там печаль да сон...
Не ходи прохожий
У моих окон.
Если ж грусть овеет
голубым крылом,
задержись мгновенье
под моим окном.

Люда Энгельгардт

ТОМЛЕНЬЕ ДУХА

Года неслися торопливо
К безумью, злобе и крови.....
Мы озираясь сиротливо,
Приют в изгнании нашли.

И здесь в потоках изобилия,
Под гул ликующей толпы,
Не позабывши о России —
Томление духа обрели....

Томимся мы — о том, что было...
Или о том — что, может быть!
О всем, что вновь не повторимо
И никогда нельзя забыть.

Ю. Галицкий

Памяти абитуриентки Первого Харбинского Русского Реального Училища
ЛЮДМИЛЫ ПРИКЛОНСКОЙ

Священное Писание учит нас, что если Бог дал нам талант, то мы не должны зарывать его в землю, а обязаны прилагать все силы к развитию его. Так маленькая Людмила, обладавшая исключительной способностью к пению, уже с самых ранних лет пела в церковном хоре, а, будучи ученицей Алексеевского Реального Училища уже в 12 лет выступала солисткой в школьном хоре, управляемым И. П. Райским, с помощью которого, у нее талант развился еще больше. Детство и юность Людмилы прошли на моих глазах, так как я был у нее учителем японского языка. Чтобы познакомить с жизнью этой талантливой певицы, я обратился к мужу покойной Людмилы Алексеевны Приклонской Е. И. Кругляковскому, который любезно согласился написать мне жизнеописание Людмилы. Вот что он пишет:

Ляличка родилась 21.8.1923 года в г. Харбине, в семье Алексея Владимировича Приклонского, волей судеб заброшенного в Харбин в тяжелые годы революции и зарабатывавшего на жизнь трудом регента и учителя в Алексеевской школе, а также регентом в Св. Алексеевскоми Храме бывш. Коммерческих Училищ, помещавшемся в «Касаткинских Рядах» за Зелеными Бавзаром, на Соборной Улице.

С самых ранних лет Ляличка всегда ходила с папой или мамой Марией Ив. Приклонской, в церковь и старалась петь, подражая взрослым. Эти детские годы, проведенные в церкви, привили ей любовь к прекрасной духовной музыке великих русских композиторов, а впоследствии эта любовь перешла на хоровые произведения светского характера, тех же русских композиторов.

Окончив первое Харбинское Реальное Училище с похвальной грамотой, она была приглашена преподавательницей в начальные классы городской школы; одновременно с этим она всегда принимала участие в хоровых кружках самодеятельности. Занималась она у известной преподавательницы пения С. А. Зайцевой, а уроки музыки давала ей Д. Б. Райская. Эти два опытных педагога заложили у нее прочный фундамент.

Известный и всеми любимый преподаватель, дирижер и регент Ипполит Петрович Райский обратиил внимание на вокальные способности Лялички и часто заставлял ее солировать. Природный талант Людмилы Алдексеевны, чудесный голос и любовь к пению помогли ей выдвинуться в солистки на концертах в Железнодорожном Собрании (Доме Культуры), где часто устраивались поездки по другим городам (концертные турне). Ляличка пользовалась исключительным успехом у китайской аудитории, так как она пела много популярных китайских песен на китайском языке. Надо сказать, что она также являлась абитуриенткой Колледжа ХСМЛ, где она окончила курс по коммерческому отделению.

После капитуляции Японии, в период оккупации, в помещении Железнодорожного Собрания был создан «Дом Культуры», под руководством советского режиссера и администрации. Здесь Ляличка также выступала с песнями соло, пользуясь неизменным успехом перед советской аудиторией. После прекращения деятельно-

Л. Прнклонская
В приятном плену музыкально-вокального нскусства. Снимок из фамильного альбома 1981 г.

сти советской администрации на КЧжд, жизнь в «Доме Культуры» замерла и Ляличке пришлось искать новые пути существования. Она поступила преподавательницей русского языка в ХПИ, где и пробыла около трех лет и, затем, она получила интересное и выгодное предложение на должность преподавателя в Чанчуне. В Чанчуне она познакомилась с Евгением Ильичем Кругляковским и, в результате любви с первого взгляда, она вышла за него замуж, и счастливо прожила с ним до своих последних дней.

В 1961 г. она, с мужем, переехала в Австралию. Тяжело было устраивать новую жизнь в новой стране, но музыкальная одаренность и знание церковной музыки и пения, позволили Ляличке стать регентом во многих храмах Сиднея. Параллельно с этим, она организовывала духовные концерты созданного ею Русского Женского Хора. Первое выступление этого хора было в Ашфилде, в 1971 году. Концерт был записан на пленку и эта запись использовалась во время Богослужений.

Организовав Русскнй Женский Хор, из любителей русского хорового пения, Ляличка добилась замечательных успехов. Критики в отчетах о концертах, всегда с похвалой отзывались о хоре, об его участницах и о Ляличке, как талантливом регенте.

Проходили годы, хор совершенствовался в своем хоровом искусстве, были оррганизованы выступления

перед иностранной аудиторией с благотворительной целью. Мэр Бервуда разрешил хору безвозмездно пользоваться залом в «Доме Слепых», для репетиций в течении ряда лет. Успех давался не легко.

Ляличка просиживала ночами, арранжируя и перекладывая русские песни для трехголосного хора. Особенно она любила русские песни в арранжировке И. П. Райского, и на каждом концерте, эти вещи исполнялись хором с особой любовью, т.к. Ляличка помнила заветы своего учителя — была требовательна и к себе и к хору — многочисленными спевками она добилась качества и безукоризненного исполнения русских песен. Ляличка выступила по радио с докладом о старинном русском романсе, для чего провела огромную подготовительную работу, прочитав много книг о жизни и творчестве композиторов, чтобы познакомить своих слушателей о роли музыки в их жизни. Любимым композитором Лялички был М. И. Глинка. Ему она посвятила один из ее концертов, который был проведен из произведений М. И. Глинки.

Ляличка не любила фальши, была строга к себе и к хористам и не раз говорила: «Истинное искусство не построишь на лжи».

Дома она также давала уроки пения ученикам, как старшего, так и младшего возраста.

Но не все бывает вечно — хор перестал существовать, тогда она стала прреподавать пение в Школе имени «Александра Невского» в Кройдоне, прививая любовь малышей к русской песне. Результатом этой работы, были проведены успешные концерты.

Необычайное напряжение, особенно, во время подготовки к концертам, стало сказываться не здоровье Лялички. Ей была сделана серьезная операция по удалению камней. После успешной операции, она раньше времени, опять, стала заниматься свим любимым делом-преподаванием пения в школе, но последствия операции стали сказываться все более и более. Она уже не была в состоянии с прежней энергией отдаваться своему любимому делу, и с переездом в другую отдаленную часть города ей, пришлось навсегда уйти из школы.

Болезнь прогрессировала и, хотя Ляличка не показывала вида, что у нее что-то не в порядке, она по прежнему принимала у себя знакомых, была как всегда мила, приветлива и гостеприимна. На Пасхе в 1985 году она как всегда была мила с теми кто пришел ее поздравить. Но никто не подозревал, что ее чудесные, лучистые глаза, ее чудесные руки и пальчики, которыми она умела держать хор в повиновении, скоро замрут навсегда.

Болезнь (рак) подошла внезапно, ее пришлось поместить в лучший в Сиднее госпиталь, где она заснула тихо безболезненно навеки, причастившись Св. Тайнств. Она ушла от нас на пасхальной неделе, оставив о себе лучшую память, как о талантливом регенте, организаторе, подарившему, русской колонии Австралии, около сотни чудесных русских песен, нигде прежде не исполнявшихся». Лучшим ее памятником являются те слезы умиления, слезы от души, у русских людей, которые помнили свое далекое русское прошлое. Людмила Алексеева своим талантом, своим искусством регента хора могла вызвать в душах людей их наилучшие чувства. Она умерла 19.5.1985 года, и была похоронена на кладбище Руквуд.

Вечный мир и покой твоей прекрасной душе, Людмила Алексеевна! Ты пела Богу на земле, ты поешь Богу и теперь-на небесах, славя Его имя!

* * *

Спасибо Евгений Ильич, за ваше жизнеописание покойной. Прошу принять мое соболезнование, а также соболезнование от всех членов Объединения Окончивших Первое Харбинское Русское Реальное Училище.

В. Г. Савчик

П. В. ЗИССЕРМАН

От Ред. Комиссии: Многие абитуриенты Реального училища помнят Павла Владимировича Зиссермана, окончившего училище в 1932 году с XII выпуском. Член нашей Ред. комиссии А. Д. Иванцов был однокашником П. В. З. и обратился к его брату Н. В. Зиссерману сообщить подробности волнующей, бурной и трагичной жизни Павла. Н. В. Зиссерман любезно согласился и вот что он написал: —

Глубокоуважаемый г-н Иванцов!

Вы просили у меня краткое жизнеописание моего брата Павла Зиссермана, с которым вы учились вместе в Реальном Училище в Харбине. Извините меня, что я немного задержался с ответом, но я последнее время не чувствую себя очень хорошо. Итак, ниже вы найдете краткое жизнеописание моего покойного брата Павла.

Павел Владимирович Зиссерман, род. 7-го июля (нов. ст.) 1915 г. в городе Туле. Отец — чиновник, служил в кредитной канцелярии министерства финансов. Ушел в отставку в 1911 г. и занимался сельским хозяйством. В 1914 г. был призван офицером запаса и служил в Туле.

После революции, Павел в составе всего семейства, в 1922 г. прибыл в Харбин. Ребенком я его помню плохо, т.к. родители, уже в 1925 г., послали меня и второго брата Константина в Европу в Вену к родителям матери. Только через семь лет прибыл в Вену и Павел. Он на меня произвел огромное впечатление своей выдержанностью и мужественным характером. Некоторое время он учился в Праге, а затем в бельгийском университете Лувен, где был особый колледж для русских эмигрантов. Павел окончил лувенский университет по факультету политической экономии и получил звание «Agreqé ès economie politique», насколько я помню, в 1936 г. В это время он уже имел службу. Вместе с некоторыми другими молодыми русскими он основал туристическое бюро, и совершал путешествия по странам средней Европы (Германия, Швейцария, Австрия, Чехословакия, Венгрия и т.д.) с бельгийскими туристами, на автобусах, которые их фирма нанимала. Помню его приезд в Вену в 1937 г. и в 1938 гг. Вскоре после этого, я уехал к отцу в Харбин. Дальнейшие данные о его последних годах я заимствую из статьи Н. Алексеевой — «Памяти Павла Зиссермана», опубликованной в одном из номеров «Вестника Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции» (Париж, июль 1946, стр. 32-35). В этом некрологе говорится: «22-го июня 1941 года Зиссерман был арестован немцами, в числе многих других русских людей, и

попал в конц-лагерь Малинь — это, как во Франции Компьенский лагерь для русских».

«Фюрер» русской эмиграции в Бельгии, г. Войцеховский, был служака усердный, злобный и мстительный; он постарался создать в малиньском лагере самые мрачные условия для заключенных, такие, которые ничем не отличались от «настоящего» примерного концлагеря в самом Рейхе. Тут было все, что нужно — издевательства, ежедневные избиения, голод, гнусные «капо» — немцы и уголовники, ежеминутно преследовавшие людей. Зиссермана, один из этих «капо», особенно облюбовал: он его бил не просто, а каждый день по руке, всегда палкой, со всей силы по той же руке, стараясь попадать в то-же самое место. Рука постоянно ныла, была вечная боль, слегка стихавшая к ночи — потом появилась опухоль, рука онемела, стала безобразной.

Весной 1942 г. Зиссерман был освобожден из лагеря Малинь, прожил несколько недель в деревне в Бельгии и в начале лета перебрался в Париж. Узнать его было трудно, до того был худ, обтрепан... Отъезд в свободную зону (Франции) состоялся приблизительно в конце июля. Зиссермана пристроили на паровозе экспресса Париж-Марсель, так он и проехал, кажется, в качестве кочегара. А Марселе попал опять к русским друзьям... оттуда в Гренобль, но там он на улице попался в облаву и опять очутился в лагере, под надзором полиции Петэна. Но тут он пробыл недолго, бежал (обстоятельства побега неизвестны) и перебрался в Швейцарию. В этот период жизни о нем мало сведений—осенью 1942 г. были получены из Швейцарии две открытки. Он жил там в лагере интернированных, имел какую то легкую работу, и наконец отдохнул, отъелся.

Осенью 1943 г. Зиссерман опять во Франции, в Савойе. Он старается вступить в ряды «макизаров». Сделать это было не так легко, «макизары» были люди серьезные, особенно в выборе соратников, а время в Савойе было страшное. Тут Зиссерману, наконец, повезло, — он узнал, что один из главных начальников «маки» в верхней Савоии был русский, Ш. После нескольких свиданий с Зиссерманом, Ш. принял его в один из своих отрядов... «Либерте», и Зиссерман, наконец, дошел до исполнения своего желания, и сражался с немцами, стал партизаном, и сразу одним из лучших. Пожалуй, можно сказать, что он всегда «был впереди», но это ведь и не точно: он был там, куда его назначали, но все делал именно так, как нужно, сражался с упоением, бешено, к врагу был жесток и неумолим. Очень скоро он стал исполнять самостоятельные поручения, заслужил полное доверие и уважение начальства и товарищей. И вот день 23 декабря 1943 года; тут конец, завершение упрямого пути: Малинь-Париж-Гренобль-Швейцария-Савойя.

В этот день карательный отряд немцев, в сто человек, вышел из местечка Бонвилль для уничтожения лагеря «макизаров», находившегося в горах. Предупредить во время товарищей — и Зиссерману было дано задание идти следом за немцами, и по возможности, завлечь их в западню. У Зиссермана был отряд в 15 человек, вооружены были винтовками, у Зиссермана — автомат, у немцев — пушки и тяжелые пулеметы. Шли притаившись по лесу, поднимались все выше, к узкому ущелью, за ним скоро плато, где «макизары». Немцы вошли в ущелье, уже почти прошли, и тут — обвал. Неожиданный, загрохотал и засыпал выход. Немцы остановились — их положение было неприятным — «макизары» могли внезапно напасть сверху, с гор на ущелье, как уже и бывало, и они круто повернули назад. Маленький отряд Зиссермана теперь сам попал в ловушку, отступать было некуда, да и времени не было. Зиссерман успел крикнуть своим: «бегите!», а сам открыл по немцам стрельбу из автомата. Все это, конечно, берет только момент, секунды — один человек с автоматом против ста. Но все же можно было выиграть время, можно было этими секундами спасти своих людей. Грянули немецкие выстрелы, и Зиссерман упал изрешетенный пулями; как ножом, срезало ему черепную коробку. И мозг вылетел, упал рядом с его телом. Из кустов с горы, где попрятались товарищи, все отлично было видно. Немцы спешили, тело Зиссермана все же бросили в грузовик, увезли с собой.

Потом, когда все затихло, товарищи спустились. Мозг там лежал, и это было все, что осталось от Зиссермана. «Макизары» положили его в корзинку и вернулись в свое убежище. Местный столяр сделал ящичек-гроб, туда и положили останки. Через два дня карательный отряд ушел из Бонвилля, была передышка в боях, а вечером, в лесу хоронили мозг Зиссермана с отданием воинских почестей. Там и есть его могила, его «место упокоения».

Прилагаю снимок памятника павших в городе Саллани (Sallanches), где мой брат числится под названием «Неизвестный» (L'Inconnu), так как он свою настоящую фамилию скрывал, а воевал под фамилией «Бельский».

Надеюсь, что эти данные удовлетворят вас. С уважением

Н. Зиссерман
Сидней, Австралия

От Редакциоиной комиссии:

Всматриваясь в список имен на мемориальной доске, мы обратили внимание на имя, которое в переводе с французской транскрипции на русский язык звучит «ХОХОЛ МИХАИЛ». Можно думать, что вместе с П. В. Зиссерманом, к которому относится слово «Неизвестный» в той же могиле были и останки еще одного нашего соотечественника.

ПЕТР ДОБРЫНИН

Абитуриент 21-го (последнего) выпуска I-го Х.Р.Р.У. в 1941 году.

Припоминая свои беседы с абитуриентом нашего училища Н. Авраменко об успехах, достигнутых в жизни некоторыми нашими соучениками в моей памяти встает имя Петра Добрынина. Его характер можно представить себе, как символический сгусток энергии, в котором успешно сочетались целеустремленный образовательный план, вовлеченность в полезные спортивные занятия и способность создавать дружественные отношения с окружающими. Комбинация этих трех характеристик оставалась в нем нерушимой даже в тревожное время 1941 года и нескольких последующих лет, когда почти для каждого русского жителя Харбина было не так то легко, не только заниматься своим планом, но и вообще-то остаться нетронутым различными капризами административных инстанций.

Петя Добрынин, во время пребывания в училище, отличался скромностью поведения и старанием приобрести знания. Эти основные качества школьника нисколько не противоречили его занятиям в спорте, где он опять-таки выделялся своей методичностью и тщательной тренировкой. В личной жизни — его скромность и постоянное удивительное спокойствие во всех случаях, были источником развития товарищеских отношений со всеми, с кем ему приходилось встречаться.

По окончании Реального училища, П. Д. погрузился в занятия и изучение медицинских наук, но не прерывал своей активности в спорте. В последнем он добился большого успеха, играя в сильнейших футбольных командах Харбина в различные периоды до 1950 года.

Серьезные занятия в области медицины привели к благоприятным результатам — Петя, как один из выдающихся студентов Харбинских Медицинских Курсов — был избран в группу шести, наиболее способных студентов, и таким образом он оказался в Мукденском Медицинском Институте.

Звание доктора было заслуженной для него наградой.

Доктор П. Добрынин возвратился в Харбин, практиковал в больницах и специализировался по детским болезням.

По окончании войны и после нескольких лет работы в Харбинских больницах, д-р П.Д. уехал с волной русских в Советский Союз в 1955 г. Там он продолжал свою успешную деятельность на медицинском поприще. После нескольких лет работы в городе, где он обосновался, он получил производство на должно Главного Врача Детской Больницы. Несколько лет тому назад д-р П. Добрынин получил звание профессора, и в настоящее время он занимает в Медицинском Университете кафедру детских инфекционных болезней.

И. Иевлев

ВАСИЛИЙ Е. ДАНИЭЛЬ

В истории зарубежной жизни русских людей за последние 70 лет этого века происходили, происходят и будут происходить много интересных событий. Большая часть их, вероятно, канет в лету нераскрытой для потомков. Казалось бы, что в эпоху высоко развитых коммуникационных связей, несмотря ни на какие пространства, наше общение между собой могло бы быть очень действенным, как и современная технология. На самом деле, это очень часто не так. В форме жизни, выработавшейся у русских людей за рубежом, источниками и стимулами нашего общения является ни наука, ни технология, а... дружба, начавшаяся на школьной скамье.

И этот очерк оказался возможным только в силу такой школьной дружбы.

В стенах нашего Реального Училища, как, наверное, и в других училищах это бывает; абитуриентка 10-го выпуска Нина Борисова, дружила со многими соучениками и соученицами. Среди них был и Володя Пасечников. И также, как и во многих других местах рассеяния русских людей, все они расставались, уезжая в разные концы мира. В. Пасечников уехал получить высшее образование в Бельгию. Нина Борисова, ставшая женой Васи Церцвадзе, оказалась в Австралии. Но Володя Пасечников переписывался со многими своими соучениками по Реальному училищу, и в том числе и с Ниной Церцвадзе. Прошли годы учения, работы, второй мировой войны — но многие реалисты не теряли друг друга. И вот Володя Пасечников сообщил однажды, уже после войны, об успехах Василия Даниэля в Бельгии. Атомиум — апогей деятельности В. Даниэля был создан в 1958 году. Нина Церцвадзе узнала об этом в 1984 году, из письма Володи Пасечникова, датированного 22 фев. 1984 г.

Вот это письмо: —

Порто, 22 — 2 — 1984

Дорогая Ниночка,

Получил твое письмо с двумя стихами твоего творчества. Искренне благодарю. Был очень доволен констатировать, что моя бесхитростная проза пришлась тебе по вкусу. Наша переписка никоим образом не встречает оппозиции со стороны моей супруги. Она — человек культурный, без мелко-буржуазных замашек, и без всяких вертикальных заскоков, которые могли бы отрицательно реагировать на этот факт. Вижу, что ты, для того чтобы рассеять сумрак повседневности, нашла хороший выход — увлечение поэзией. Это у тебя появилось с годами пережитого или уже давно была такая «слабость»?? Откровенно говоря, мне трудно дать тебе тот или иной отзыв... У меня поэтический подклад менее чем мал. Мне кажется, что с тех пор, как наша дорогая Екатерина Павловна

Пожарская заставляла нас зубрить на память поэмы Пушкина — я никогда больше к стихам не подбирался.

Это не отсутствие культуры, но, прости, скорее иная тенденция.

Могу сказать, во всяком случае, что стихи читаются с удовольствием и имеют глубокий смысл с печальным оттенком. Думаю, что стоит продолжать, как для собственного удовлетворения, так и для людей, которые могут оценить их. Нужно показать, что наши реалисты способны ко всякого рода творчеству. Говоря об этом, приведу пример того, к чему реалисты способны. (Ты, может быть, это знаешь, но я напишу, как если бы ты ничего не знала.) В правом углу этой страницы я сделал фото-копию Атомиума.

Это — монумент, символизирующий технологический прогресс, и был спроектирован, рассчитан и построен к интернациональной выставке в Брюсселе в 1958 году нашим соучеником реалистом-инженером ВАСИЛИЕМ ДАНИЭЛЬ.

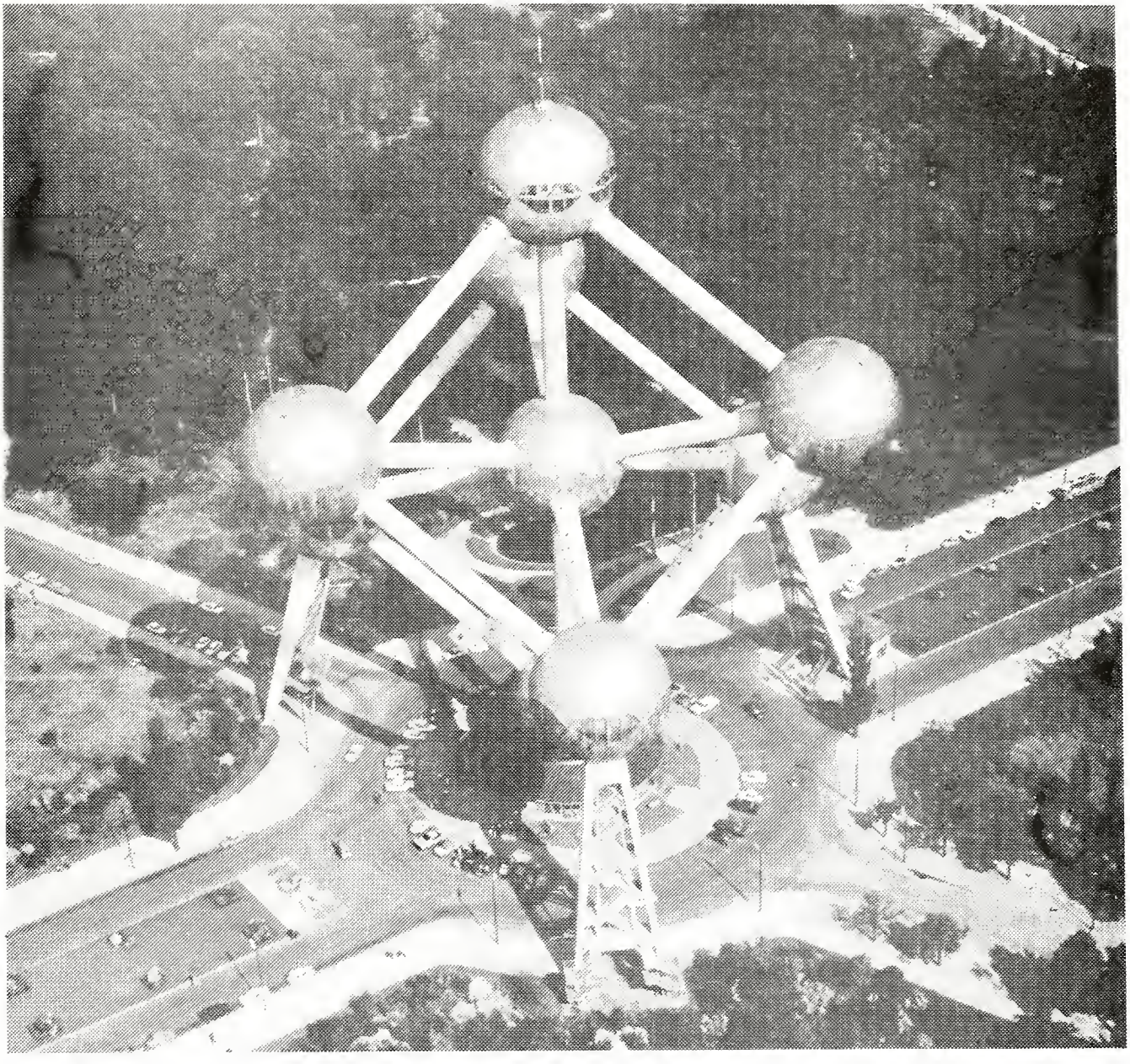
Вася был двумя годами старше нас. У него был брат Андрей, одним классом младше нас. Я хорошо знал Васю в Льеже. Был замечательно способный инженер. Он уже умер.

Атомиум должен был быть разобран после выставки, но успех у него был такой, что решено было его сохранить для будущих поколений. Он сейчас представляет собой один из символов бельгийской столицы. Когда прилетаешь на авионе в Брюссель, огромные шары Атомиума издали блестят на солнце — настоящее зрелище. В верхней сфере существует люкционный ресторан, к которому ведут лифт и эскалаторы. Я имел счастье там обедать с моей женой и друзьями. Впечатление — исключительное, с видом на всю столицу и окрестности.

Ну вот, пока все. Привет от супруги. Крепко целую. Владимир.

К письму приложена краткая справка-характеристика Атомиума:

Металлическая конструкция (из стали), представля-



ющая кристалл элемента железа, увеличенный в 150 миллиардов раз. Высота — 102 метра. Девять шаров, каждый в 18 метров диаметром. Вес — 2.200 тонн.

Перепечатка письма Володи Пасечникова не потребовала много времени. Но появилось странное чувство — отсутствие полноты. Чего-то не хватало. После непродолжительных размышлений появились очертания второго акта этого очерка...

Визит в генеральное консульство Бельгии, в Вулара (восточный пригород Сиднея). Беседу с нами ведет представительница ген. консульства. Молодая женщина внимательно слушает объяснение причин нашего визита. И когда мы даем ей посмотреть фото-копию Атомиума, присланную, Нине Церцвадзе, Володей Пасечниковым — на ее лице появляется приятная улыбка, и она с чувством приятного удовлетворения, произносит: —

— Это же Атомиум! Я была там... на самом верху.. в ресторане..

Наша собеседница затем вышла и вскоре вернулась. В ее руках была большая официальная фотография Атомиума. Она дает снимок нам. Снимок замечательный, с аэроплана. Атомиум доминирует над городом, видны многочисленные здания и улицы. И наше впечатление, полученное сначала от схематической фотокопии, присланной в Сидней в 1984 году — оживает. Официальный снимок показывает, что Атомиум находится в центре жизни бельгийской столицы.

На обратной стороне официального снимка на пяти языках приложены тексты, дающие краткое описание роли Атомиума в Брюсселе.

Содержание английского текста, который для нас более доступен, чем французский, немецкий, испанский, и голландский, сообщает:

«Провинция Брабант. Брюссель, столица страны, местопребывание главы государства и Парламента, вместе с остальными муниципалитетами, составляют собой город с населением более одного миллиона человек. Этот город — центр политической, экономической и культурной жизни страны, превратился в центр западной Европы. В добавление к Европейскому Общественному Сотрудничеству, Брюссель является также центром многочисленных международных организаций. На нашей фотографии: АТОМИУМ, эмблема Международной Технологической Выставки 1958 года, остается одной из красивейших достопримечательностей столицы Бельгии.

В дальнейшей части беседы представительница ген. консульства Бельгии в Сиднее, попыталась, пригласив для этого свою сотрудницу, найти в своих архивах какие-нибудь следы документации, ведущии к имени нашего абитуриента Василия Даниэля, как одного из участников создания Атомиума. К сожалению, как сказала она нам, таковых текстов в местном архиве — не имеется.

— Но, понимая вашу цель, я напишу в наш центр, в Брюсселе, и попрошу прислать оттуда материал, который поможет вам иметь полную картину.

На том мы и расстались, приняв во внимание, что такой материал желательно получить для нашего второго выпуска «Сборника» хотя бы в предстоящем июле.

И теперь будем ждать третий акт. Надеемся, что наши планы оправдаются...

Ожидавшиеся из Брюсселя сведения о Даниэле к моменту печатания нашего Сборника, к сожалению, еще не были получены.

Редакционная Комиссия

КОНЦЕРТ ЛИТФОНДА

15 февраля в большом зале при Свято-Скорбященском соборе состоялся очередной благотворительный концерт Санфранцисского отделения Литфонда. Как мы знаем, все концерты этой гуманной организации сделались популярными, и наша колония их дружно поддерживает. И на этот раз на концерт собралось так много народа, что все места в зале были заполнены задолго до начала программы. В связи с исполнившимся 150-летием со дня кончины великого русского поэта А. С. Пушкина, большой портрет которого стоял на сцене, по окончании церковной службы Архиепископ Антоний посетил концерт до начала программы, благословил и обратился к собравшимся почтить память поэта и пропеть ему «Вечная память». Владыка пожертвовал фонду 100 долларов, но не мог остаться на концерт. После этого постоянный конферансье В. А. Грейц представил собравшимся председателя Литфонда Ю. М. Николаева, выступившего с речью, имевшую смысл своего рода декларации Литфонда.

Программа концерта состояла из двух отделений, в которых выступили наши любимые артисты (по алфавиту): Г. Бадасов, Я. Будзинский, Т. Гранитова, А. Доран, В. Лысенко, В. Мартыненко, З. Свазлиян и М. Харакоская. У рояля К. Галушенко, С. Горжевская и Г. Мартыненко. Все наши артисты и их аккомпаниаторы заслужили дружные овации аудитории. Надо отметить отзывчивость всех участников программы за их безвозмездные выступления во всех концертах Литфонда. Отзывчивость и самой публики необходимо также оценить и отметить. Собираться гости стали с 12 часов, и до 2-х часов (начало программы) они отдавали должное чашке чая со всеми полагающимися дополнениями. Буфет работал успешно, конкурируя с киоском прохладительных напитков. Большая лотерея разошлась почти вся до программы. Резюмируя результаты, можно сказать, что «концерт-чашка чая» прошел весьма успешно, как в эстетическом, так и в материальном отношениях. Правление Литфонда сердечно благодарит всех лиц, принявших участие в программе, добровольцев, обслуживавших кассу, буфет, киоск и лотерею, и всех добрых русских людей, посетивших концерт.

А. С. Л.

О НАШЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ

Председателем нашего Объединения Реалистов в настоящее время, как известно, является Александр Аврамиевич Логунов. В связи с трудными условиями общественной жизни заграницей и в особенности, с трудностями выпуска какого-либо печатного издания, мне хотелось бы сказать несколько слов об этом настоящем реалисте, приложившим много усилий и энергии для успешной работы нашего Объединения и выпуска «Сборника Памяти I-го Х.Р.Р.У.».

Александр Авраамиевич родился, как и большинство нас всех, в г. Харбине, где учился и окончил наше Реальное Училище в 14-ом выпуске, в 1934 году. (См. стр. 55 I-го номера Сборника). Из этого выпуска в г. Сиднее, как мне известно, проживает только К. Д. Пасечников. После окончания Реального Училища А. А. пошел учиться в Харбинский Политехнический Институт, который успешно окончил со званием инженера-электрика.

Еще будучи учеником старших классов Реального Училища А. А. принимал большое участие в работе спортивной организации «Витязь» при Р. Училище. Будучи любимцем Валентина Васильевича Пономарева и Александра Петровича Пешкова А. А. успешно организовывал различные спортивные состязания организации «Витязь» на спортивной площадке около «Деда-Винодела» на Зотовской протоке за рекой Сунгари. В этих состязаниях, главным образом в волейбольных и городках, принимало участие большое количество русских команд города и разыгрывался чемпионат г. Харбина, с выдачей ценных призов командам победителям.

В зимнее время в Училище по вечерам работали различные кружки молодежной самодеятельности: шахматный, радио, литературный, спортивный (пинг-понг и аппаратная гимнастика), струнный оркестр и т.п., в которых молодежь училась и совершенствовалась в различных областях науки и искусства. Одновременно с этим устраивались очень популярные танцевальные вечера молодежи с программой, в которой принимала участие сама молодежь.

Во всей этой работе большое участие принимал Александр Авраамиевич, который всегда что-то организовывал, имея полную поддержку и помощь со стороны Валентина Васильевича Пономарева, который всегда выступал со своими знаменитыми, задушевными патриотическими речами на всех торжествах этой организации молодежи «Витязь».

Позднее, по окончании реального Училища А. А. организовал, успешно работавший тогда, Союз Окончивших Реальное Училище будучи его председателем до самого закрытия Реального Училища.

В 1983 году первый председатель Объединения Реалистов I-го Х.Р.Р.У. в Австралии, Виктор Николаевич Ерофеев вышел по болезни из состава правления и председателем был выбран А. А., который и является председателем нашего Объединения и по настоящее время.

А. А. Логунов

Александр Авраамиевич, неутомимый общественный работник. Помимо нашего Объединения он также является председателем Объединения Инженеров окончивших Харбинский Политехнический Институт, где также проявляет свою инициативу и активность в расширении и процветании этой большой авторитетной Русской Организации, пользуясь также всеобщим уважением и любовью.

Трудится также А. А., часто даже не по силам в нашем Русском Клубе. Нет почти того дня, что-бы А. А. не был там, остро переживая за все недостатки и недоразумения в Русском Клубе и искренне радуется его успехам. А. А. трудится там, где есть Русское Дело, помогая всем не только морально и физически, но часто и материально.

Пожелаем многоуважаемому Александру Авраамиевичу и в будущем также благотворно трудиться на Русской Ниве еще многие, многие годы.

А. Д. Иванцов
Абитуриент Реального Училища
12-го выпуска 1932 года.

РУССКИЙ КЛУБ
3 Albert Rd.
STRATHFIELD

Объединение реалистов
Долг и Мужество

В СУББОТУ, 11 МАЯ
1985 г.

отмечая 5-тилетний юбилей основания, устраивает
ВЕЧЕР–КАБАРЕ
с интересной программой

Вход: 20 долл. с персоны
включая ОБИЛЬНЫЙ УЖИН
Начало в 8 ч. веч.

Танцы под известный квартет Mickey Kaye

Безвозмездно выступавший квартет на Вечере-Кабаре: слева направо: Женя Гломб, Серж Ермол, Женя Остромецкий и Мики Кэй (Митя Киреевский)

На празднике «Николина Дня» в Русском Клубе — декабрь месяц 1985 г.

ОТЗЫВЫ О «СБОРНИКЕ» №1

Шура Логунов подарил нам Сборник Первого Харбинского Русского Реального Училища. Сборник — прекрасно издан, и по объему и по содержанию, полон знакомых и дорогих имен, дружба с которыми сохранилась и до сегодняшнего дня.

Живя в разных городах, приходилось, конечно, менять школу, и таким образом, когда наша семья приехала в Харбин, то я оказался, хотя и не надолго, учеником I.Х.Р.Р.У.. несмотря на скромную обстановку этого училища, оно как-то сразу, завоевало мое сердце. Думаю, что началось это с общей молитвы перед учением, которая происходила в зале. Кроме основной молитвы перед учением ученический хор прекрасных голосов пел тропарь Николаю Угоднику, «Символ веры и образ кротости»... Слова эти остались со мной на всю жизнь. «После молитвы все учащиеся проходили, здороваясь с директором Николаем Павловичем Покровским. Он был замечательный человек и выдающийся педагог.

Оглядываясь назад, можно без преувеличения сказать, что состав преподавателей был на очень высоком уровне. Сулоцкий — учитель математики — выдающийся педагог, который, как бы предвидел грядущий век компьютеров, и потому старался вложить в нас понимание этого захватывающего предмета математики. Иван Самсонович, я уже забыл его фамилию, преподавал естественные науки, а также — географию России. Он развернул перед нами всю необъятность и прелесть нашей родины. Трудно не упомянуть Анну Сергеевну Петрову, которая вложила в нас любовь к нашей народной словесности. Не могу обойти молчанием преподавателя английского языка — Троицкого. Поступив в училище, я довольно бегло говорил по-английски при полном незнании грамматики. На удивление всего класса, мы иногда имели короткие диалоги по английски и он широкодушно прощал мои грамматические промахи. Кстати, говоря об английской грамматике, я в ней и сейчас не особенно силен, несмотря на то, что как инженеру мне пришлось всю жизнь работать на английском языке.

По независящим от меня обстоятельствам, мое пребывание в Реальном училище было кратковремеиным, но я унес память об этом училище на многие годы и вот теперь, читая сборник мне кажется, что издание таких журналов — это отрадное явление, это училище продолжает держать нас в единении и дружбе.

А. Филадельфов

Журнал «Сборник памяти I-го Харб. Русск. Реального Училища».

Это хорошее и полезное издание русских людей приехавших из Харбина, Китая, и проживающих в Австралии.

Журнал, это воспоминание прошлого, и радостного и грустного, прекрасный памятник о нашей жизни в Харбине.

Поздравляю правление и редакционную комиссию с выпуском «Сборника», и искренне желаю дальнейшего процветания.

М. Белов

Сборник IXPPУ — даиь реалистов своему училищу, благодарная память о педагогах, наставниках, соучениках. В сборнике помещены описания училища, его жизнь, создание, деятельность, мероприятия. Даны сведения об учебной программе, о проходимых предметах, статистические данные о членах Правления и Педагогического Совета училища, о соучениках.

В сборнике много фотографий, и это представляет большой интерес. Мы видим на фотографиях учителей, учеников, классы, спортивные занятия, духовой оркестр, снимки групповые и индивидуальиые. Особую ценность для абитуриентов IXPPУ имеют виньетки семнадцати выпусков. Пусть не все фотографии ясные и четкие, но они дают картину того, что было, и для окончивших училище это добрая память сердца. Списки окончивших, за все годы существования IXPPУ, тоже дают ценные сведения, и даже у не учившихся в училище вызывают интерес — а вот этого юношу я знал, а вот эту ученицу я встречал!

Для живших в Харбине всякое воспоминание о нем дорого. Дорого все, что касается нашей жизни там — и низкое уютное здание Реального Училища, и Таможенная улица, и знакомые лица уважаемых законоучителей и педагогов, которые преподавали и в других харбинских гимназиях и школах, и знакомые лица друзей. Сборник заставляет вспомнить с теплой благодарностью нашу жизнь в Харбине, его русский уклад жизни, особую атмосферу неповторимого города.

Те, кто выпустили сборник IXPPУ проделали огромную работу. Ведь, нужно было собрать материал, достать фотографии, отредактировать, потратить немалые деньги на издание. Взявшие на себя этот труд заслуживают глубокой благодарности.

Сборник нам говорит о том, что Объединение Реалистов IXPPУ в Сиднее, не забывает своего училища и из этого черпает энергию и силы для своей теперешней деятельиости. Приветствуем Сборник, и желаем дальейших успехов как в выпуске следующего номера, так и в своей деятельности вообще.

Ольга Коренева

Случилось неизбежное... вышел в свет «Сборник памяти I-го Харбинского Русского Реального Училища».

Неизбежное... так как, объединенная связями общего прошлого, группа талантливых людей, получивших образование в одной из качественно лучших школ родного нам Харбина, не смогла бы остаться в наш «Век взрыва информации» без органа связи, который поддерживал бы память прошлого и, я надеюсь, также регулярное сношение друг с другом. Этим абитуриенты IXPPУ обогатили не только себя, но и нас — всех русских заграницей. Да и не только русских, так как заметно растет международный интерес к нам русским — дальневосточникам. Даже я, в своей недавней, случайной и не по призванию, деятельности в области литературы, и то уже столкнулся с запросами от таких заслуженных образовательных центров, как Лейденский Университет, где сейчас работают над «Научным проэктом реконструкции истории русской дальневосточной литературы», и от

Австралийской и Новозеландской Ассоциации по изучению славянских языков. Эти запросы были связаны с историей русской дальневосточной литературы.

В «архивах» С.О. Гимназию ХСМЛ приводится история возникновения Союзов Окончивших в Харбине. Первый С.О. был создан абитуриентами гимназии ХСМЛ в 1929 году по инициативе и под руководством Тараса Петровича Гордеева, преподавателя гимназии ХСМЛ, а также вашего Реального Училища. За этим почином вскоре последовали образования других Союзов Окончивших. И дальше...

«...и был момент, когда пять таких союзов объединились в ОБЩИЙ СОЮЗ ОКОНЧИВШИХ СРЕДНИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ГОРОДА ХАРБИНА! .... только война 1941 года заставила прекратить начатое. Душой и вдохновителем и самой почетной фигурой абитуринтческого Харбина был наш (и ваш) Тарас Петрович».

Я привожу эти строки для иллюстрации всегда занимающей меня мысли, что зерно дружбы не должно быть полностью изолированным и этим самым обреченным на погибель одиночества. Ему должна быть предоставлена свобода входа в эволюционное образование общего поля дружбы.

Мне хочется, чтобы наши союзы в своем рассеянии вкладывали свои зернышки в развитие этого общего поля дружбы. Наши журналы должны отражать для любого читателя ЦЕННОСТЬ ДРУЖБЫ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Когда мы уйдем, журналы останутся. Привожу выдержку из письма к нам издательницы одного из русских журналов в Австралии:

«...Шлю свое большое спасибо всем, кто потрудился над выпуском Листовки. Думаю, даже уверена, что все, вместе собранные, они когда нибудь послужат ценным материалом для тех, кто серьезно начнет писать историю русских людей, так долго проживших в Харбине...»

Пусть эта история русских харбинцев в наших журналах дышит — в отношении к дрнг другу и другим — призывом к дружбе, а не к конкуренциии и изоляции.

Пока все мною написанное является, главным образом, замечаниями общего характера. Приступая к разбору качества вашего журнала, я не чувствую себя достаточно эрудированным, чтобы пускаться в серьезную критику литературных достоинств отдельных статей. Для меня каждая статья в дружеском журнале ценна, как сообщение от друга и (занимая философию из другой области) может быть только — или хорошей, или очень хорошей, или, как Толя Панченко оценивает ваш духовой оркестр — Восторг! На мой «вкус» «восторгов» в вашем журнале достаточно и дать советы могу лишь в мелочах, без всякой претензии на безошибочность моих замечаний.

1. Недостаточно высокое качество многих фотографий. Ссылки на давность карточек не всегда справедливы. Надо обратить внимание на работу типографии.
2. Почти полное отсутствие указания имен снятых мучеников. Ведь мы очень изменились с гимназического времени и какое удовольствие быть увереным в том, кто там снят. Если есть сомнения у самой редакции, то желательно указать хотя бы тех, в ком нет сомнения и попросить читателей помочь в опознании других.
3. Не упускать возможности применения фотографий для усиления динамики в тексте, а не помещать их вместе на отдельных страницах. Например, хорошо было бы после заявления Толи Панченко «Восторг!» поместить карточку «Оркестр на параде» с барабанщиками впереди, помещениую на странице 19.
4. Для удобства читателей — иметь оглавление.
5. Хотя первый номер вашего журнала правильно посвящен, главным образом, цели поддержки памяти ушедшего прошлого, все же хотелось, чтобы в будущих номерах сильнее прощупывался пульс живого, настоящего.

Чувствуя ваш успех, как свой успех, я искренне поздравляю вас с выпуском Сборника. Интересный и ценный журнал. С такими корреспондентами, как Панченко, Гордеев и Ерофеев успех ваш обеспечен.

С дружеским приветом —

М. Ястребов

РУССКИЕ СРЕДНИЕ ШКОЛЫ В ХАРБИНЕ

История русской эмиграции, после революции 1917 года, еще никем и нигде, не написана. По различным причинам, но главным образом по географическим, русские люди, вышедшие из России, расселились в Китае, Франции и Югославии, и в меньшей степени, в остальных странах мира на всех материках. На три с лишним, десятилетия, русские люди прибывшие в Китай, оказались в сравнительно лучших условиях, чем в какой бы то ни было другой стране. Мы не будем вдаваться во все аспекты новых условий, и нас привлекает только образовательная программа для русской молодежи. И в этом отношении в Китае, и особенно в Маньчжурии, русские люди получили право иметь свои школы — низшие, средние и высшие, в которых преподавания велось на русском языке. Другие языки, как китайский, английский, фанцузский и т.д. также преподавались в наших школах, и это обстоятельство предоставляло возможность русским девушкам и юношам, отправляться заграницу для получения высшего образования, чем русская молодежь и пользовалась, особенно, при наличии материальных возможностей.

Предлагаемый ниже обзор деятельности русских школ, подчиненных в административном отношении Департаменту Народного Просвезения — китайской администрации в Харбине. Для успешного решения административных проблем, ДНП пригласил, на высокое положение помощника директора этого учреждения, известного, русского авторитетного представителя — Владимира Михайловича Анастасьева, деятельность которого в деле развития русских школ была исключительно полезной, и он пользовался большим уважением всех русских людей Маньчжурии и Харбина, и его имя было известно каждому ученику всех учебных завведений. Мы, воспитанники харбинских училищ, отдавая должное всем директорам и педагогам своих школ, в не-

меньшей степени, должны не забывать и имени В. М. Анастасьева. Дальнейшее содержание этого, далеко не полного, обзора русских школ в Харбине и на линии КВжд, показывает, что всем, необходимо помнить, что за успехами русских школ, в этой гостеприимно принявшей нас стране, были — светлая голова и горячее сердце В. М. Анастасьева.

А теперь, перейдем, к теме статьи, начиная статистикой, базирующейся на данные 1930 и 1931 годов.

1930-ый год. В Харбине и на линии КВжд функционируют 74 учебных заведения. Из них — в самом Харбине — 48. На участковых станциях от ст. Маньчжурии до Пограничной и от Харбина до Чанчуня — 26 плюс 5. Пять заведений были на некоторых участковых станциях с большим населением, где была необходимость создавать дошколные детские организации и подготовительные школы.

Общее число учащихся на первое полугодие 1930 года, определялось в 17.583 человека, причем, лиц мужского пола было 9.380 и женского — 8.203. Эта статистика не включает в себя несколько тысяч учеников, занимавшихся в специальных школах — бухгалтерские курсы, школы машинописи, иностранных языков, столярно-слесарные курсы и т.д. Таким образом, общее число молодежи, учившейся в школах, и занимавшихся на профессиональных курсах, выражалось примерно в 25.000 человек. Принимая во внимание, что общее число русских эмигрантов в полосе отчуждения выражалось немногим более 100.000 — можно видеть, что 25% населения были на учебе.

Далее, статистика 1930 года, которую можно принять, как руководящую, для сравнения, с другими годами, как показывает, предпринятое газетой «Рупор», обследование, в Харбине были 145 частных и 134 казенных начальных школ, с общим числом учащихся в них — 3.080 человек.

Интересная подробность этого обследования: самая маленькая из этих школ была школа мусульманской общины в Харбине. В ней насчитывалось тогда только шесть детей, а самая крупная была Высшее начальное училище на Пристани, в котором занимались 524 ученика.

Средне-учебных заведений в Маньчжурии были всего 21: 15 средних школ в Харбине и шесть — на линии КВжд. Общее число учащихся в них было 4.549 человек. Самое небольшое число учащихся в них, было 68 человек, в гимназии Адвенистов, и самая крупная, по числу учащихся, была гимназия на ст. Маньчжурия — 689 учеников.

Из городских средних школ (Харбин), наиболее многолюдными были гимназии им. Достоевского и Оксаковой.

Харбин имел четыре высших учебных заведения: Педагогический институт, Политехнический Институт, Юридический факультет и Институт Ориентальных и Коммерческих наук. Общее число студентов, высших учебных заведений, определялось в тот год в 900 человек.

Кроме вышеперечисленных цифр, в Харбине и на линии дороги, числились в тот год 22 школы, для детей советских граждан, с общим числом учащихся в них в 9.000 человек. Обучение в этих школах проводилось по программе, принятой в Сов. Союзе, что было введено в силу пакта, между Китаем и СССР в 1925 году, когда Китай признал СССР.

В настоящем очерке, мы не собираемся приводить хронологические данные возникновения и развития различных средне-учебных заведений Харбина, а также не будем касаться и начальных школ и высших учебных заведений. Мы останавливаем свое внимание на средне-учебных заведениях.

Одной из ранних гимназий было гимназии ХСМЛ, образовательная деятельность в которой, проводилась параллельно с деятельностью различных курсов при ней. Среди таких курсов были: курсы машинописи, корреспонденции, стенографии, авто-техническая школа, выпускавшая шоффер-механиков, музыкальная студия. В 1930 году число учащихся, в гимназии и на курсах превышало 600 человек, среди которых, было немало и пожилых людей, занимавшихся на деловых курсах. Как сообщает обследование, проведенное газетой «Рупор», гимназия ХСМЛ обращала самое серьезное внимание на воспитание воли и характера учащихся, на развитие самодеятельности и физическое развитие, изучение английского языка и приобретение практических и трудовых навыков. Руководители гимназии пользовались новейшими, по тому времени, методами педагогики. В преподавании таких предметов, как история, география природоведение, физика, — гимназия применяла пользование кинематографическими достижениями. Гимназия имела свою библиотеку в 15.000 томов.

Все учебные заведения ХСМЛ находились под управлением Делового Комитета Христианского Союза, и директором их, был Х. Л. Хейг, являвшийся старшим секретарем Комитета. Х.-Л. Хейг имел степень магистра по психологии.

Старейшим средним учебным заведением в Харбине была гимназия М. А. Оксаковой, отмечавшая в 1930 году 25-тилетие своего существования,

Первоначально помещавшаяся в скромном деревянном здании, гимназия в 1910 году перешла в собственный дом на Вокзальном проспекте. Позднее, гимназия перешла в прекрасный, арендованный, дом по Цицикарской улице. За время своего существования гимназия выпустила более 1.500 абитуриентов. В гимназии обращалось особое внимание на преподавание иностранных языков, среди которых наиболее необходимыми были английский, французский и китайский.

При гимназии функционировал десткий сад, в который принимались дети пятилетнего возраста.

Большое внимание обращалось на занятия в параллельных классах гимназии, для прохождения ускоренного курса программы. Если, вначале своей деятельности, гимназия М. А. Оксаковской была женской гимназией, то с 1925 года, при ней начало действовать и мужское реальное училище, первым директором которого был, известный в Харбине педагог, С. Г. Ильинский. Гимназия функционировала в утренние часы, с 2-х часов дня, действовали классы для учениц, не подходивших по возрасту для стандартной школы, но которые могли осилить прохождение годового курса в шестимесячный срок. В вечерних классах, для взрослых лиц, обоего пола, занятии проходили с 6 до 10 часов вечера. Здесь взрослые люди, не имевшие среднего образования, могли по лекционной системе приобрести необходимые знания для сдачи зачетов. Департамент Народного Просвещения выдавал таким лицам дипломы. Заведовал этими курсами Г. И. Кручинин. И наконец, при гимназии были и бухгалтерские курсы, организованные С. Г. Ильинским в 1918 году, и работа этих

курсов была под контролем ДНП. Предметами преподавания на этих курсах были — бухгалтерия, коммерческая арифметика, торговое право и коммерческая корреспонденция, и каллиграфия. Курсами заведовал Д. Г. Кезин.

Реальное училище «Гуан Хуа»

В 1928 году дети китайских граждан, русской национальности, были уволены из железнодорожных школ, и оказались лишенными возможности продолжать среднее образование. Но...!

В результате энергичных действий китайского профессионального союза мастеровых, служащих и рабочих КВжд, Департамент Народного Просвещения разрешил 3-го ноября 1928 года создать это Училище в шесть основных и трех подготовительных классов. Новое училище обосновалось в здании, первой городской начальной школы, на углу Торговой и Полевой улиц на Пристани. Первым директором его был назначен Н. А. Стрелков. В феврале следующего года, он перешел на должность заведующего пятым начальным училищем, а новым директором реального училища «Гуан Хуа» был избран инж. В. А. Ковалевский. После его смерти, в следующем году, директором стал, известный в Харбине, педагог городских школ А. П. Мичурин. В мае 1929 года училище получило разрешение от ДНП принимать также детей русских эмигрантов. В 1930 году в училище были свыше 100 учеников, 80% которых были дети, китайских граждан, русской национальности. Особенностью училища было, усиленное преподавание китайского языка, который, в разговорной форме, был введен в качестве обязательного предмета, начиная с младшего приготовительного класса. В училище был прекрасный физический кабинет, а силами учащихся был создан струнный оркестр.

И вот, что газета «Рупор» сообщает от истории нашего I-го Русского Реального Училища: —

I-ое Русское реальное Училище

Училище было открыто в декабре 1916 г. Осенью 1917 года начались занятия в приготовительном и в трех основных классах при 57 учащихся.

В 1925 году во главе училища встали представители местной общественности и промышленности. С января 1919 года в распоряжение Реального Училища было передано помещение на Таможенной улице. С осени 1920 года училище функционирует в составе всех семи классов и двух подготовительных.

Первый выпуск окончивших Реальное Училище весной 1921 года был всего в 14 человек.

Весной 1930 года был 10-ый выпуск в количестве 32 человек, и с ним количество окончивших молодых людей обоего пола достигло 279 человек.

Значительноле число абитуриентов Училища успешно продолжало занятия в высших учебных заведениях Америки, Австралии, Канады, Бельгии, Германии, Чехословакии и др. государствах. Особенно значительная группа реалистов была в Бельгии.

В семье реалистов уже были закончившие местный Политехнический Институт и Педагогический факультет.

Задачи национального воспитания нашли отражение во всей жизни Училища. ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ВПЕРВЫЕ В ХАРБИНЕ ПРАЗДНОВАЛСЯ РЕАЛЬНЫМ УЧИЛИЩЕМ.

Учебный день начинался общей молитвой и протекал под беспрерывным наблюдением наставников. Установлен общий медицинский и зубоврачебный надзор и лечение.

Девиз Училища «Долг и Мужество» продолжает связывать семью абитуриентов в Харбине и др. местах их пребывания. В Харбине: ежегодно, абитуриенты устраивают бал, доходы с которого идут на поддержку Училища.

До марта 1918 года училище было учебным заведением, принадлежащим г-же Твардовской. С переходом училища к педагогам, родителям и обществу, природа Училища изменилась.

Особую оценку Реальное Училище нашло в администрации КВжд, а в ознаменование юбилея жел. дороги и полезной деятельности Училища, Совет Управления ж.д. постановил, предоставить Училищу участок, со всеми находившимися на нем постройками безвозмездно, в долгосрочную аренду.

На училищном акте в июне 1927 г. главноначальствующий города Ли Шао-ген отметил высокую и полезную деятельность Училища в самых теплых выражениях.

Заметка заканчивается сообщением, о разработке проф. Федоровским плана о новом здании. (Мы теперь можем заметить, что последовавшие вскоре, события не дали этим планам возможности свершиться).

8-го февраля 1931 года, газета «Восток» дает обзор школ Харбина. Это время уже было началом периода деятельности новой администрации в Маньчжурии. На первом месте обзора школ стоит:

Первое Харбинское Общественное Коммерческое Училище

Училище, помещавшееся в здании Коммерческого собрания на Пристани, имело два отделения: Реальное и Коммерческое. Во главе Училища возникшего в 1920 году, находился А. В. Барташов. Естественная история, физика, химия, качественный анализ — являются центром образовательной программы. Физическое воспитание не на высоте из-за недостатка места, и учащиеся школы участвуют в спортивной жизни вне стен училища. Орфография русского языка подвергается влиянию новых реформ. Дневники учащихся становятся литературными дневниками и являются большим подспорьем для выяснения интересов, вкусов и развития учащихся. Для примера: за первое полугодие, в четвертом классе, были написаны сочинения не менее, чем на 500 тем. Вводится практика анкет литературного характера, помогающих и преподавателям и учащимся разбираться в том, насколько правильно понято то или другое литературное произведение.

Для литературного чтения вводится список для обязательного знакомства: Толстой, Достоевский, Салтыков, Лесков, Гоголь, Шолом Алейхем, Минцлов, Чириков, Всев. Соловьев, Данте, Мольер, Сенкевич, Байрон, Дюма, Мельников-Печерский, Лермонтов, Пушкин, Тургенев, Сервантес, Диккинс, Кервуд.

В Училище работают секции: историческая, литературная, музыкальная, любителей радио и фото. Поощряются доклады, и отмечены газетой, как высококачественные, доклады: С. Е. Еварестов — «Вечное в русской классической литературе», Ярутский-Эруга — «Прошлое и настоящее русского театра», Рутштейн — «Историко-литературный обзор вопроса о русской интеллигенции» и мн. др.

В Училище создан свой струнный оркестр, участники радио-секции создали свой радио-приемник.

Преподавательницы Т. В. Калугина и Т. З. Буяновская читали доклад о посещении ими японского коммерческого училища в Чанчуне.

В 1931 году в Училище было 390 учеников.

Административная структура Училища имела такие отделы: Правление во главе с Д. Н. Бодиско, Попечительный Совет во главе с председателем Я. Р. Кабалкиным, Родительский комитет — председатель А. И. Кауфман, Ревизионный комитет — председатель д-р Чурилин. Культурно-просветительная комиссия — председательница Елизавета Васильевна Миленко, и Хозяйственная комиссия — председательница А. М. Кейхлисс.

Первая русская частная гимназия

Эта гимназия образовалась в октябре 1928 года от слияния Новой Смешанной гимназии и гимназии имени М. В. Ломоносова. Первая из них была открыта в августе 1920 года инициативной группой педагогов-беженцев. Гимназия имени М. В. Ломоносова была открыта Союзом Беспартийных служащих КВжд в 1923 году. К 1930 году П.Р.Ч.Г. имела один приготовительный и семь основных классов. Начиная с пятого класса, образовательный курс этого училища делился на реальное и классическое отделения. В гимназии преподавались английский, китайский, латинский и немецкий языки. Большая фундаментальная и ученическая библиотеки была пожертвована училищу известным коммерсантом И. В. Кулаевым. При гимназии была домовая церковь во имя святителя Иннокентия. Многие из воспитанников этой гимназии отправлялись за границу для приобретения высшего образования.

Гимназия имени Достоевского

Газета «Восток» печатает материал об этой гимназии со специальным вступлением, содержание которого пропитано философией писателя, отражающей громадное значение русской национальной культуры. И вот это вступление:

«Сторонники новизны во всем и «во что бы то ни стало» нередко упрекают нашу эмигрантскую школу в том, что она продолжает жить в старых формах, больше преподает, чем изучает, гонится за формальными знаниями, заглушает индивидуальные стремления учащихся в ходе и приемах обучения и т.д.

Трудно сказать — чего больше в этих упреках: прямого ли заблуждения или простого незнания истинного порядка вещей. Во-первых, перепрыгивать нам из русской школы в американскую, или сильно американизированную, совершенно не за чем, да и невозможно без того, чтобы не растерять, что имеем, ибо русское есть русское только оно для нас хорошо, ценно и полезно, а американское есть американское, и, как нельзя лучше, годится для американцев.

Во-вторых не мешает знать кому следует, что наша школа, форма школьной работы и, особенно, школьной жизни и внутренних взаимоотношений сильно подновилась, сравнительно со школой довоенного времени.

Долго пришлось бы рассказывать о всем, по порядку — места не хватит — но возьмем, например, работу ученических кружков. Необходимый уровень знаний, по предметам школьной программы, должен быть достигнут всеми учащимися одинаково, в соответствии с силами и способностями каждого. Но кого интересует какой либо предмет, сверх программы, тот идет в соответствующий кружок, который работает под руководством преподавателей».

В гимназии им. Достоевского — несколько кружов, исторический, литературный, родиноведения, религиозно-просветительный и благотворительный.

Учащиеся пишут рефераты на темы по собственному выбору, зачитывают их, обсуждают и иллюстрируют.

Далее, в обзоре газеты, отмечаются такие рефераты: «Петербург, как исторический памятник» — ученицы VI класса Н. Утехиной, «Время императрицы Елизаветы Петровны» — ученика VII колласса В. Слободчикова. «Русский чудо-вождь А. В. Суворов» — уч-ка VII класса Н. Радина, «М.И. Глинка и его творчество» — уч-цы VI класса Осиповой, «С. Я. Надсон» уч-цы VIII кл. М. Чечеткиной.

Само собой разумеется, что юбилейные даты Достоевского и Лескова были отражены в специальных рефератах.

Несмотря на ограниченные средства, недостаток пособий и времени эта сверх-программа ведется широко и продуманно.

Стимулы в этой работе — знание и любовь родного русского искусства, родной истории, и жизни великих сынов русского народа.

Тут будет уместным привести, для сведения воспитанников и воспитанниц гимназии им. Достоевского, такой факт. В 1926 году, в Соед. Штатах Америки вышел большой труд по истории философии всего мира, из под пера американского доктора философии Уилл Дюрант, который в предисловии к своей книге, говоря о важнейших проблемах этой науки, ссылается на такие слова Мити Карамазова: — «Нам не нужны миллионы, но мы жаждем получить ответы на жгучие вопросы!» (Редкомиссия «Сборника»).

К приведенным выше сведениям о средних русских школах в Харбине, мы далее приводим один материал, приготовленный воспитанницей гимназии Генерезовой, который, как по своему содержанию, так и по форме передачи, был признан нашей комиссией, как заслуживающий большого внимания. Наша школьная жизнь в Харбине, когда мы читаем статья Нины Шуднат, поднимается в нашей памяти в полный рост, и мы с особым удовольствием возвращаемся к воспоминаниям этого незабываемого прошлого.

Редакционная Комиссия Сборника

О гимназии Генерезовой

«От редакционной комиссии» (стр. 2 и 3) упоминалось, что в этом, втором номере «Сборника», мы приняли решение дать место для воспитанников и воспитанниц других средних школ гор. Харбина. К этому разделу нашего журнала принадлежит статья о гимназии Генерезовой. И скажем прямо: — нам повезло! Статья написана Ниной Шуднат, многолетней резиденткой гор. Хобарт в Тасмании. Статья написана в замечательном оригинальном стиле, который легко читать, и несмотря на кажущуюся легкость, — отражает глубокие радостные и волнующие чувства русских девушек, прошедших в Харбине через женскую гимназию. Как учиться, какие знание приобретать, как этими знаниями пользоваться в предстоящей самостоятельной жизни — вот тот рационал, которого придерживается Нина Шуднат. Читатель, знакомясь с этой статьей, невольно вспомнит и свои собственные тоскливые и радужные моменты, которые сопровождали и его личные юные переживания, которые возникали в его душе, оставляли след на всю жизнь, и о которых далеко не бесплодно вспомнить через столько декад.

Несколько слов об авторе: Китай — Австралия — Хобарт, Первая профессия — машинистка в конторе. Не долгосрочная. Небольшая автомобильная авария, как говорит Н. Ш., превратилась в случайное обстоятельство, изменившее дальнейший образ жизни. Один палец оказался поврежден. Машинопись — прекращена. И вот тогда, вспомнив, что когда то в юности в Харбине, кое-кто из взрослых близких друзей, признал в ней талант к рисованию. Решение принято: Нина идет в художественно-педагогический колледж Хобарта, занимается с присущей ей настойчивостью и успешно выдерживает экзамены. Диплом. Право преподавать в средних школах предмет изобразительных искусств. И эта новая карьера приносит ей не только благодарность от своих учеников, но доставляет и большое моральное удовлетворение. Даже после того, как Н. Ш. должна выйти в отставку по возрасту — спрос на ее метод преподавания остается настолько настойчивым: что она занимается своей любимой профессией и до сих пор! И занята — полное время! И еще: Н. Ш. помогла очень многим русским приехать сюда.

А теперь — внимание к статье о гимназии Генерезовой.

x

x x

Нина Шуднат рассказывает: —

Этап I

«Во время оно», т.е. когда мне было 11 лет, я неожиданно превратилась в гимназистку гимназии Генерезовой на все последующие четыре года, без перерыва... Сразу переходим к делу, а даты опускаем. Они принадлежат истории (даже, пожалуй, древней).

Итак — Харбин. Воскресенье. Май. Три часа дня. Льет дождь. Дел — по горло. Надо закончить картину.

Бумага (тетрадь) на столе, на ней лиловые кружочки, чем больше, тем лучше. Вдохновение резко упирает язык в щеку и, даже, ногу в пол. Тут некоторые художественные препятствия: на нижней части картины нарисована ваза, бледно голубая, и на синей ножке. Следовательно кружочкам — шарикам ходу вниз — нет, а расстояние между верхним краем листа и вазой быстро уменьшается. Поскольку цель заключается в количестве кружочков, то они в размере уменьшаются. Внизу, по обе стороны вазы, около ножки — еще два кружочка, но эти — совсем большие и с красными боками. Под самой вазой, в центре, написаны стихи:

Грозди вишень, груш и яблок
Уж на ветках не висят...
Посмотрите-ка немножко —
Вот уж где они стоят!»

Пришлось попортить несколько листов бумаги, но Муза не приходила, и груша осталась невоспроизведенной. Недостаток надо было восполнить вишнями. А «смотреть немножко» предстояло дяде Васе, ко дню рождения которого эта картина и создавалась.

В этот памятный день и час дядя Вася и тетя Лида обсуждали два вопроса: о Нинином перепрыгивании через два класса и о семейных финансах для такой цели. Решительное предложение было внесено тетей Лидой и ею же санкционировано. Иначе и быть не могло, ибо противоречило бы опыту прошлого: сказано — сделано!

Пред-Этап моих школьных «скачков» свелся к месячному пребыванию в каком то доме, с палисадниками спереди и сзади. В переднем палисаднике были два дерева, а в другом — два с половиной, так как верхняя часть одного дерева была срублена, и лежала, засыхая на земле, Тут можно было прыгать и скакать, что было очень приятно.

Внутри дома было очень странно: столики, столики, столики, и большая доска. На доске были большие буквы, ну прямо с тарелку, и их надо было повторять, а затем находить их на кубиках и читать «мама» да «папа». Ну как для маленьких, так как я уже сама читала по картинкам, сказку о «Спящей красавице» и по строчкам и между строчек. Еще там были две книги с черными картинками и стихами Крылова про зверей и мартышку. Потом я еще должна была бегать к Александре Алдександровне К. (тетина приятельница еще по Москве) и она мне вдалбливала про каких то половцев, кривичей и еще какие то незнакомые слова. Это было совсем неинтересно, но надо было запоминать, для «обшего образования». Тетя Лида говорила мне: — «за тебя плачу, чтобы не выросла неучем!». Потом была еще одна тетина подружка, совсем молодая. Она должна была подготовлять меня «к будущему». При этом приговаривалось, примерно, так: Что впереди тебя ждет? Неизвестно! А английский нужен! И на новом языке я зубрила и «кошку» и «стол» под цветными картинками. Картинки мне нравились.

И вот, я опять в школе. Тут были большие комнаты и маленький сад. Дети были всякие, человек тридцать. Их было две категории: или очень большие или очень маленькие. Я оказалась маленькой для больших и большой для маленьких. Самое же неприятное было то, что все они бегали и болтали... по английски. Про кошку и про стол — они не говорили, и я с моим реестром английских слов чувствовала себя очень растерянно. Понятие о неизвестности, предрекавшееся для будущего, появилось в настоящем времени.

Потом я попала в ново-смешанную гимназию методистов, во второй класс. Тут мне уже пригодились и половцы и кривичи. Однако, там в классе были большие

мальчишки, незнакомые. Они из-за угла, показывали мне нос, делали рожи с высунутыми яыками. Я чувствовала себя непонятой и несчастной. Но мне повезло, началась эпидемия дифтерита и мы переехали на Пристань.

Этап II. Я — почти в гимназии. Раздался звонок. На пороге — высокого роста дама со строгим лицом. Шляпа и старомодное платье, как у тети Лиды. Глаза — темные, без шуток, и спина прямая (корсетная). Я сделала реверанес и произнесла: «— Доброе утро Елизавета Дмитриевна!» (Это была м-м Иванова, заместительница директрисы, г-жи Генерезовой.)

И вот на протяжении трех летних месяцев Елиз. Дм. подготовляла меня к «прыжку» — по арифметике, географии, истории и русскому — к 4-му классу гимназии Генерезовой. С русским — все как то быстро наладилось, без запинок. Диктовки, да и все, — было легко. С географией было сложнее — надо было запоминать какие то истоки и дельты рек, и что и куда впадало и вытекало. В истории опять пришлось встретиться с кривичами, и позднее — с новгородской вольницей и бесконечными князьями. Главное было в том, что там было несколько Олегов, а запоминался только один «вещий Олег». Но мало по малу оказалось возможным ползти, и даже ехать по сложному пути образования к светлому будущему. Но вот с арифметикой дело обстояло сложнее. Там оказались и водоемы, и водопроводные трубы, и вода из них выбегала и втекала, а мимо бежали поезда с груженными и порожними вагонами. В общем — это был сплошной водоворот, в который вот вот могли обрушиться поезда. Еще хуже оказалось со знаменателями и с дробями. Отделить от яблока три четверти, а потом еще 1/16 или 2/24-ых, то получалось, как сказал дядя Вася, «табак!»:

При чем тут был «табак» — я поняла только много, много позднее.

Этап III, или Я в гимназии.

— Нина выдержала, Васюта! Представь! — говорила с восторгом тетя дяде. Был солнечный день, а надо было идти в Генерезовскую на Биржевой улице. В классе кроме меня — никого не было. Учительница то входила, то выходила, но все было легкое — все, что я знала. За дроби, т.е. арифметику, я получила тройку, за географию — 4, и за диктовку — 5!

Первые дни. Всякое начало всегда пугает. Слава Богу, тут не было мальчишек, языков мне никто не показывал, но я села на вторую парту. По неписанному, и неизвестному тогда мне, кодексу, на передних партах садятся только «подлизы». Через два месяца я сидела на четвертой парте с Лелей Бережецкой, а впереди сидели старавшиеся на золотые медали. На четвертой парте можно было шептаться, можно было вырезать что-то ножичком внутри парты, и даже можно было доесть бутерброд, поставив вертикально преграду в виде книги Катехизиса или учебника Киселева, чем завоевывалось уважение соучениц.

Правда, Татьяна Андреевна, «историчка», не говоря уже о батюшке о. Георгии, или Раиса Васильевна, «биологичка», не переставали недоумевать, поражаться и скорбеть душой по поводу метаморфозы, в которой молодая девушка, с приличными манерами, превратилась в «сорванца». В дневнике появилось «украшение» в форме четверки за поведение, нормы которого нарушались шептанием и бутербродами за уроками. Учить Закон Божий было нелегко, особенно запоминать целые фразы. Это было куда труднее, чем «Ликует буйный Рим», или «Тиха украинская ночь». С «Римом» у меня были переживания. Я его выучила с выражением, с чувством, и декламировала на уроке преподавателю русского языка Адлександру Николаевичу (Барташову). Он даже вздрагивал от моей декламации и оглядывался с удивлением. Ударение на «гремит» и занижение голоса до шопота, на словах — «а он, пронзенный в грудь...» были рассчитаны на успех. И когда я выступала, я видела, как Настя Радченко нырнула под парту, Ритка Блимштейн зажала подбородок в грудную клетку, а Леля Бережецкая сидела изваянием, не шелохнулась, и только носом поправляла очки. А пятерку я все таки получила!

Шестой класс. Гимназия переехала в дом на Артиллерийской улице. Тут была «лафа» (раздолье). У нас оказалась площадка для лапты. Затем, там можно было лазить на верхушку мечети и оттуда выкрикивать по китайски, подражая торговцам зеленью, и кроме того, кругом была зелень и кусты. Словом — переменки доставляли удовольствие. В шестом классе у меня достоинства — убавились, а прыти — прибавилось, т.е. в противовес ожиданиям. Такие «успехи» ввели меня в категорию «мировых». И поэтому если я получала пятерку, то это мне классной общественностью прощалось, т.к. «мировым» пятерки не полагались. Тут же, встает в памяти незабываемая Настя Радченко и ее декламация «Тихой украинской ночи». Тихая и монотонная декламация. Руки — под фартуком перебирают плиссированные складки. На первой строчке — ее взгляд вниз, на второй — в потолок, будто там все написано. Приближается к «свирепому Орлику»... и тут, превращается в испорченную граммофонную пластинку... «свирепый Орлик»... ...«свирепый Орлик»... где-то раздается шипение, будто подсказка. В нескрываемых терзаниях иголка граммофона перескакивает, каким то магическим образом, в следующий круг. Подсказка — помогла! Закончила! В классе — вздох облегчения.

«Вечер» в гимназии. Танцы, «почта Амура», мальчишек совсем мало. Но зато, присутствует Александров. Про него говорили — то он служит в банке, то он — студент. А Ривка «шептала», что он — неотразимый.

«Почта Амура» доставляла ему писем больше, чем кому либо Даже я, и Валька Катаева написали ему: «Вы прекрасны точно роза» и подписались: «две незнакомки». А потом, мы убежали и спрятались за кулисами на сцене. Оттуда смотрели в зал. А там — «неотразимый», сидел с красавицей брюнеткой из восьмого класса. Из-за кулис мы видели, как ему принесли массу писем «почты Амура», и он читал эти письма вместе с брюнеткой! Вот ужас!

Классная жизнь приобрела новые формы обращения. «Доброе утро, девочки»! — не применялось, а говорили «Здорово ребята!». Женя Кондрашева влетала в класс и во всю глотку докладывала — «Физикант идет!» Михаил Капитонович Борисов не слышал таких анонсов, иначе классу влетело бы. Он был академик, и «носил орла» на широкой большой груди. Большие усы и полулысая голова, длинные и сильные ноги, и прямой корпус. Ученицы рисовали его портрет только по двум признакам; комбинация черепа и больших усов. Он знал об этом, и не обижался. Но пятерки он, просто так, не ставил, за них надо было работать. А вот латынь, преподававшаяся

Михаилом Ивановичем — никого не беспокоила, и даже наоборот — считалась «дурным тоном». Учили латынь серьезно только две — Тоня Щеглова и Люба Асламова — две противоположности в физическом смысле — одна была самая маленькая, а другая — одна из самых больших. Они и сидели на одной, первой, парте, а на уроках латыни — подвигались к столу преподавателя, насколько возможно ближе. На этих же уроках, «обитательницы» других парт играли, или в «ведьму» или в «подкидного дурака». Не все — но играли. Но, даже такие первые ученицы, как Валя Котт, Сара Витензон и Нюся Бородавкина — играли. Люда Энгельгардт и Кира Февралева — играли в почту, т.е. переписывались о воображаемых романтических героях.

Евгений Севастьянович Васякин, в класс, не то чтобы входил, а «впархивал». Такая у него была походка — балетная, на носках. Наш классный «глашатай», Женя Кондрашева, обычно докладывала «математик сейчас влетит!» Женя требует к себе, немного больше, внимания. Она всегда наблюдала, через стеклянную дверь, за приближающимися преподавателями. Она пыталась изображать их своей мимикой. Но дара к мимике у нее не было. Однако, если возможно развить воображение, то попробуйте представить такую сцену: долговязый жирафф, страдающий близорукостью, хочет прочесть книгу, брошенную на землю, под деревом, но длинные руки-ноги, и распущенные волосы не находят себе пристанища. И эти руки, ноги и волосы выросли как бы в разное время, и держались на каких то скрепах.

Что касается Васякина, то он был, действительно, близорук, прищуривал свои длинные темные ресницы, прикрывавшие темные глаза. Учитель-то был он, замечательный, и я даже «заобожала» его предмет — тригонометрию!

Седьмой класс. Математик Васякин оставался в центре внимания вырастающих девушек. Ему было лет 35. Смущали его новыми способами. В какой-нибудь день, сговорившись заранее, принесли, вырезанные из газеты, объявления о кино-картинах, с изображениями поцелуев. И такими вырезками что то около 20, обклеили стены класса перед уроком математики. Все ученицы сидели с серьезными лицами. Е. С., не сразу, но заметил что то странное на стенах. Подошел к одной, потом к другой вырезке, присмотрелся, и взглянул на класс. Все сидели, как новорожденные, будто бы ничего не понимая. Дежурная по классу, получает приказание очистить стены, и даже, вызвать классную наставницу! Но щеки у Е. С. — покрасневшие!

А это и была цель!

Костючик, Иван Иванович. Ну, разве можно его забыть? Словесник! Входит в класс быстрыми, хотя и мелкими, но уверенными шагами. И сразу к доске. Пишет на доске одно, редко, два слова.

Все головы устремлены к доске. Итак — «Цель жизни». Вот тебе и раз? — по Толстому, по Достоевскому, по Тургеневу, по Белинскому...

И вот сейчас, вспоминая это все прошлое, ушедшее, я каждый раз определенно решаю: Если бы, опять, я была школьница, то совершенно определенно, я пошла бы в гимназию Генерезовой.

И школа, и дом, и родители, и тети и дяди, и подружки с характерами, с беспорочными струйками вольностей и шалостей. В них во всех, и во всем, выковывалась наша любовь к нашей гимназии и из них вырастала наша страсть к независимости. Спасибо!!!

x x x

Добавление: Неполный спиок преподавателей в гимназии. Некоторые фамилии знакомы и реалистам, так как в разное время эти преподаватели состояли в штатах различных школ.

Преподаватели: А. Н. Лутовинова (психология, логика, словесность), И. И. Костючик (литература и философия), М. К. Борисов (химия, физика, космография), М. И. Стронин (латынь), Т. А. Сименинова (общая история), Е. Н. Попова (законоведение), К. И. Знаменский (геометрия, алгебра, черчение), Е. С. Васякин (тригонометрия), В. И. Сименский (английский язык), Лев Александрович, фамиилии не помню, м.б. Гринберг, (рисование), о. Георгий Чернавин (Закон Божий).

Для аттестата зрелости — 10 экзаменов по 19 предметам.

Н. Шуднат

«ЛИРИЧЕСКИЙ ЭТЮД»

Посвящено Вере Задорожной

Я помню — на родной земле,
И в той чужой для нас стране —
Где мы учились и росли
В обычаях родной страны: —
Церковный звон колоколов,
Как песнь любви, как песнь без слов,
Нас призывал под храма сень,
По христиански кончить день!
И с облегченною душой,
Из храма шел народ домой!
А звон вперед, вперед летел,
И песнь ликующую пел.
Я помню маленький Ваш сад;
Осенний плменный закат,
Что озарял, тебя огнем!
Ты пела мне, — Вечерний звон!
Теперь живем в иной стране,
Где есть все блага на земле,
Где изобилье и покой!..
Но не звучит нам звон родной!

бывш. «Реалист»

Русская пресса в Китае

Колыбелью и центром русской прессы в Китае был Харбин, центральный пункт Китайской Восточной жел. дороги. Вся территория, на которой дорога была построена, согласно договора между царской Россией и Китаем имела название Полосы Отчуждения. Протяжение дороги от станции Маньчжурия до ст. Пограничной, и от Харбина до Порт-Артура было в общей сложности около 2.500 километров. Эта протяженность изменилась в результате русско-японской войны, когда Россия должна была уступить Японии по южной линии дорогу от Чанчуня до Порт-Артура.

Экономические выгоды постройки КВжд удовлетворяли обе договаривающиеся страны — Россию и Китай, и эти выгоды превалировали над всеми остальными критериями международных отношений, такими как политический, культурный, стратегический и исторический, хотя и эти аспекты имели для обеих сторон свои выгоды.

Революция 1917 года в России внесла новую струю в активную жизнь полосы отчуждения. Если до революции русское правительство испытывало затруднения в отношении набора служащих на КВжд, то после 1917 г. численность нахлынувшей эмиграции оказалась такой, что не только администрация КВжд могла удовлетворить свои требования на квалифицированных служащих, но и коммерческий и промышленный мир Маньчжурии приобрели людей инициативы, представителей интеллигентных профессий и ремесленных специалистов. Сколько эмигрантов прибыли в Маньчжурию? — мы не имеем статистических данных, чтобы ответить на этот вопрос. Кроме эмигрантов в Маньчжурию прибыли и многие русские воинские отряды, отступившие в Маньчжурию. Воинские части принесли с собой также немало специалистов.

Китайская администрация Маньчжурии принимала всех русских очень благожелательно. Прибывавшие привезли в молодую страну большой опыт и знания, и культурные силы.

Вот на таком фоне предприимчивость прибывавших пускала корни ничем неограниченной деятельности буквально во всех направлениях. Большой вклад в развитие экономики в Маньчжурии внес управляющий КВжд инж. Б. В. Остроумов. Под его руководством до 1925 года, когда Китай признал новое правительство бывшей Российской Империи — превратившейся в СССР — КВжд служила развитию транспорта в стране, способствовала развитию агрикультуры Маньчжурии, особенно производству соевых бобов. Этот злак вскоре стал основным предметом экспорта заграницу в таких количествах, что соевые бобы получили название «золота» Маньчжурии. И в Харбине открылись отделения крупнейших английских, французских, американских и др. банков. Стройка Харбина шла в лихорадочных темпах.

Весь край стал привлекать к себе внимание отдаленных стран.

Новая действительность открыла возможность для создания русской прессы, которая росла, крепла и расширялась. Расширялась от Харбина на Шанхай и Тяньцзин, и даже такие отдаленные от Харбина пункты как Париж и Сан-Франциско.

У нас нет никаких материалов из архивов русской прессы Харбина первых изданий частных газет там. Но помнится, что первый газетный лист, который совершенно случайно пришлось держать в руках, носил название «Свет». Кто был издатель или редактор — автору очерка память не сохранила. Это был прримерно 1923 год. Самым крупным изданием и в это время, и в позднейшие годы, был журнал Вестник Кит. Вост. жел. дороги, издававшийся в типографии дороги, где заведующим в то время был И. С. Кунис. С этой фамилией мы встретимся еще несколько позже. Вестник КВжд был солидным, толстым изданием, содержание которого отражало главным образом экономическое положение не только КВжд, но и всего края трех восточных провинций Маньчжурии. Тут можно привести один факт, который будет свидетельствовать о размахе деятельности этого издания. Один из представителей этого издания, исполнявший обязанности журналиста, был отправлен за-границу в Европу и Америку, знакомить коммерческие и финансовые круги этих стран с экономическим расцветом в Маньчжурии. Это был Иван Игнатьевич Кунин, который во время визита в США, был принят даже президентом Куллиджем, а также имел встречи и во Франции, с представителями правительственных учреждений и частных предприятий. Попутно — он собирал объявления для Вестника КВжд.

Крупнейшим газетным издательством Харбина «Заря», руководил талантливый журналист и газетный предприниматель Мечислав Станиславович Лембич. Его ближайшим сотрудником и редактором газеты «Заря» был Г. Н. Шипков, который через несколько лет отправился из Харбина в Тяньцзин и там открыл тяньцзинскую «Зарю». Какие были у него договоренности с М. С. Лембичеми — точно неизвестно, но в редакциях этой газеты в Харбине, в Шанхае и Тяньцзине он считался как компанион в издательстве «Заря». М. С. Лембич посетил и Шанхай. Там уже существовала газета «Слово», издателем которой был С. М. Алтадуков, и редактором газеты был инж. П. И. Зайцев. Тут следует заметить, что русская колония Шанхая образовалась не за счет русских харбинцев, а с того момента, когда дальневосточная эскадра Российского Императорского Флота под командой адм. Старка прибыла из Владивостока в Шанхай, и привезла на борту своих кораблей довольно большие группы дальневосточных кадетских корпусов, и некоторых казачьих войск. Судьба эскадры адм. Старка не входит в план настоящего очерка, и тут только фиксируется момент образования русской колонии в Шанхае. И вот для этой то колонии предприимчивый С. М. Алтадуков и организовал газету «Слово». В редакции этой газеты работали В. С. Присяжников-Валь, Н. Н. Языков, А. Бушуев, С. А. Уралов и др.

Когда М. С. Лембич посетил Шанхай, он отлично представил себе преимущества Шанхая перед Харбином, в политическом и коммерческом отношениях, и, предвидел возможность переселения русских из Харбина в Шанхай. «— Там, где есть одна русская газета — найдется место и для второй». — решил М. С. Лембич.

И он не ошибся!

К 1930 году «Шанхайская Заря» была крупнейшей русской газетой не только в Шанхае, но и во всем рассеянии русской эмиграции. Редактором газеты был Л. В.

Арнольдов, а в редакции в большом составе сотрудников работали: секретарь — А. И. Вейс, его помощник — Г. А. Аверкин, фельетонист А. П. Петров-Полишинель, переводчики телеграфных агенств —. А. Е. Бринкман и Виктор Петров. В. Петров, как сейчас многие знают, живет в США и является автором нескольких книг, и нередко его рассказы и описательные статьи печатаются в сиднейской газете «Единение». В репортаже работали в разные годы — Варвара Н. Иевлева, которая была замечательной лингвисткой, поэт Михаил Цезаревич Спургот, поэт Н. Ф. Светлов (Свиньин), В. В. Дроздова, переводчик Н. Н. Николаев, Е. Ф. Индриксон, инженер ХПИ, К. А. Лобачев, назначенный из Харбина, на должность редактора «Вечерней Зари», автор литературных рассказов Я. Лович-Дейч, А. Г. Панченко. Большая типография «Шанхайской Зари», была поставлена очень высоко, заведующим типографии И. С. Кунисом, который, как и многие харбинцы, перебрался в Шанхай. Позднее, после его ухода а отставку, его заменил г. Андрей Щекин. В редакционном составе «Шанх. Зари» на короткий срок была и Наталья Ильина, где и начала свою писательскую деятельность несколькими бытовыми зарисовками.

М. С. Лембич умер рано. Но до своей смерти он успел, — 1. Объединить с издательством «Заря» харбинскую газету «Рупор», издателем которой был Евг. Самойлович Кауфман. 2. Совершил поездку в Париж, где установил контакты со всеми виднейшими представителями русской прессы и литературы, проживавшими там. Таким образом в числе сотрудников издательства «Заря» стали писатель И. А. Бунин, Дон-Аминадо, Теффи, З. Гиппиус, Ренников, Саша Черный и мн. др. З. Отправил в США своего сотрудника по коммерческой линии издательства «Заря» г-на Скворцова и поручил ему открыть в Сан-Франциско газету «Заря». И это было достигнуто, но насколько тесно в дальнейшем были связаны М. С. Лембич и г. Скворцов — остается неизвестным. Частичный свет на эти отношения пролила каррикатура, помещенная в одном из конкурирующих изданий. Каррикатура изображала Тихий океан с берегами около Шанхая, где сидел с удрученным изображением на лице М. С. Лембич, и калифорнийский берег, где сидел, со взглядом изображавшим улыбающееся недоумение г. скворцов.

Между тем харбинский «Рупор», под руководством Е. С. Кауфмана, был очень распространенной газетой, хотя содержание его, может быть и было довольно легким для чтения. Большой силой в «Рупоре», был замечательный поэт Арсений Несмелов, который отдавал много труда и времени на то, чтобы влиять на воспитание молодежи в литературном направлении. Он руководил страницей «Юнчита» (юного читателя), где молодежь имела возможность публиковать свои стихи и рассказы. Многие из харбинских поэтов, литературно выросшие, до сих пор с благодарностью чтут память Арсения Несмелова.

Это же издательство выпускало и журнал «Рубеж» для взрослого читателя. Руководил журналом М. Рокотов. Журнал выходил еженедельным изданием, и нет такого харбинца, который ни держал бы этот журнал в своих руках. Тут же издавался и детский журнал «Ласточка», который, пожалуй, был в своем роде, единственным изданием для младшей детворы Харбина. Также в Харбине издавалась короткое время (1926 — 1930 года) небольшая газета «Русское слово»—

С признанием СССР Китаем и с установлением паритетного управления КВжд советской и китайской администрацией, харбинская пресса вошла в новый этап своего существования, работы и выработки планов. Если еще к этому прибавить неостанавливающийся интерес Японии к территории КВжд, а затем и планы покупки КВжд от СССР — то можно себе представить сложную и напряженную атмосферу противоречивых итнтересов, в которой протекала деятельность прессы. Эмигрантские газеты должны были быть все время на чеку. С приходом советской администрации на КВжд в 1925 г., в Харбине появилась газета «Трибуна», которая проводила идеологическую линию Москвы (у нее была мощная опора.) Появилась газета «Гун Бао», которая была проводником правительственной линии в Маньчжурии. Позиция этой газеты была, можно сказать, обывательской.

Китайско-советский конфликт, разыгравшийся летом 1929 года, обострил политический момент пребывания русских в Маньчжурии. Служащие дороги, с советскими паспортами, были сняты китайской администрацией со своих постов и отправлены в лагерь в Сумбее. Их места были предоставлены китайским подданным русской национальности. Военные операции, начатые от ст. Маньчжурии, развивались успешно для советской армии, и она быстро продвигалась вдоль западной линии. Пали Хайлар, Бухеду, Цицикар — и русская эмигрантская пресса переживала кризис. Как писать о военных операциях. Издательство «Заря» переживало этот кризис больше, чем остальные газеты. И вот, в этот момент, была пущена фраза, которая взволновала настроения эмигрантов. Эта фраза была: «Позиция газеты «Заря» измеряется расстоянием советских штыков от Харбина!» Напряжение нарастало.

Конфликт закончился Хабаровским соглашением 5-го февраля 1930 года. Все советские граждане вернулись на свои посты на дороге, все временные служащие с китайским подданством были уволены, и вот этот период и оказался началом нового передвижения русских — на этот раз, из Харбина на Шанхай и Тяньцзин. Из остававшихся в Харбине многие русские стали брать советское гражданство.

Газеты «Заря» и «Рупор» продолжали работать в Харбине, но их настроения и передовые статьи стали уже более нейтральными, чем это было в первые годы деятельности.

С ростом японского влияния, с короткой эрой пути, появились и газеты про-японского направления, и из них крупнейшими были газета «Восток», а позднее — «Харбинское Время», существовавшее до 1945 года. Харбинская газета «Копейка», издававшаяся В. А. Чиликиным, и сохранявшая легкий и непринужденный стиль, и часто запрещавшаяся родителями для чтения детьми, просуществовала несколько лет, и позднее ее издатель переехал в Шанхай где открыл газету «Новости Дня». В Шанхае стиль «Новостей Дня» был уже не в тоне «Копейки». В газете работали такие силы как фельетонистка Крузенштерн под псевдонимом «Мерри Девил» и популярный поэт Петерец.

Русская колония Шанхая вырастала за счет прибывавших харбинцев. К газетам «Слово», «Шанхайская Заря» с вечерним изданием «Вечерняя Заря», прибавились «Новости Дня», затем газета «Новая Жизнь» изда-

вавшаяся агенством «Тасс», и газета «Новое Время», издателем которой был японец г. Куроки.

Международная обстановка в Шанхае была много сложнее, чем в Харбине, и для русской колонии, выросшей к 1941 году до 28000, а может быть и больше, пришлось опять переживать беспокойства политического свойства. 1937 г. — военные действия Японии против Китая, 1939 г. — начало второй мировой войны в Европе. С выступлением Германии против СССР в июне 1941 года, а затем со вступлением в войну и Японии против США, в декабре того же года, — можно представить себе какой кризис вырастал в сознании русских жителей Шанхая. Размеры кризиса переросли опыт Харбина, но уже в гораздо более заостренной форме, и работа русских журналистов перестала быть завидной, но на всем протяжении войны — русские газеты работали.

Меньше чем через месяц, после капитуляции Японии, администрация Национального Китая, вернувшаяся в Шанхай объявила о прекращении выпуска газет на русском языке. Исключение составляла газета «Новая Жизнь», которая прекратила свое существование, вскоре, после 1954 года.

Ко всему, до сих пор сказанному, можно добавить много, и очень много подробностей жизни русской прессы в Китае. Скажем в Харбине, кроме популярного журнала «Рубеж» был и журнал «Зигзаги», широко освещавший жизнь как харбинского театра, так и кинематографическую продукцию Холливуда. Работа театров, кинематографов и артистов — были основным и единственным содержанием журнала. Что касается «Рубежа», то этот журнал освещал буквально все уголки русской жизни в Маньчжурии прежде всего, русскую жизнь в зарубежьи во всем мире, а затем уже, наиболее волнующие читателя события или достижения в иностранных краях.

Последние годы редактором «Рубежа» был Л. П. Ефимов, которого харбинцы знали больше по его журналистическому псевдониму — Леонид (Леня) Жаров. Издателем «Зигзаги» был А. Ф. Любавин, и редактором его — И. И. Ушанов.

«Шанхайская Заря» занимала в мире русской прессы лидирующее место. Утреннее издание выходило каждый день, и вечернее издание «Вечерняя Заря» каждый день кроме субботы и воскресенья.

Размер страницы был примерно 20 на 14 дюймов, разбитый на семь колонок. Текст газеты состоял из: — переводных ежедневных телеграмм, репортажа, фельетонов, различных корреспонденций со всего мира, большого спортивного отдела, «Страницы Женщины» по средам, передовая статья — и вообще вся жизнь города, не только в рамках русской колонии, но и всего иностранного Шанхая. Минимальный размер утреннего издания был 8 страниц, воскресные номера доходили до 20 страниц, а новогодний выпуск достигал в некоторые годы и 100 страниц. Тираж утреннего издания газеты был в среднем 3.500 каждый день, с легкими колебаниями, в некоторые сезоны, в одну или другую сторону.

В Шанхае выходил под руководством редактора-издателя Виктора Васильева и наиболее современный, в техническом отношении, журнал «Современная Женщина». Журнал издавался на лучшей бумаге и пользовался цветными фотографиями. Даже отдельные рекламные объявления печатались в журнале в художественном оформлении.

Несколько выпусков выдержал и журнал «Спорт и Жизнь», издателем которого был А. Г. Панченко, редактором — В. В. Дроздов и управляющим — А. Е. Бринкман. Издание журнала было прекращено по соглашению с издателем «Зари» Е. С. Кауфманом. Работой издательства «Заря» в Шанхае руководила Ольга Викторовна Лембич, вдова М. С. Лембича. С опытными советниками, по редакционной части — Л. В. Арнольдовым, и по коммерческой части — Н. А. Тепляковым, — газета до конца своего существования в Шанхае выдержала нейтральную и уважаемую репутацию, что всегда было главной заботой О. В. Лембич.

Рабочий день в редакции начинался в 8 ч. утра и заканчивался после 1 часа ночи. Время сотрудников — не считалось, считались строчки и события. О работе в редакциях, как общее правило, пишут мало, хотя событий было много. Но ...события уходят, тают, приходят новые события и для мемуаров, если авторы не были причинами событий — места нет.

А. Панченко

Спортивная жизнь Харбина

Теперь, к 1987 году, почти через 40 лет после того, как русская деятельность в Харбине приблизилась к полному окончанию, дать полный обзор такой активности, как спорт, русской молодежи Маньчжурии — задача не такая простая. Архивы и полная документация — не хранились, а если где либо и имеются — то претендовать на полность освещения этого участка общественной жизни — не могут. И тем не менее...

Редакционная комиссия по выпуску «Сборника» №2 провела обследование живых свидетелей расцвета русского спорта в Харбине; проживающие в Сиднее, согласились поделиться с нами своими волнующими воспоминаниями, которые до сих пор живут в их памяти, и сохраняют в ней животрепещущие картины энтузиазма и крупных спортивных достижений.

И первым из них является Виктор Иванович Анфиногенов.

Вот, что рассказывает нам этот замечательный спортсмен-легко-атлет.

— Конечно, это будет экскурсия в весьма отдаленное время, — говорит Виктор, и затем просит дать ему несколько дней, чтобы привести в какой то порядок свои воспоминания для нашего «Сборника» №2.

Через несколько дней происходит беседа.

— Центральным пунктом, давшим толчок для развития русского спорта в Харбине был Стадион Харбинского Общества Спорта. Он был создан в 1907-ом году, т.е. 80 лет тому назад, и назывался тогда Циклодром. В те годы обилия спортсменов не было, но с ожидавшимся притоком русских для службы на новой железной дороге, Циклодром, как первая фаза Стадиона, был построен. Еще не было спортсменов по легкой атлетике, но велосипедисты были. Кроме того было обращено внимание на детвору, которая рассматривалась, как будущий резервуар для формирования спортсменов. И вот, в возрасте от 10 до 17 лет, были созданы три возрастных группы, занимавшиеся на поле циклодрома по легкой атлетике — бег и прыжки.

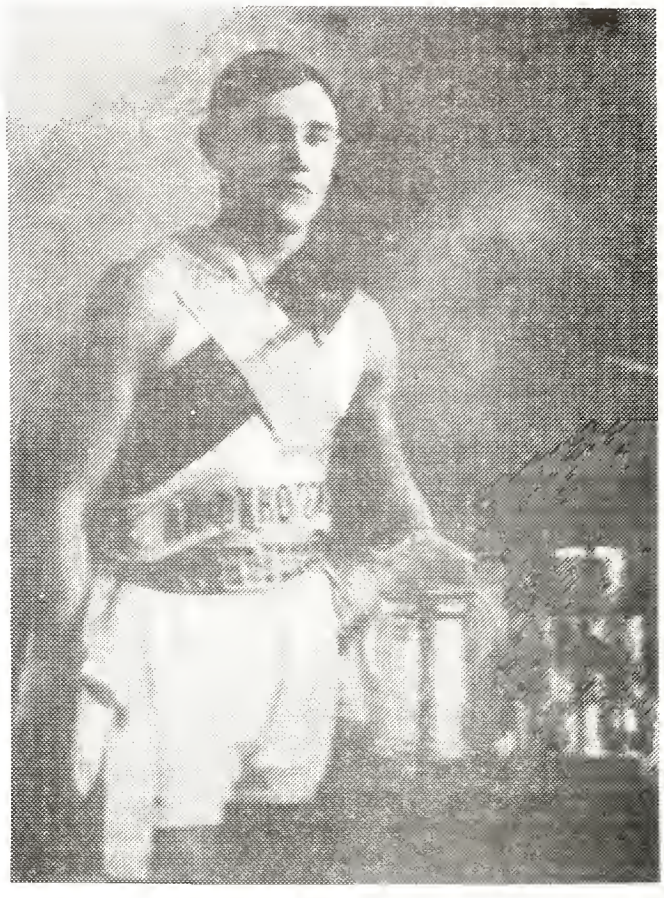
— Взрослая группа была немногочисленная.

— Расцвет легкой атлетики на Стадионе начинается с 20-ых годов.

— Мой отец любил спорт, а потому и я оказался на Стадионе. В 1924 году я был серьезно вовлечен в легкоатлетические состязания, но лучшее, что я достигал в том году были вторые места. В 1925 году я вышел на первое место в состязаниях, в которых принимали участие и чемпионы предыдущего года — Лущай и Ермаков. Начиная с этой даты я держал первенство Харбина и сев. Маньчжурии по метаниями, пяти- и десятиборью. Мое доминирование в этих разрядах продолжалось по 1929 год, и за это время я получил 15 почетных лент чемпиона, 110 золотых, серебряных и бронзовых медалей и 15 серебряных кубков. С 1930 года я оставался только в состязаниях по метанию диска, толканию ядра и десятиборью. Большей частью моими соперниками были Вас. Ермаков и Путр Лущай.

Дальнейшие личные успехи, Виктор пытается замалчивать, но мы имели возможность знать об этих успехах еще по Китаю. Под нашим дружеским давлением Виктор сообщает и эти успехи и достижения.

— Надо сказать, что в те годы мировые рекорды во



Виктор Анфиногенов.
Многолетний чемпион легко-атлет Харбина и Северной Маньчжурии в 30-ых годах

всех состязаниях, входивших в программу международных олимпийских игр были фактически олимпийскими рекордами и держались и признавались такими от олимпиады до олимпиады, т.е. на четыре года.

— И вот, в 1924 году на Олимпиаде в метании диска был установлен рекорд 45 метров 20 сантиметров. В 1926 году мой рекорд на Стадионе был установлен в 44 метра 87 сантиметров, т.о. на 33 сантиметра меньше мирового рекорда. Мировой рекорд по десятиборью в то же время был что то около 7.000 очков. Мое достижение было 6.500 очков. Можно сказать неплохо для отдаленного Харбина.

В 1927 году В. Анфиногенов был единственным русским легкоатлетом, приглашенным японской спортивной администрацией в южн. Маньчжурии, участвовать в международных состязаниях в Дайрене, там же от Франции выступал известный тогда в Европе, чемпион по метанию диска Ноель.

Победителем вышел Виктор Анфиногенов.

В этот же год серьезным соперником Виктора в Харбине по диску и ядру был А. Мутовкин. Виктор оказался впереди.

По результатам, поступавшим в харбинскую прессу из Союза в то время, достижения В. Анфиногенова были значительно выше достижений русских спортсменов на

родине. И русская пресса Харбина — отмечала этот факт неоднократно.

Далее Виктор рассказывает и о чемпионах Харбина, получивших признание в других видах легкой и тяжелой атлетики.

— Начнем со спринтеров, — говорит Виктор. В тот период между 1924 и 1930 г.г. нашими общепризнанными чемпионами, в разные годы, были Битнер, Шумский и Олейников. В эту группу чемпионов нужно включить и С. Лименштейна, Давидюка, И. Турбина.

(Тут Виктор выражает сожаление, что многих из этих спортсменов он сейчас на помнит по именам, но добавляет он: — «Я думаю это будет простительно, годы идут...!»)

— В стайерском беге — 5.000 и 10.000, и памятный пробег от Стадиона до Старого Харбина и обратно — наши звезды были Подзимков и Илья Тетерев. Подзимков в то время держал рекорд и в беге на 1.500 метров — Четыре минуты 23 секунды. Это был 1929 год, а сегодня даже женщины с мировыми рекордами пробегают эту дистанцию меньше чем в 4 минуты. В беге на 800 метров одним из лучших был А. Гудков. (Ред. Комиссия)

В одном из пробегов до Старого Харбина и обратно до Стадиона, имел место и несчастный случай, когда замечательный стайер Кувчинский, уже находясь у финиша вблизи от Стадиона, стал жертвой солнечного удара.

В прыжках следует вспомнить Фактуровича, Пионзина и особенно Битнера. Битнер был выдающийся спринтер, и как таковой, он же выделялся и в прыжках в длину. Его рекорд был 6.74 метра, в то время как мировой рекорд был 7.20 метра. Конечно, в настоящее время это мало, но в то время разница в 46 сантиметров от мирового рекорда — была очень знаменательным фактом.

— Да, вот еще о Битнере, – добавляет горячо Виктор. В наше время прыжки в вышину с места уже отменены в олимпийских состязаниях, но в то время они у нас практиковались, как и во всем мире. Рекорд А. Битнера в прыжке в вышину с места был один метр, 51 с половиной сантиметров! Немногие сегодня прыгнут так высоко.

В категории прыгунов достигали больших успехов и Золотухин, Бадер, Миронов, Ермаков, Лущай, Николай Лапикен.

— Велосипедные гонки пользовались громадным успехом в Харбине, и в этом разряде нельзя забыть таких чемпионов как Якубанец, Макаренко, А. Китлиц (воспитанник Реального Училища) Семашко, Касаткин, Тихонов.

Посетил Харбин, и принимал участие в показательных выступлениях и знаменитый Панкратов, который, еще до первой мировой войны, совершил кругосветное путешествие на велосипеде.

(Большим успехом в вело-гонках пользовались и братья Максимовы, которые с еще большии успехом позднее принимали участие в водном спорте — в гонках на яхтах).

В борьбе на харбинском Стадионе, отличались И. Михальчишин, Нестеров, Аронович и Айсбренер.

Хоккейная команда Стадиона была непобедимой в Харбине. В составе ее играли братья Антушевичи, Гладченко, Л. Рудченко, Леня Хан, братья Виталий и Владимир Максимовы... и еше несколько спортсменов, фамилий которых я не помню сейчас, — говорит Виктор.

В разряде ходьбы чемпионат Харбина и Сев. Маньчжурии держал Е. М. Буяновер. Он в 30-х годах переехал в Шанхай, где также был связан с русской спортивной работой.

Затем Виктор вспоминает, как в конце 20-ых годов в Харбин приезжал из Союза конькобежец Курбатов, ученик знаменитого Ипполитова. Его выступления в Харбине послужили стимулом, для многих молодых людей Харбина, заняться конькобежным спортом. Виктор рассказывает о том, как Курбатов входил «под прямым углом», что было новой техникой для Харбина, и показывал харбинским спортсменам свои «норвежки» — острые коньки.

В эту беседу, проводившуюся по средствам, выработанным современной технологией — телефон и почта — включается и Георгий Кулинич: который просит обращаться к нему просто по имени — Жорж, чего мы и будем придерживаться. В противоположность предыдущему собеседнику — Жорж замечает, что он не был вовлечен так серьезно, в легкую атлетику, как Виктор, но принимал участие во многих спортивных играх и состязаниях.

— Начнем, — говорит Жорж, — с тенниса. Правда, прежде всего следует оговориться, что мои сведения относятся главным образом к периоду 1930-40 г.г., поэтому в хронологическом отношении это будет как бы продолжением информации Виктора.

— Итак, теннис. В мужском разряде русскими спортивным звездами Харбина в то время, были: Браун, Веревкин, братья В. и Б. Дризуль, В. Рыков, Н. Качаунов, а в женском разряде — Н. Белоножкина, М. Подставина, Т. Ван-Дризуль.

(Ред. ком. добавляет в этот список и Ирину Миленко).

— Не будет странным сказать, что в теннисный спорт включались часто те, кто был занят в игре меньшего масштаба — в пинг-понг, который известен также под названием Настольный теннис.

Пинг-понг был доступен для большинства, так как требовал гораздо меньше расходов, но именно поэтому эта игра была и более распространенной, и состязания в ней были очень и популярными и напряженными. Особенно командные состязания, в которых, начиная с 1930 г. и в течение десяти лет чемпионами города была команда ХСМЛ. В ее составе играли: В. и Б. Дризуль, Е. Индриксон, Н. Володченко, А. Карпенко и Г. Кулинич. За этот срок, на места «мужавших», и потому выбывавших из команды, появлялись такие силы, как А. Голиков, А. Егдич, Н. Лякер и В. Стариков.

Затрагивая водный спорт, Жорж сначала вспоминает имена пловцов. В мужском разряде многолетним чемпионом был Кулебякин, а после него А. Егдич и Г. Турчков. В женском разряде знаменитостью была Л. Хлыстова-Барановская.

Яхты, и гонки на яхтах, были на харбинском фоне чем то романтичным. В этом спорте на состязаниях большей частью победителями выходили братья В. и В. Максимовы. Они, со своими командами на яхтах «Стрела» и «Бриз» выигрывали пальму первенства в период между 1932 и 38 г.г.

— Конькобежный спорт, принимая во внимание климат Харбина, был развит широко. Главные состязания проходили в трех организациях: ХОТКС — Харбинское об-во теннисного и конькобежного спорта, Новое

Спортивное Общество (Стадион) и Брит-Трумпельдор, — рассказывает Жорж. В мужской группе ХОТКС-а отличались А. Бледных, А. Лютай, В. Островский, Е. Данилов и Г. Кулинич (1932-38). В женском разряде, в тот же период — М. Голощапова, В. Голощапова, В. Архангельская.

На Стадионе доминировали: В. Церцвадзе, Ю. Зонтаг, В. Ермаков и А. Бубелов. В организации Брит-Трумпельдор, харбинцам, были известны имена Е. Флеер, Тригубов и Беркович.

Дальше, Жорж затрагивает некоторые виды легкой атлетики. В прыжках с шестом на первенство соревновались в период 1935-39 г.г. В. Михайлов и П. Фу Ба-лу (который впоследствии стал чемпионом всего Китая.) В прыжках в вышину с разбега — Золотухин с его рекордом в 2м.84сант., доминировал много лет.

В мет[illegible]ифиногенов, И. Турбин, Лущай, Г. Мутовкин, П. Матулис.

В спринтерском беге — В. Вергазов, А. Битнер, С. Лименштейн, Н. Иевлев, Олейников, Л. Аполлонов.

Сделав передышку от спортивных игр на гаммах легкой атлетики, Жорж возвращается к другим спортивным играм, которые были развиты в Харбине.

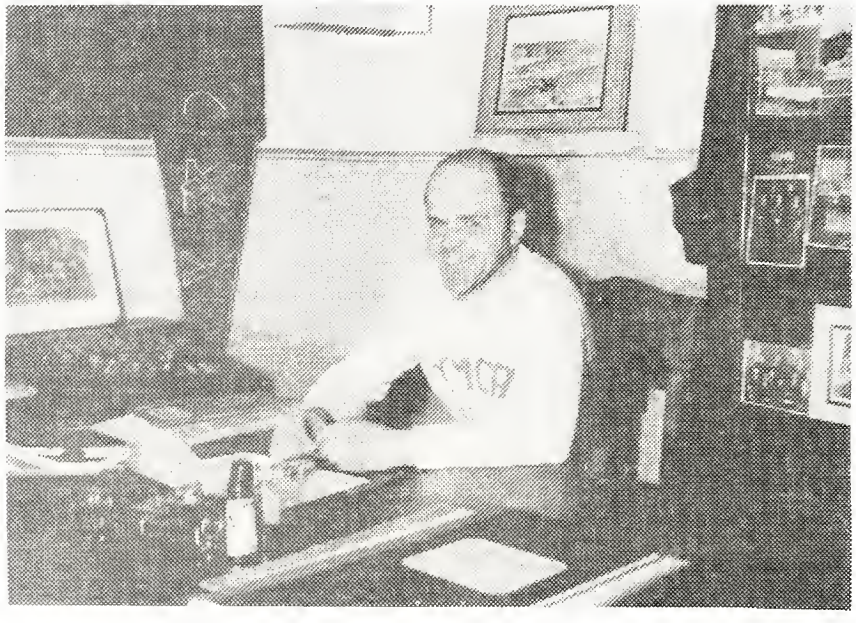
Футбол привлекал очень много спортсменов. Жорж вспоминает команды НСО, Кружок Футболистов, Альбион, Корпусной городок, «Ласточка», и др. Футбольные матчи привлекали многочисленных зрителей, в командах было много прекрасных футболистов, и Жорж вспоминает: М. Антушевич, С. Антушевич, А. Кулешов, В. Политов, Л. Аполлонов, Б. Кайдо, Н. Егоров, М. Ганин, С. Онуфриев, М. Минаев, Н. Райхиль, Бичутский, Савельев, Браман, Вшивкин, Покровский, Н. Рыбин, братья Ф. и В. Лобастовы, Н. Мельников, Куликов, В. Н. Кулешов.

В баскетболе, каждый год соперничали две команды — ХСМЛ и китайские студенты Политехнического Института «Гун-да». Большей частью первенство выигрывала команда ХСМЛ, в составе которой играли: Б. Чекалин, Б. Коренев , Г. Гинх, В. Кореневский, Б. Мумжиев, Н. Иевлев, А. Ифлянд, В. Михайлов, А. Карпенко и др.

Воллейбол был другой увлекательной игрой, и летом она проводилась на открытых площадках, а зимой — в спортивном зале ХСМЛ. Хорошо запомнились команды: «Черный Орел» (при Реальном Училище), Британско-Американская табачная Ко. и Управление КВжд (при японцах)

— Я, к сожалению, не могу вспомнить названия других команд, но хорошо помню игроков, которые прекрасно «резали», «давали подрезку», подпрыгивали, и пускали «мертвые» мячи. Вот несколько из этих замечательных игроков: Братья Костя и Сергей Хампели, В. Тыка, Е. Маргилевский, Н. Лущенко, Г. Малиновский и Н. Разумовский, К. Рюмкин, А. Рынзя (1932-38 г.г.).

Тут наш представитель Ред. комиссии добавляет такие имена, как Олег Комар, Ахмет Лаишев, Анатолий Костенко, Л. Рудченко, М. Гладченко, которые позднее появились в Шанхае и при их участии, воллейбол вошел на юге, в эру исключительного процветания. Городские состязания проходили на площадках Иностранного или Китайского ХСМЛ, но в финал большей частью выходили команды РСФ (Российская Спортивная Федерация) и Советского Клуба. В дружеских матчах на площадке РСФ громадным успехом пользовались матчи: Два против целой команды. В этих матчах, по инициативе Л. Рудченко, он и его «подрезчик» Коля Володченко играли против команды воллейболлистов русских студентов из французского Университета «Аврора», в которой отличными игроками были уже братья Рейеры. Во всех этих состязаниях русские воллейболлисты были продуктом Харбина, а студенты «Авроры» выросли в Шанхае.



1936 - 1944
Заведующий отделом физического развития Х.С.М.Л.
и тренер — 1-ой Баскет-Болльной Команды.
Н. В. Иевлев

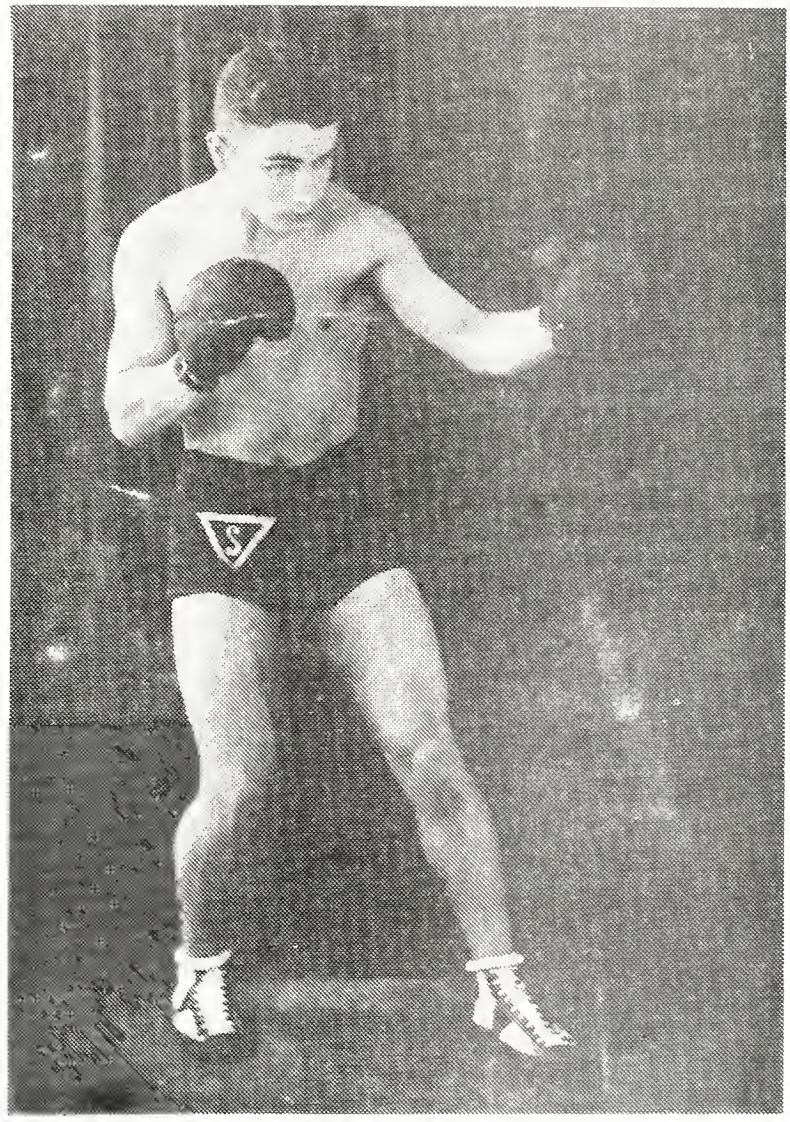
Жорж далее рассказывает о хоккее в Харбине, и дополняет картину, которую несколько выше начал Виктор Анфиногенов.

— Хоккейная команда НСО была лучшей на Дальнем Востоке. Она выигрывала у всех других городов Маньчжурии — Мукден, Чан-Чунь, Аньдунь, Дайрен. Кроме того, она несколько раз обыграла и лучшую команду Японии «Васеда» — токийского Императорского Университета. В составе этой команды играли: М. и С. Антушевич, В. и В. Максимовы, В. Гладченко, Юшков, Костя Попов, Л. Хан, П. Ефанов, А. Котяков, Н. Райхиль, Л. Рудченко. Тут нужно заметить, добавляет Жорж, — что М. Антушевич был хоккеистом мирового класса, так как после переезда в Польшу из Харбина он играл в польской сборной команде на Олимпийских играх в Осло.

— Харбин также проявлял большой интерес к боксу. Вышли из Харбина и потом выступали в Шанхае на большом международном ринге такие боксеры как Костя Яковец (Кид Якко) В. Абкович, Виктор Голдобин, В. Померанцев, Н. Юзефович Ф. Березовый, А. Ифлянд, Павел и Петр Ложниковы, и самый молодой — Андрей Шиляев.

Здесь следует опять добавление от Ред. комиссии:

— Андрей Шиляев в своем первом же матче в Шанхае — стал сенсацией шестимиллионного населения этого города. Он выиграл свой первый матч нок-аутом, как будто во втором раунде. Он провел всего три или четыре матча в Шанхае и выиграл каждый из них с максимальной убедительностью. Спортивные круги рекомендовали ему



Чемпион легкого веса Харб. Спортивного Общества «Санитас» — В. Иевлев.

несколько замедлить темп выступлений, так как он был еще совсем юный. Но, кто и почему решил — нам неизвестно, Андрей Шиляев был увезен своим тренером Зеллигом в Америку, и там пострадал. Вердикт спортивных комментаторов Калифорнии был — слишком рано по возрасту он вступил в матч против слишком опытного профессионального боксера американца Апостоли, у которого послужной список и слава были много крупнее. Компетентные круги считали, что А. Шиляев должен был еще не меньше года воздерживаться от таких матчей. Спортивный международный Шанхай, как и русский Харбин, считали А. Шиляева своим героем, и искренне горевали по поводу трагедии, так рано разыгравшейся, с молодым Андреем.

Еще вспоминается такой случай в жизни бокса в Харбине: —

В 1935-ом году, в Харбин прибыла, проездом из Германии, — сильная японская команда боксеров Японского Университета «Васеда».

Была организована встреча, с ними наших сильнейших харбинских боксеров по трем классам.

Вечер «Бокса» был проведен на Харбинском Общественном Стадионе — на Артиллерийской улице, который собрал весь спортивный Харбин.

От русских боксеров были выставлены 3 наших чемпиона:

— по тяжелому классу — чемпион города — В. Абкович (Вал-Спид);

по среднему классу — В. Гринев.

по легкому классу — чемпион спортивного об'ва «Санитас» — В. Иевлев.

Вечер «Бокса» пошел с блестящих успехом. Все наши боксеры, не посрамили Харбина, и к величайшему ликованию Русской публики и всего спортивного Харбина, выиграли все матчи.

Свои воспоминания о спортивных играх и состязаниях Жорж заканчивает фигурным катаньем на коньках. Он упоминает, что из трех зимних катков Харбина наибольшей популярностью в фигурном катаньи пользовался каток ХОТКС-а. В мужском разряде испытанными фигуристами были В. Пряничникова, А. Ильвес, М. Писарев и Зорин, и В. Абламский (в последние годы — многолетний чемпион). Среди женщин в этой области большим успехом пользовались М. Подгайская, Е. Архипова и А. Григорович.

Г. С. Кулинич

В заключение внимание Ж. Кулинича обращается к шахматам. Из его воспоминаний следует, что ежегодные шахматные чемпионаты Харбина устраивались в шахматном кружке при ХОТКС-е. Первенство города оспаривали талантливые и сильные шахматисты, такие как П. П. Лапикен, С. Хампель, братья В. и Б. Дризуль, Буданцев, Д. Берхов, П. Голиков и многие другие. П. Лапикен, чаще чем кто либо другой, выигрывал почетное первенство Харбина. В последние годы — 1936 — 1945 — чемпионом был — Б. Дризуль. Но родоначальниками шахмат в Харбине были: Б. Попов, Файнланд, С. Коссовский (20-ые годы).

Шахматная история русских в Харбине, как и многие другие области спортивной жизни, постепенно переносилась в Шанхай, где на международном фоне, русские шахматисты достигли лидирующего положения. История этого достижения была начата небольшой группой в шесть человек — полк. Вишневский, Е. Яблонский, инж. Д. В. Поляков, Павел Скобяев (это был самый большой болельщик русских шахмат в Шанхае). А. Сенкевич и А. Панченко. Энергичная деятельность этого ядра привела к тому, что за срок в шесть месяцев состав Русского Шахматного Кружка в Шанхае вырос до 150 человек, с квалификацией в пять категорий. В Кружке появились такие силы, кроме чемпиона Шанхая Д. В. Полякова, как С. Жирицкий, Г. Барамидзе, П. Шевцов, Д. Стасиневич и мн. др. Апогей был достигнут, если не изменяет память в 1938 году, когда состоялся матч на 100 досках, в котором русский Шахматный Кружок играл против сборной команды Шанхая. В сборной команде играли члены Международного Шахматного Клуба, Еврейского Шахматного Клуба, Португальского Шахматного Клуба и неск. др. Русские шахматисты выиграли этот матч с хорошим перевесом, цифры которого как будто были 63 на 37. Большой поклонник шахматной игры коммерсант А. Н. Лазариди сделал приятный подарок всем выигравшим шахматистам — роскошные шахматные сеты, выточенные из пальмового дерева. Спортивная страница газеты «Шанх. Заря» всегда полностью поддерживала деятельность РШК.

Русские шахматисты Шанхая имели возможность встречаться с д-ром А. А. Алехиным, который совершил поездку из Европы в Шанхай вскоре после того, как он проиграл матч на первенство мира голландцу д-ру Эйве. После возвращения из Шанхая в Европе Алехин сыграл возвратный матч с Эйве и вернул свою корону с ослепительным комбинационным блеском.

Когда этот материал о спортивной деятельности русских в Харбине, и отчасти в Шанхае, готовился, то приходилось констатировать с чувством некоторой горечи, что почти ни у кого не сохранились газетные рецензии не только русской, но и международной прессы в Шанхае. А вспомнить — было много чего, создававшего напряжение, творчество и успехи.

А. Панченко

Судьба харбинских церквей

Вспоминая Харбин, невольно мысли возвращаются к нашим благолепным намоленным храмам. Многие из нас были связаны с ними в годы нашей юности. Встают в памяти посещения храмов в большие праздничные дни, когда благолепно украшенные храмы, празднично настроенный народ и торжественные службы приводили нас, учеников в восторженное и умиленное духовное настроение.

Многие ученики принимали участие в церковной службе, прислуживая в алтаре, что заставляло прибывать в храм рано, к самому началу службы, облачаться в стихари и с приподнятым настроением сосредоточенно и торжественно, с чувством важности своего участия в этом великом моменте исполнять возложенные на нас обязанности.

Многие из молодежи учились петь в церковных хорах и старались тщательно изучить и постичь премудрость церковного пения, к тому же еще под руководством заслуженных регентов, которыми в то время были богаты и славились наши церковные хоры. Вспоминаются такие маститые регенты, как В. С. Лукша, Д. И. Попов, В. И. Федотов, П. Ф. Распопов, М. Н. Троицкий, И. А. Колчин, И. М. Воротников и др,.

Учащиеся школ участвовали во время великого поста обязательно всем училищем в общем говении. Когда три дня мы должны были посещать утром и вечером долгие великопостные службы в Кафедральном Соборе. Накануне дня причастия после вечерни исповедывались у своих училищных батюшек, а в день принятия св. Даров, собирались, одетые в парадную форму, к началу литургии, во время которой все училище стояло рядами по классам, имея сбоку своих классных наставников, и молились умиленно до причастия. После Святого Причастия все чувствовали себя возвышенно легкими и торжественно выходили из храма, как именинники, поздравляя друг друга, а особенно своих школьных подруг.

Среди учащихся были большие любители принимать горячее участие в пасхальном трезвоне на колокольнях, когда во всех наших харбинских церквах, над всем городом раздавались зовущие звуки пасхального перезвона всю пасхальную неделю. Ребята стремились обязательно залезть на колокольни заранее, чтобы занять очередь и лично звонить в колокола. Это было нелегко, так как требовалось звонить по правилам перезвона, чтобы получалось гармонично и соблюдался порядок звучания по голосам от малого до самого большого колокола. Это занятие требовало учения под руководством старших ребят, которые уже освоили эту премудрость, а некоторые достигали в этом искусстве больших успехов и выходили первоклассными звонарями. Так, например, вспоминается мне наш соученик реалист Лева Жегулин — сын известного на весь Харбин, соборного сторожа Иван В. Жегулина — впоследствии настоятель мужского монастыря игумен Антоний. Лева, проживая в соборном доме, любовно принимал участие в изучении этого мастерства и достиг высоких результатов став замечательным звонарем-виртуозом.

Вся эта тесная связь наших учеников с жизнью наших храмов побудила меня и написать эту статью, о судьбе наших харбинских церквей, которая, конечно, интересна для тех, кто тесно соприкасался с ними и судьба которых может быть многим неизвестна.

В нашем Харбине церквей были 21. Из них больших капитальных храмов было девять, а на линии КВжд-13.

Большие храмы:

Свято-Николаевский кафедральный собор в Новом городе,

Свято-Покровская церковь на старом кладбище,

Свято-Успенская церковь на Новом кладбище,

Свято-Алексеевская церковь на Церковной улице в Модягоу,

Церковь Дома Милосердия на Батальонной улице в Модягоу,

Казанско-Богородицкий мужской монастырь в Гондатьевке.

Свято-Благовещенский храм на Полицейской улице на Пристани,

Свято-Софийский храм на Водопроводной улице на Пристани,

Св.-Иверский храм на Офицерской улице на Пристани,

Остальные храмы, малые, были:

Св.-Николаевская церковь в Затоне,

Св.-Иоанно-Предтеченская церковь в Московских казармах,

Св.-Бориса и Глеба церковь в поселке Ченхе,

Св.-Петропавловская церковь в Нахаловке,

Св.-Ильинская церковь в Механических мастерских КВжд, на Второй Диагональной улице на Пристани,

Св.-Преображенская церковь в Корпусном городке,

Св.-Алексеевская церковь, бывш коммерческих училищ КВжд, на Кривой улице в Новом городе,

Св.-Николаевская церковь в Старом Харбине,

Св.-Иоаннобогословская церковь на Искровом бульваре в Славянском Городке, приюте «Русский Дом»,

Св.-Иверская церковь на Канатной улице в Славянском городке,

Церковь Богородице-Владимирской Женской Обители на Почтовой улице в Новом городе,

Св.-Николаевская церковь при тюрьме на Тюремной улице на Пристани.

Все малые храмы были небольшие, в большинстве — деревянные или саманной постройки, и если некоторые и были кирпичные, то легкого барачного типа, не представлявшие из себя никакого церковного зодчества. Такого же типа построек были и все линейные церкви, построенные на больших железнодорожных станциях на восточной и западной линиях КВжд.

Все малые городские церкви, как и линейные, с отъездом большинства духовенства, вызванного в порядке духовной дисциплины в Сов. Союз в 1956 году, были попросту закрыты и все церковное имущество было перевезено в Харбинское Епархиальное Управление.

Судьба же больших капитальных храмов — такова:

Свято-Николаевский Кафедральный Собор. С переводом последнего настоятеля о. Валентина Барышникова в Иверскую церковь китайскими епархиальными властями, прибывшими из Пекинской миссии и ставшими руководить жизнью и судьбой церквей, в Собор был наз-

начен о. Фотий Хо. Он был албазинец по происхождению. Он служил в соборе до 1959 года, когда, будучи плохого здоровья, скончался от туберкулеза. После этого собор простоял до 1966 года, когда во время «культурной» революции его разобрали хунбинвены, как назывались тогда молодняк-активисты этой революции, в два дня, и тут же сожгли до тла.

На месте собора теперь почему-то возвышается большой холм, окруженный загородкой. Это была большая непоправимая потеря образца старинного русского церковного зодчества.—

Свято-Покровский храм на Старом кладбище. Храм в Новом городе на Большом проспекте между Цицикарской и Мукденской улицами был построен в Византийском стиле. Храм — каменный, красивый. Последним русским настоятелем был протоиерей о. Михаил Андреев, после отъезда которого в Австралию, храм был закрыт. После конца «культурной» революции храм был отведен для проведения богослужений для оставшегося русского населения и в ней китайский священник совершает службы до сего времени. Этот храм является сейчас единственным действующим храмом, но остался совершенно без церковной утвари. Само Старое кладбище снесено и на его месте выстроены жилые дома.

Свято-Успенская церковь на Новом кладбище. С закрытием кладбища китайскими властями и перенесения клабища на новое место за поселок Санкешу, храм был закрыт. С него был убран купол, крыша была сделана плоская и в нем был открыт киоск, обслуживающий посетителей парка, устроенного на месте кладбища. Последним настоятелем был прот. о. Димитрий Лавров.

Свято-Алексеевская церковь. На церковной улице в Модягоу. Это была красивая церковь. Каменный храм с высоким куполом и возвышающейся впереди высокой колокольней. Внутри храм был весь белый с высоким белым иконостасом. После отъезда последнего русского настоятеля прот. о. Николая Старикова в нем служил китайский священник о. Стефан, обладавший прекрасным тенором. При «культурной» революции он был обвинен в измене революции и был убит. Храм остался без служб, и в настоящее время отдан китайским католикам под костел, для замены снесенного католического костела, находившегося в Новом городе, напротив Старого кладбища.

Церковь Дома Милосердия. Эта церковь в честь иконы Божьей Матери «всех скорбящих радость» была небольшая, но имела большое значение, так как была построена владыкой Митрополитом Нестором, Камчатским и Петропавловским и являлась отдельной единицей, вначале не входившей в состав Харбинской Епархии.

Она являлась центром Камчатского подворья и резиденцией владыки Нстора. В ее орбите находились: приют для одиноких сирот девочек, часовня в честь Императора Николая 2-ого и сербского короля Александра 1-го. Купол ее был воздвигнут в виде «Шапки Мономаха» и она была воздвигнута после убиения сербского короля Александра I; иконописная мастерская и другие подсобные хозяйства под общим названием Дома Милосердия.

Ввиду широкой общественной и благотворительной деятельности владыки Нестора, она соединяла в себе большое число прихожан со всех концов города. По отъезде владыки Нестора из Харбина, последним настоятелем в ней был Архимандрит Филарет (в последствии Митрополит и Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви — ныне покойный). С его отъездом из Харбина в 60-х годах церковь была закрыта китайской епархиальной властью, и в настоящее время все постройки снесены и застроены жилыми домами.

Казанско-Богородицкий мужской монастырь. Монастырь был построен в двадцатых годах в поселке Гондатьевка Архимандритом Ювеналием (впоследствии Архиепископ) и хотя церковь при нем и была простая по своему виду постройки, но выделялась своим белым корпусом с высокой колокольней и являлась церковным центром этого обширного района. При монастыре существовала монастырская больница имени д-ра Казем-Бека. С отъездом архиепископа Ювеналия и его заместителя архимандрита Климента в 1955 и 56 г.г. последним настоятелем был игумен Антоний (в миру Иван Васильевич Жегулин), но он к сожалению пробыл непродолжительное время на своем посту из-за преждевременной смерти в 1956 г. Вскоре оставшиеся насельники разъехались и жизнь в монастыре остановилась. Монастырь был закрыт и в нем поселились китайцы.

Свято-Благовещенский храм. Это был величественный храм, построенный заботами и усердием владыки Митрополита Мелетия, бывшего главой Харбинской и Маньчжурской епархии до своей кончины в 1946 г. Всеми любимый и уважаемый за свой скромный и тихий характер, истинного богомольца за свою епархию и за всех своих пасомых, владыка Митрополит Мелетий сумел собрать вокруг себя всех имущих русских людей, коммерсантов, технических специалистов и энергичных хозяйственников и в течение десяти лет, благодаря их трудов, был воздвигнут на месте маленького саманного храма (бывшее Пекинское подворье) на Пристане на Полицейской улице, величественный капитальный храм в византийском стиле. При постройке были учтены современные, тогда, технические достижения — это была железобетонная конструкция арочного типа без единой колонны. Этот храм мог свободно вмещать до тысячи молящихся. Внутри храм был расписан по потолку и стенам и по куполу большими изображениями на священные темы и стал одним из красивейших храмов города. Он был освящен в 1941 году. К сожалению, события готовили ему печальную судьбу. После отъезда последнего настоятеля архимандрита Поликарпа в Америку, настоятелем был поставлен молодой китайский священник из Пекина о. Василий, который поплатился своей жизнью за свои религиозные убеждения во время «культурной» революции.

После этого, храм был закрыт и в нем поместили ... цирк. В 70-х годах, ввиду перестройки района вокруг выхода Китайской улицы к Сунгари, и постройки там больших многоэтажных домов — храм был полностью снесен.

Свято-Софийский храм. На Пристани, на Водопроводной улице, на средства харбинского коммерсанта Т. Ф. Чистякова была построена деревянная церковь в честь св. Софии-Премудрости Божией, но в 1930-33 годах рядом, на средства прихожан, преимущественно пристанских коммерсантов, был построен величественный каменный храм, заменивший деревянную постройку. Настоятелем его являлся маститый протопресвитер о. Михаил Филологов, занимавший также пост Председателя Епархиального Совета, который расположился в здании старой церкви. Там же размещался богословский факультет и

Владивостокское похоронное бюро. Последним настоятелем, до своего отъезда в Сов. Союз в 1956 г., был протоиерей о. Николай Мухин. После его отъезда настоятелем стал, прибывший из Пекина китайский священник о. Аникита, который занял также и пост председателя Епархиальнго Совета. Во время «культурной» революции он был обвинен в религиозном уклоне, и вскоре умер. Храм был закрыт и в настоящее время стоит без надзора и пришел в полную ветхость и стоит без окон. Вокруг него выросли многоэтажные жилые дома, и с улиц этот храм увидеть нельзя.

Свято-Иверский храм. Этот храм в честь Иверской иконы Божией Матери, был построен, как военный храм, на Офицерской улице на Пристани и сооружен на средства чинов Заамурского Военного округа пограничной стражи в 1908 году. Обширный, светлый, с красивым белым иконостасом, украшенным иконами, принадлежавшими когда-то русским полкам. На его участке находился дом для церковно-служителей и служащих при церкви, Серафимовский приют для детей «Ясли», приют для стариков и Серафимовская столовая для бедняков. Первым настоятелем его был военный протоиерей о. Сергий Брадучан, а после его кончины настоятелем являлся прот. о. Николай Вознесенеский (впоследствии епископ Димитрий), который до принятия сана Епископа был училищным духовным наставником Реального училища. Кстати сказать, владыка Димитрий был отцом ныне покойного Митрополита Филарета. После отъезда владыки Димитрия в 1955 г. в Сов. Союз, настоятелем Иверского храма был назначен из Собора прот. о. Валентин Барышников, после смерти которого, храм был закрыт и в нем был помещен китайский театр и библиотека.

Вот, вкратце судьба, постигшая русские православные храмы в гор. Харбине.

Но несмотря ни на что, память о них у людей, особенно учащихся, которые близко соприкасались с ними в юности, будет всегда оставаться в том виде, каком они видели и помнят, расцвет и полноценную деятельность своей Церкви в Маньчжурии.

И. Иевлев

Св. Иверская Часовня (при Соборе.)
(копия Московской)

Св. Николаевский Кафедральный Собор.
гор. Харбин (Соборная Площадь)

Св. Успенский Храм на Новом Успенском Кладбище

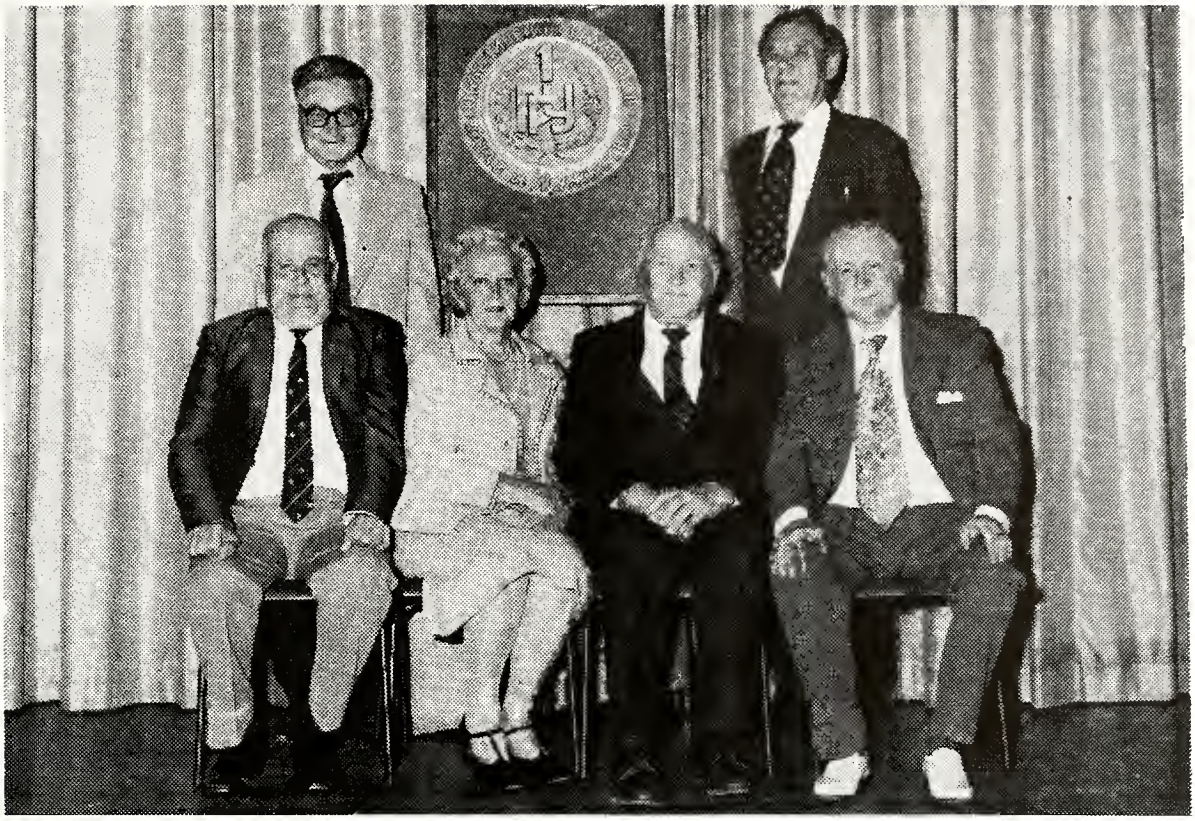
**Наши Иерархи на Торжеств. Молебие
на Соборной Площади.
Впереди: — Протопресвитер о. Михаил Филологов и
Архимандрит Климент. Далее: — Епископы —
Димитрий и Ювеналий, за ними — Митрополит Мелетий
и Архиепископ Нестор.**

Св. Благовещенский Храм (Пристань.) — Полицейская Улица.

Св. Алексеевская Церковь (Модягоу) Церковная Улица

Св. Софийский храм. (Пристань) Водопроводиая Ул.

Св. Иверская Церковь (Пристань) Офицерская Улица



Редакционная Комиссия 1985 г.:

Сидят (слева направо) В. Н. Ерофеев, Н. А. Церцвадзе, А. А. Логунов, Д. Д. Киреевский.
Стоят: А. Г. Панченко и А. Д. Иванцов

Правление Объединения Реалистов приносит
глубокую благодарность художнику
П. М. Химину
за художественное оформление
обложки и, частично, текста
настоящего СБОРНИКА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Слово председателя объединения	1
Выпуск второго номера «Сборника»	2
4-й выпуск абитуриентов I-го Х.Р.Р.У. в 1924 году	4
Воспоминания о нашем училище	5
День Русской Культуры и I-ое Х.Р.Р.Училище	7
Чествование Н. В. Борзова (Вчерашнее торжество в Реальном училище)	11
Мое раннее знакомство с «забастовками»!	15
Спорт в реальном училище	15
«Кто знает конец?»	18
«В нашем объединении»	18
Празднование Николина Дня дек. мес. 1985 г.	20
Поездка в Америку	24
Ручеек	25
Звезда Гель-Гью	25
Саша	26
«Былое»	26
Окна	28
Томленье духа	28
Памяти абитуриентки первого Харбинского Русского Реального Училища Людмилы Приклонской	29
П. В. Зиссерман	30
Петр Добрынин	32
Василий Е. Даниэль	32
Концерт Литфонда	34
О нашем председателе	35
Отзывы о «Сборнике» №1	37
Русские средние школы в Харбине	38
О гимназии Генерезовой	42
«Лирический этюд»	44
Русская пресса в Китае	45
Спортивная жизнь Харбина	48
Судьба харбинских церквей	53

Напечатано типографией «Единение»
Unification Printers & Publishers Pty Ltd
155 Regent Street, Redfern, NSW 2016.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

LA838.8
.S26
no.2

Сборник Памяти

1-го Харбинского Русского Реального Училища.

Сидней

19 декабря 1987 г.